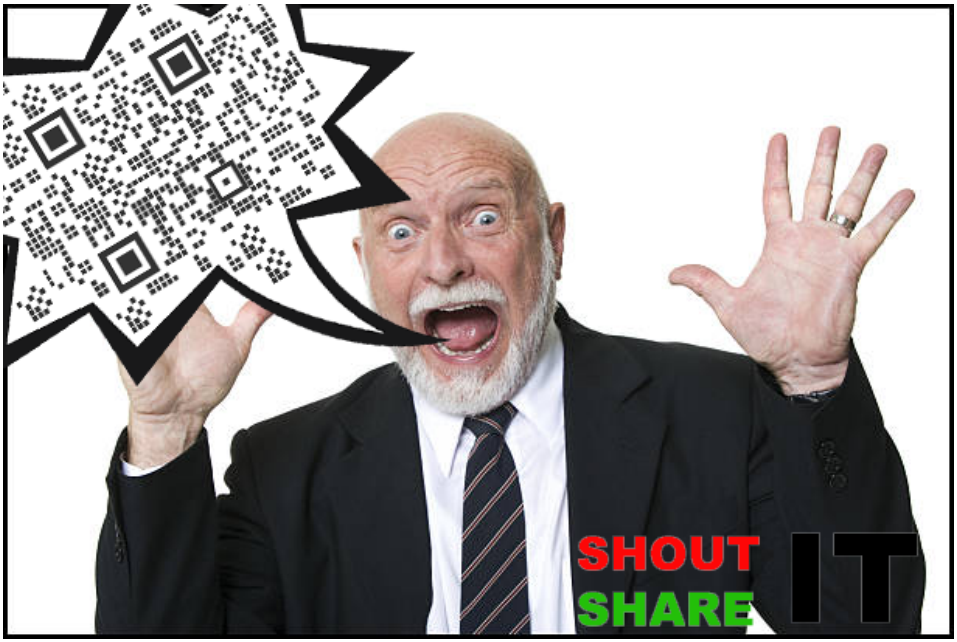
ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

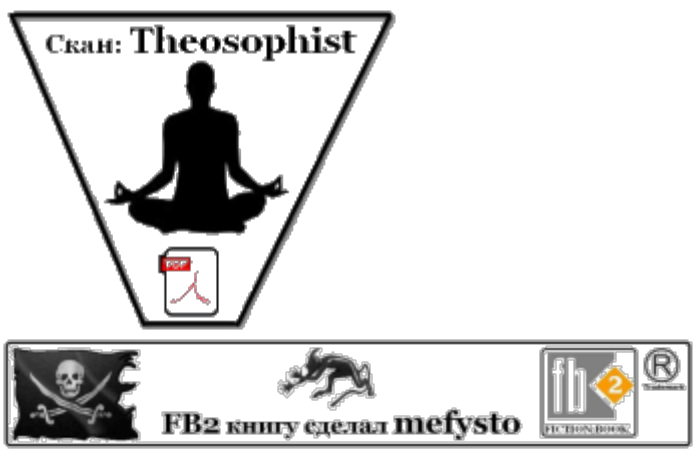
КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

Жизнеописание блаженной Ксении Петербургской, ее чудотворения и пророчества сродни путешествию в неведомую и загадочную страну. Единственная канонизированная юродивая XVIII века, она обрела дар пророчества в одну ночь. «Мнимым безумием мир отвергнувшая», Ксения своими молитвами охраняла град Петров от бед, предсказывая судьбы, помогала людям в их горе и болезнях.



- Наталья Горбачева
  - ЧУДО ИЗ ЧУДЕС
  - МНИМОЕ БЕЗУМИЕ
  - БЕЗДОМНАЯ СТРАННИЦА
  - ОТКРОВЕННЫЕ РАССКАЗЫ
  - «БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ ДУХОМ…»
  - ПРОРОЧЕСТВА ЮРОДИВЫХ
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

○ 6
○ 7

Наталья Горбачева

КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

НАТАЛЬЯ ГОРБАЧЕВА

КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

издательство
ОЛИМП
Москва
1998

ЧУДО ИЗ ЧУДЕС

Блаженная Ксения Петербургская… Блаженная и святая — удивительное сочетание, как кажется на первый взгляд. На Руси блаженными издавна называли юродивых. Для современного человека юродивые сродни сумасшедшим. Но это заблуждение, сложившееся, быть может, из-за того, что мало кому доводилось встречаться, с ними в жизни.

Однако эти люди обладали истинной мудростью, недоступной простому человеку.

Всего в русских святцах имена около сорока юродивых. Женщин среди них почти нет! Женское юродство — это чудо из чудес, даже в сказке нет аналогии.

Ксения из Петербурга — пока единственная канонизированная юродивая XVIII века.

МНИМОЕ БЕЗУМИЕ

Шли бои за Прагу. В подвале одного из домов, откуда ни возьмись, около солдат оказалась женщина в белом платке и с посохом в руке и по-русски сказала, что они немедленно должны уйти, ибо сюда попадет снаряд и они неминуемо погибнут… Солдаты опешили и удивленно спросили: «Кто ты?» «Я Ксения блаженная, пришла спасти вас», — последовал ответ. После этих слов она вдруг исчезла. Солдаты ушли из подвала и спаслись, потому что действительно в то место угодила бомба.

Эту историю рассказала Л. Шпаковская. Спасенный солдат через сорок лет увидел телевизионную передачу о Ксении блаженной и приехал поблагодарить спасительницу на Смоленское кладбище к ее часовне.

«Во время блокады, — поведала Марфа, певчая Смоленского храма, — часовня была закрыта. Мало у кого хватало сил приходить сюда. Но память о Ксении хранили свято. К ней мысленно обращались в самые трудные минуты. Считаю, что меня она просто спасла. Было это в самый тяжелый период девятисотдневной блокады. Она явилась мне ночью в неизменном своем белом платочке, с посохом в руке. Молвила: «В следующую ночь не ночуй дома» — и исчезла так же внезапно, как и появилась.

Вечером я отправилась на ночлег к родственникам, в другой район. А мой дом фашисты в ту ночь разбомбили до основания. Даже убежище, в котором пытались укрыться люди, рухнуло под напором смертоносного огня».

Уверяют, что, даже когда часовня была закрыта, из-за ее стен слышалось церковное пение, нет-нет да и светился огонек за закрытыми дверьми. И женщину в белом платочке и с посохом, легкой поступью обходящую Смоленское кладбище, видели прихожане не раз. Являлась Ксения и в окошке часовни, нередко с Евангелием в руках. Впрочем, образ свой светлый позволяла лицезреть далеко не всем…

Основанием и оправданием величайшего подвига христианского благочестия, подвига «юродства Христа ради», послужили слова апостола Павла в нервом послании к коринфянам, где апостол называл себя и других проповедников слова Божия «безумными Христа ради», которые скитаются и «доныне терпят голод и жажду, и наготу, и побои».

Именем юродивых обычно называют тех, кто не только добровольно отказывается от всех удовольствий и удобств жизни, от выгод общественного положения или звания, от кровного

родства, но и внешне становится как бы безумным, не знающим приличия и стыда. Их жизнь со стороны представляется совершенно несчастной, отвратительной и страшной.

Юродивые, осеняемые благодатью свыше, всем своим существом начинают ощущать суетность и недолговечность всех земных радостей. Они перестают придавать значение любым несчастьям, горю, радости, успехам или неуспехам, своему социальному положению. Привилегия этого подвига — презрение к общественным приличиям.

Не все в этом виде подвижничества объясняется законами разума, многое может быть усвоено только верой. Человек становится ненормальным для мира, чтобы следовать иной, неведомой миру правде. Жизнь полностью меняется, все делается наперекор, шокирующе. Юродивые на деле исполняют заповедь Христа о высшем самоотверженнии: «Отвергни себя и возьми крест свой». Живя в мире, они ему не принадлежат.

Юродивые выходят из среды мирской, несвященнической. На Руси этот новый чин святости появляется в начале XIV века, расцвет его падает на XVI столетие. Начиная с XVI века обличение царей и сильных мира сего становится неотъемлемой принадлежностью юродства.

Летопись свидетельствует, что Псковский юродивый Никола отвратил гнев царя Иоанна Грозного, шедшего на Псков в 1570 году с войском. Николка встретил Грозного с куском мяса, хотя был Великий пост. «Я христианин и не ем в пост мяса!» — сказал царь. Юродивый возразил: «Мяса-то не ешь, а кровь христианскую пьешь!»

Появление святого юродивого совпадает по времени с угасанием княжеской святости. Юродивый становится преемником святого князя в социальном служении. Юродивый — тот же Иванушка-дурачок в русской сказке, так же как Иван-царевич — святой князь.

Вспомним эти персонажи и попытаемся разглядеть в юродстве самые важные черты подвига блаженных. Василий Блаженный, Иоанн Блаженный, по прозвищу Большой Колпак, Прокопий Устюжский — первый русский юродивый, причисленный к лику святых. Кто еще? Юродивые малоизвестны своими подвигами в наше время, хотя раньше они почитались наравне со святыми князьями.

Об огромном уважении и любви русских к юродивым еще три-четыре столетия назад писали многие иностранцы. Тогда юродивые были многочисленны, составляли особый класс людей, их почитали пророками. Лишенные простого здравого смысла, юродивые, однако, совершали такие гражданские подвиги любви

к ближним, какие недоступны другим людям. Не стесняясь говорить правду в глаза никому, они своими непредсказуемыми поступками и оригинальными притчами то грозно обличали несправедливость, то утешали несчастных. Юродивые нередко вращались среди самых порочных членов общества с целью исправить их и спасти, многих из отверженных они возвращали на путь истины и добра. Имея дар предсказывать будущее, они своими молитвами нередко избавляли сограждан от грозивших им бедствий. При всей трудности подвиг юродства требовал от святых подвижников и высокой мудрости. Истинные юродивые, безвинно перенося множество оскорблений, скорбей и лишений, почитали себя великими грешниками, достойными всякого наказания.

Духовный подвиг Ксении из Петербурга — истинное юродство во Христе. Это подвиг исключительный по своей трудности, «род жизни, который превосходит всех», как сказал церковный историк Евагрий. Подлинно юродивые приносили не только свою плоть и имение в жертву Богу, но и разум. Не случайно поэтому список юродивых, причисленных к лику святых, составляет самый краткий перечень имен — всего несколько десятков за все время существования христианства.

Жизнеописание блаженной Ксении Петербургской, ее чудотворения и пророческие предвидения сродни путешествию в неведомую — опасную, загадочную и одновременно интереснейшую страну, которая по прошествии времени всегда снова и снова привлекает к себе своих паломников, хотя бы в дорогих сердцу воспоминаниях и размышлениях о превратностях жизни, об удивительно устроенном мире и нашем в нем месте.

Перелистав не исчезнувшие из истории немногочисленные страницы четырех житий русских женщин-юродивых, удивительных и странных, можно сделать вывод… Этим мужественным женским душам свойствен единый род ни на что не похожего общественного служения: утешать и исцелять тела и души всех страждущих, имея на то необыкновенные дары — прозорливость, смирение и величайшую любовь к людям.

БЕЗДОМНАЯ СТРАННИЦА

На Петербургской стороне

Известно, что родилась Ксения Григорьевна в Петербурге между 1719–1730 годами. Народная память не сохранила никаких сведений о том, кем была блаженная по происхождению, кто являлся ее родителями, где она получила воспитание и образование. Скорее всего, Ксения принадлежала к дворянскому званию, так как мужем ее был полковник Андрей Федорович Петров, служивший придворным певчим.

Ксения Григорьевна прожила в супружестве с Андреем Федоровичем три с половиной года. Детей они не имели. Отношения супругов были идеальными. Ксения Григорьевна очень любила своего «глаголемого» супруга. Это было родство душ, они не могли жить друг без друга.

Андрей Федорович продолжал свою полковничью службу, пел в придворном церковном хоре, а Ксения Григорьевна заведовала хозяйством, помогала бедным, читала с мужем духовные книги и нередко совершала настоящие подвиги любви и милосердия по отношению к ближним. Жизнь их текла тихо и мирно в небольшом домике на Петербургской стороне, купленном Андреем Федоровичем на приданое своей жены.

Поскольку в дальнейшем Ксении суждено было проходить свои земные мытарства именно на Петербургской стороне, имеет смысл дать этому району столицы Петровой подробную характеристику, чтобы понять, какого рода народ жил там в середине XVIII века.

Сразу после основания города Петербургская сторона стала его лучшей частью: здесь находился дворец Петра Великого, жили именитые люди, что видно из названий дворянских улиц. Но впоследствии дворцы начали строить на противоположной стороне, и город, торгуя с Москвой и центральными губерниями России, стал расширяться к Московской заставе.

Петербургская сторона, отрезанная от центра рекой, повернутая к северу, к бесплодным финским горам и болотам, пришла в запустение и сделалась убежищем бедноты. Какой-нибудь бедняк-чиновник, откладывая, несколько рублей из своего скудного жалованья, собирал, наконец, маленький капиталец, покупал за бесценок кусок болота на Петербургской стороне, мало-помалу выстраивал на нем из дешевых материалов деревянный домишко и, дослужив до пенсиона и седых волос,

переезжал в свой дом доживать век. Так выстроилась большая часть Петербургской стороны.

Здесь жили мастера без подмастерьев и работников, горничные без барынь и барыни без горничных. Бедный чиновник-мечтатель, бросивший свой родной город и приехавший в столицу искать счастья, после того, как рушилась последняя надежда, переселялся на Петербургскую сторону, которая своей заброшенностью напоминала пенаты и предоставляла самые дешевые комнаты.

Освистанный актер, непризнанный поэт, оскорбленная девушка убегали на Петербургскую сторону, расселялись по мезонинам и предавались сладостным фантазиям. В их компании оказывался и несчастный купец-банкрот. Многих обитателей Петербургской стороны можно назвать «несчастненькими».

И пейзаж был неказистый: сады без деревьев и деревья без садов; речка Карповка, в которой иногда не бывало совсем воды; улицы и переулки, постоянно покрытые глубокими лужами, в которых плавали утки…

Современным исследователям удалось точно установить, где находился дом Ксении: на углу Петровской (ныне Лахтинской) и Большого проспекта. Сейчас на этом месте разбит сквер.

История Ксении так поразила воображение современников, что породила различные легенды.

Рассказывали, что когда-то жила счастливая супружеская чета, словно сошедшая со страниц романов Лафонтена. Муж Андрей Федорович Петров так любил жену, что и представить себе невозможно, а жена Ксения Григорьевна так любила мужа, что и вообразить нельзя. Вдруг ни с того ни с сего муж помер, а жена съехала с ума от печали и вообразила, что она не Ксения Григорьевна, а Андрей Федорович, что Андрей Федорович не умер, а только обратился в нее, в Ксению. На свое прежнее имя она не откликалась, а когда говорили ей: «Андрей Федорович», отвечала: «Ась?» И носила вдова мужское платье.

Народ сходился посмотреть на нового Андрея Федоровича, а саму улицу прозвали «Андрей-Петровой» (заметим, что извозчики не ехали туда ни весной, ни осенью, боясь грязи по колено)…

Рассказывали и по-другому… На четвертом году счастливого супружества Андрей Федорович смертельно заболел «жаром», он «горел» (видимо, это был тиф. — *Н. Г.*). Ксения дни и ночи проводила у постели больного, отказываясь от сна и пищи. Она совершенно себя забыла, не чувствуя утомления и не зная отдыха, но состояние мужа с каждым днем становилось хуже и хуже. Однажды ночью он потерял сознание и тихо скончался.

Но за час до смерти Андрей Федорович очнулся и в полном

сознании велел позвать священника: исповедовался, причастился Святых Тайн и, подозвав жену, благословил ее. При этом умирающий сказал:

— Служи Господу Богу нашему, славь Всеблагое имя Его…

Рыдающая Ксения припала к хладеющему телу и всю ночь не могла оторваться от дорогого покойника. Всем она казалась потерявшей рассудок.

В эту ночь Ксения Григорьевна рассталась не только с мужем, но и со своей молодой привольной жизнью. Она перестала жить как жена или вдова полковника, а преобразовалась — благодаря откровениям и духовному прозрению — в юродивую рабу Божию Ксению, которой предстояло совершить долгий, сорокапятилетний путь сурового подвижничества и скитаний, самоотверженного служения «славе и имени Божию» через служение ближним. В одну ночь в душе Ксении совершился удивительный переворот, подобие которому трудно отыскать во всей истории Церкви.

Превращение духовное, внутреннее отразилось и на внешности Ксении Григорьевны. И на следующий день она стала неузнаваема: постарела и поседела, будто прожила пятьдесят лет.

— Нет, Андрей Федорович не умер, — сказала она окружающим. — Умерла Ксения Григорьевна, а Андрей Федорович здесь перед вами, он жив и будет жить еще долго, будет жить вечно…

На третий день, когда Андрея Федоровича повезли хоронить на кладбище, Ксения провожала его гроб в его платье. Белье, камзол, кафтан, штаны и картуз — все было мужнино. Она и походила теперь на Андрея Федоровича и стала откликаться только на его имя.

— Ась, что вам? — говорила она.

Когда ее называли Ксенией, она махала руками и кричала:

— Оставьте, не троньте покойницу! Зачем вы ее тревожите? Что она вам сделала, прости, Господи?!

На похоронах Ксения уже не казалась такой убитой горем, как в первый день, хотя все признавали, что с ней произошло что-то неладное и она «на себя не походит». Ее сочли лишившейся рассудка из-за внезапной смерти любимого мужа. Ксения твердо шла за гробом, лицо ее сделалось неподвижным, появились глубокие складки на лбу и около рта (такой ее теперь пишут на иконах). Здесь же, на кладбище, она просила молиться за упокой души рабы Божией Ксении, приговаривая:

— Бедный Андрей Федорович осиротел, один остался на свете…

Особенное участие в судьбе и горе Ксении Григорьевны

приняла Прасковья Ивановна Антонова, вдова унтер-офицера, снимавшая в доме Андрея Федоровича квартиру. Она была женщиной высоконравственной и искренне верующей. Антонова пробовала развлечь молодую вдову, но, как видно, та не нуждалась ни в каком людском утешении.

— Как же ты жить будешь, матушка? — спрашивала Антонова.

— Похоронила свою Ксеньюшку, теперь Андрею Федоровичу ничего не надобно. Дом я подарю тебе, Прасковьюшка, только ты бедных даром пускай, вещи сегодня же раздам все, а деньги в церковь снесу, пусть молятся об упокоении рабы Божией Ксении, — отвечала вдова.

— И полно, милая, — не уступала подруга, пытаясь образумить молодую женщину, — не дело говоришь.

— Как не дело? Что ты, Прасковья! Помогать бедным не дело? Да разве ты не жила всю жизнь для бедных?

— Помогать и ты будешь, только не след отдавать все. Как же сама-то будешь?

— Господь питает птиц небесных, а я не хуже птицы. Пусть воля Его будет…

Антонова из-за упорства молодой вдовы обратилась даже к начальству покойного А. Ф. Петрова, желая спасти имущество его от действий «безумной» Ксении. Начальство вызвало вдову к себе, но, поговорив с ней, убедилось, что Ксения совершенно здорова и потому имела право распорядиться своим имуществом по собственной воле.

На следующий день Ксения привела в исполнение свое желание. Она передала дом Антоновой, раздарила имущество, осталась только в костюме мужа, взяла его кафтан, в который могла кутаться с головой, и вышла из дому без копейки в кармане и без всяких средств существования, не имея никаких решительно планов и видов на будущее и надежд. Ксении исполнилось двадцать шесть лет.

— Я вся тут, — говорила она, появляясь где-либо, и это была сущая правда.

Родственники мужа, естественно, были недовольны поступком молодой вдовы и жалели ее, предлагали приют и помощь. Но она отвечала:

— Мне ничего не нужно. — Она действительно ни в чем не нуждалась всю оставшуюся жизнь…

Любимым местом ее сделалась Петербургская сторона, заселенная «несчастненькими», которых она могла утешить одной фразой. Ксения часто бывала у сестер Беляевых: Евдокии Денисовны Гайдуковой (по мужу), умершей в 1827 году в возрасте

девяносто одного года, и у ее родной сестры Пелагеи Денисовны, бывшей замужем за художником Николаем Гавриловичем Черепановым, состоявшим в чине надворного советника.

Вот эти-то близкие люди первыми и заметили, что «сумасшедшая» Ксения обладает даром прозорливости. С Антоновой произошел просто удивительный случай. Однажды пришла к ней Ксения (никогда не вспоминала, что раньше это был ее собственный дом) и стала укорять:

— Вот ты тут сидишь, Прасковьюшка, да чулки штопаешь, а не знаешь, что тебе Бог сына послал! Беги скорее на Смоленское кладбище! Беги, не мешкай!

Слова Ксении звучали так убедительно! Антонова, с молодых лет знавшая ее и ни разу за эти годы не слышавшая от нее ни слова лжи, поверила и на сей раз. Должно быть, случилось что-то действительно особенное, ведь Ксения ходит везде и знает все новости. Вот и ей что-то сообщает, правда, весьма странное! Антонова быстро собралась и побежала на Смоленское кладбище.

На одной из улиц Васильевского острова, вблизи Смоленского кладбища, Антонова увидела толпу народа. Влекомая любопытством, она протиснулась вперед, чтобы узнать, что случилось. Оказалось, что какой-то извозчик сбил беременную женщину, которая тут же на улице разрешилась от бремени мальчиком, а сама вскоре скончалась.

Сжалившись над новорожденным, Прасковья Антонова взяла ребенка к себе. Стали выяснять, кто были его отец и мать, но, несмотря на все старания петербургской полиции и самой благодетельницы, узнать этого не удалось. Так и остался мальчик у вдовы унтер-офицера. Она дала ему прекрасное воспитание и образование. Впоследствии он стал видным чиновником и до самой смерти заботился о своей приемной матери, был для нее почтительным и горячо любящим сыном. С глубоким благоговением относился он также и к памяти рабы Божией Ксении, которая так много добра сделала его приемной матери и такое участие приняла в его судьбе, едва родившегося и уже оставшегося круглым сиротой.

На Смоленском кладбище похоронен действительный статский советник (чин 4-го класса, соответствующий чину генерал-майора Табели о рангах Российской империи) Андрей Иванович Антонов. Он служил в Экспедиции заготовления бумаг для государственных ассигнований. Видимо, это и есть приемный сын Антоновой, названный, заметим, Андреем.

К сестрам Беляевым Ксения старалась ходить в отсутствие их мужей, которые ее недолюбливали…

Однажды в предобеденное время зашла блаженная к Евдокии.

Обрадованная ее приходом, Гайдукова тотчас начала накрывать на стол. Усадив Ксению, стала угощать ее «чем Бог послал». Обед кончился, и Евдокия принялась благодарить Ксению за ее посещение и извиняться за плохое угощение:

— Не взыщи, голубчик, Андрей Федорович, больше мне угостить тебя нечем. Сегодня ничего не готовила.

— Спасибо, матушка, спасибо за твое угощение, — отвечала Ксения. — *Только зачем лукавить-то? Ведь побоялась же ты мне дать уточки!*

Сильно сконфузилась Евдокия: в печи у нее действительно была жареная утка, которую она приберегла для отсутствующего мужа. Тут же бросилась хозяйка к печке и стала вынимать утку. Но Ксения остановила ее:

— Не надо, не надо, не хочу я утки. Ведь я знаю, что ты радехонька меня всем угостить, да боишься своей кобыльей головы. Зачем же его сердить?

«Кобыльей головой» Ксения называла мужа Евдокии Гайдуковой, которого очень не любила за пьянство, грубый характер и за скверную ругань в пьяном виде.

Об этом случае вскоре стало известно. Люди пытались еще и еще раз проверить «прозорливость» блаженной именно по части съестного. Например, звали ее в гости, имея пирог с рыбой, но, когда она «прозорливо» его требовала, говорили, что нет пирогов, не пекли…

— *Нет, пекли, только не хотите давать,* — уличала Ксения, приводя в восторг испытующих.

Все это можно было бы назвать суеверием простодушной толпы. Настоящая слава прозорливицы ждала Ксению впереди, но она отнюдь не желала никакой славы. Как сказано в акафисте[1] святой блаженной Ксении Петербургской, она «дар прозорливости смирением крайним и подвигом молитвы стяжавшая».

Тот же акафист дает ответ на вопрос, почему Ксения переименовала себя в «Андрей Федорыча», объясняет, что это не «блажь» сумасшедшей. «Именем мужским назвавшись, немощи женской отрешившаяся»… Приступив к тяжелейшему подвигу юродства во Христе, Ксения сознательно отсекла от себя все слабости женской натуры, предполагая вести жизнь суровую, без снисхождения к немощам Евиного рода.

«Царь на коне»

Всю свою странническую жизнь Ксения провела, не имея ни угла, ни комнаты, ни теплой одежды, ни перемены белья, не зная,

что будет есть завтра. Люди мало-помалу привыкли к странностям блаженной, понемногу поняли, что она не простая побирушка-нищая. Многие стали жалеть ее, старались чем-либо помочь ей. Эта жалость особенно усилилась после того, как камзол и кафтан мужа на блаженной совершенно истлели, и она начала ходить в жалких лохмотьях — и зимой, и летом. На босых ногах, распухших и красных от мороза, Ксения носила рваные башмаки. Видя едва одетую, промокшую или озябшую юродивую, многие давали ей теплую одежду, обувь, но она ни за что не соглашалась надеть на себя теплые вещи. Однажды лавочник с рынка спросил ее:

— Не позволишь ли, Андрей Федорович, подарить тебе тулупчик?

— Подари его тому, кто без него несчастен, кому он принесет радость, — отвечала Ксения.

— А какую радость я мог бы тебе сделать?

— Люби ближних своих. Когда я вижу доброго человека, я радуюсь больше всего, и нет мне другой радости!

После мужниного костюма блаженная Ксения всю свою жизнь одевалась одинаково: в толстую холщовую юбку и кофту. Цвет выбирала так: если юбка синяя, то кофта зеленая, а если юбка зеленая, то кофта обязательно синяя.

Бог наградил Ксению могучим здоровьем. Она никогда сильно не болела, а «для укрепления здравия» раз или два в месяц ходила в баню. Там она снимала верхнее платье и, оставаясь в одной рубашке, смачивала холодной водой голову и ложилась на полок. Попарившись час-два, блаженная надевала на мокрую рубашку кофту с юбкой и выходила прямо на улицу даже в тридцатиградусный мороз…

— Не проймет, — говаривала Ксения.

Ей часто стали давать милостыню. Получая медные монеты, она тут же их и расходовала, подавая нищим или покупая самое необходимое. Тратила она на себя десять — пятнадцать копеек в месяц и почти все на баню.

Ксения избежала великого соблазна, ставшего камнем преткновения для многих мнимоюродивых, которые «по копеечке» собирали великий капитал «на старость» и тем самым губили плоды всех своих подвигов. Петербургская блаженная могла скопить огромное состояние. Люди, приметив ее духовные дары, стали весьма часто давать большие суммы денег «на молитву». Но Ксения никогда не брала больше одной копейки. Одну копейку она нередко и сама просила, но две никогда не принимала, как бы ее ни упрашивали.

— Дайте мне царя на коне, — говорила она.

«Царь на коне» — это и была та самая медная старинная копейка с изображением всадника.

И удивительное дело! Не имея запасов и капиталов, блаженная Ксения всю жизнь провела в полном, с ее точки зрения, материальном достатке, потому что была всегда и всем довольна, все желания ее зависели только от ее личной воли и потому всегда удовлетворялись. В народе осталась память о том, как своими «копеечками» ей удавалось содержать несколько сот бедных семейств. Даже самая ничтожная ее помощь приносила счастье. А человек, получивший вдруг от блаженной десяток копеечек, вскорости неожиданным, таинственным образом становился богачом и в свою очередь начинал щедро жертвовать…

Большею частью Ксения бродила по Петербургской стороне в районе прихода церкви св. Апостола Матфея. Где она проводила ночи, долгое время оставалось неизвестным. Этим заинтересовались не только жители, но и полиция, для которой неизвестность местопребывания блаженной по ночам казалась даже подозрительной. Было решено во что бы то ни стало разузнать, где ночует эта странная женщина и что она делает.

Оказалось, что, невзирая на погоду, в любое время Ксения уходила в поле и коленопреклоненно молилась до самого восхода солнца. Во время ее ночных молитв на Смоленском поле стала собираться целая толпа разного рода людей — любопытствующих, сочувствующих, уверившихся в святости блаженной. Но юродивая никого не замечала, сосредоточенно отвешивала поклоны на четыре стороны света, широко крестясь, подняв глаза к небу…

Почитатели Ксении видели и то, как она после ночной молитвы шла в огород бедного мещанина или разоренной вдовы полоть или копать. Утомившись, она тут же забывалась недолгим сном между прополотых грядок. Друзья будили ее и звали к себе, ссылаясь на холод или дождь. Но блаженная отвечала:

— Я привыкла к холоду и дождю, не могу я только привыкнуть к непогоде в сердцах людей. Если вы действительно жалеете и любите меня — не делайте никому в жизни зла. Только враги и злоба людская мучат меня, заставляют страдать. А выспаться на огороде я могу нисколько не хуже, чем на перине.

У Ксении в начале её подвига было много недругов и просто злых людей, которые смеялись и глумились над «сумасшедшей», едва одетой и обутой женщиной, не имевшей места, где главу преклонить. Ее всегдашняя кротость как будто усиливала людскую злобу.

Лишь однажды, когда Ксения уже стала почитаться за Божию

угодницу, жители Петербургской стороны наблюдали ее в страшном гневе. Уличные мальчишки, завидя юродивую, по обычаю стали над ней смеяться, дразнить ее. Блаженная долго безропотно сносила это. Но злые дети не ограничились одними издевательствами. Они начали бросать в нее камни и грязь… Тогда, по-видимому, и у блаженной кончилось терпение. Как вихрь бросилась она за злыми мальчишками, грозя им своей палкой, которую всегда носила с собой.

Жители Петербургской стороны, увидев Ксению в страшном гневе, пришли в ужас от поступка жестоких детей, в народе уже были известны многие случаи ее прозорливого вмешательства в судьбы людей. Благочестивые горожане испугались, что юродивая покинет те места, где ее обижают. Мальчишки были пойманы и наказаны. С тех пор никто не осмеливался открыто издеваться над Ксенией.

Давно уже было замечено лавочниками рынка, что стоило блаженной утром зайти в лавку и взять пирожок или какую-нибудь безделушку, попросить «царя на коне», торговля в этот день шла очень бойко. И наоборот, если она отказывалась принять подаяние, то лучше было закрыть лавку, поскольку торговли в ближайшее время все равно не предвидится.

Как только Ксения появлялась около рынка, ее обступала толпа просителей.

— Прими, Андрей Федорович, на помин души, — предлагал ей кто-нибудь копеечку.

Но юродивая отказывалась:

— Нет, брат, ты покупателей обвешиваешь!

Другому выставляла иную причину:

— Нет, не возьму, ты, мил человек, бедных обижаешь!

Подобные нравственные уроки чувствительно били по карману торговцев рынка, и между ними установилось своеобразное соревнование в добросовестности и помощи бедным. От того и рынок был прозван Сытным.

С петербургскими извозчиками происходило то же самое, молва быстро разносила подобные истории по всему городу. Всем стало известно: к кому Ксения сядет и проедет хоть с сажень, тот будет иметь удачливый день. Число извозчиков, гонявшихся за блаженной с Петербургской стороны, доходило до нескольких сот.

Разносчики пряников, булок, яблок, пирогов и прочей снеди, издали заметив Ксению, раскрывали свои лотки и с нетерпением ждали, чтобы она взяла у них хоть что-нибудь. Прохожие немедленно группировались около счастливца и раскупали в несколько минут все, что было на лотке.

Однако и с извозчиками, и с разносчиками, и вообще со встречавшимися на ее пути людьми юродивая вела себя крайне разборчиво. Она почти безошибочно угадывала «доброго малого», или «бедняка несчастного», или «обидимого правды ради» — таковым помогала. «Пропойц» и «жиденят» не любила, обходила стороной. Последнее выражение было единственным и самым сильным ругательством Ксении…

Ксения предвидела то, что и в голову не могло никому прийти.

Были случаи, когда она миллионерам предсказывала скорую нищету, а нищим — счастье. Так, один крупный торговец Сытного рынка С-в рассказывал, что его дед был нищим, которому Ксения блаженная дала «царя на коне» и сказала:

— *Далеко на нем ускачешь!*

И дед вдруг сделался богачом…

С первых же лет скитальческой жизни блаженной Ксении люди убедились в том, что она обладает редким даром. Простой народ оценивал его утилитарно. Часто ее называли сумасшедшей, которая «сгубила себя», прокаженной, предсказательницей. И точно, жизнь убеждала в том, что она обладает способностью предсказывать будущее, угадывать судьбы людей, узнавать мысли человека, с которым беседовала, влиять на будущее и жизнь тех, с кем сталкивалась.

Много праздного люда поджидало ее на улицах, желая узнать о будущих несчастиях или внезапном счастье. Но своим даром блаженная пользовалась редко и неохотно. Она не была гадалкой и прорицательницей. Пророчества она произносила только ради действительной пользы людей — по внушению от Бога, а не ради славы человеческой. Дурное она всегда предсказывала намеками, чтобы не смутить человека до помрачения рассудка. Сохранилась память о нескольких подобных случаях.

Однажды блаженная пришла в гости к купчихе Крапивиной[2].

Хозяйка очень обрадовалась приходу юродивой. Ксения некоторое время поговорила с купчихой и с гостями, посидела за столом. Потом поблагодарила хозяйку за угощение, а когда стала прощаться, то, указывая на Крапивину, сказала:

— *Вот, зелена крапива, а скоро, скоро завянет…*

Ни Крапивина, ни ее гости не придали значения этим словам. Но очень скоро молодая, цветущая Крапивина неожиданно заболела и умерла. После этого только вспомнились слова блаженной: «Зелена крапива, да скоро завянет». Все поняли, что этими словами Ксения предсказала близкую кончину молодой купчихи.

В другой раз блаженная Ксения встретила на улице одну благочестивую женщину, свою знакомую, остановила ее и, подавая медный пятак с изображением всадника, сказала:

— *Возьми пятак, тут царь на коне; потухнет…*

Женщина в недоумении взяла пятак, не понимая, что бы это значило, — слова казались странными. Ксения исчезла, а женщина пошла домой. Едва она повернула на свою улицу, издалека заметила, что загорелся ее дом. Не успела она, однако, до него добежать, как пламя погасили. Вот и прояснились слова: «Возьми пятак, потухнет». Блаженная Ксения предвидела возникновение пожара и своей молитвой предотвратила распространение огня.

Всех скорбящих радость

О жизни блаженной Ксении невозможно рассказать по порядку и обстоятельно. Многие ее духовные подвиги известны, но, надо думать, большая их часть осталась неведомой миру. В одиночестве совершала она свой жизненный путь, а он был очень длинным. Не было около нее человека, который записал бы в назидание потомству историю ее странствования. Но не столь важны для нас житейские подробности судьбы Ксении Петербургской.

Самое главное, что «несчастной сумасшедшей» удалось исправить всего за полвека нравственность огромного района северной русской столицы. Мы уже упоминали о добрых нравах ставшего с помощью Ксении Сытным рынка. Прибавим к этому, что, по воспоминаниям современников, во время пребывания блаженной на Петербургской стороне эта часть славилась нравственностью жителей и заселялась бедняками, которым легче жилось «около Ксении». Около нее образовался целый кружок друзей, то есть последователей, старавшихся по возможности подражать святой. Было «почти сто» ближайших подруг Ксении, подобно ей посвятивших жизнь подвигам человеколюбия. Сама блаженная утерла слезы тысяч страдающих, обеспечила им нравственную поддержку, утешение, чудесным образом упрочила их материальное благосостояние.

Молва о строгой подвижнической жизни блаженной Ксении, о ее доброте, кротости, смирении, полной нестяжательности, о постоянных ночных молитвах в поле, о безупречной христианской жизни, самопожертвовании, доходящем до крайних пределов, о ее чудном даре прозорливости широко разнеслась по всему Петербургу. Все стали смотреть на нее как на угодницу Божию,

как на великую подвижницу, многие начали не только жалеть, но и глубоко уважать и почитать ее, умиляться истинно подвижнической жизнью.

Вот почему и купцы, и мещане, и чиновники, и беднота Петербургской стороны были душевно рады принять блаженную у себя в доме, поскольку в том доме или семье, где побывала Ксения, водворялся благодатный мир, семейное счастье. Матери уже знали, что если блаженная приласкает или покачает в люльке больного ребенка, тот непременно выздоровеет. Завидя где-нибудь в переулке Ксению, они спешили к ней со своими детьми и просили благословить или приласкать их, зная, что тот ребенок, который удостоился ласки или благословения юродивой, которого она просто погладила по головке, непременно будет здоров и счастлив.

Сделать других счастливыми под силу только тому человеку, который сам истинно счастлив. Трудно поверить, но таковой была земная страдалица блаженная Ксения, которая почти весь свой век провела без собственного угла, домашнего тепла и уюта, без обычных человеческих радостей.

— Я так счастлива, как только можно быть счастливой, — говорила она, когда окружающие пожимали плечами, удивляясь ей, или смеялись над ней. Когда же юродивой предлагали поселиться в богатом купеческом доме и стать в нем хозяйкой, Ксения отвечала: — Зачем мне без нужды страдать?

Почему же именно в тяжелых страданиях обрела Ксения истинное счастье? Во всяком случае это произошло не из-за недостатка ума. Наоборот, сохранились предания, что Ксения была женщиной выдающегося ума, железного характера и твердой воли. Жизненные обстоятельства, совокупность душевных талантов, происхождение, воспитание, искренняя и сильная вера привели к тому, что Ксения в течение сорока пяти лет юродствовала во Христе. Для выявления ее выдающихся способностей юродство было единственной формой служения общественному благу. Никто из людей не мог ей помешать исполнить все заповеди Христовы, главные из которых состоят в любви к Богу и в любви к ближним. Она проповедовала самой жизнью, потому что всю жизнь свою посвятила людям, совершенно забыв о себе. Блаженная Ксения была добрым гением заблудших и грозным судией бессердечных, строгим карателем дурных поступков и покровительницей ростков всего доброго, что встречала в людях.

Образ жизни блаженной Ксении — постоянное странничество. Лицо ее, хоть и сильно изможденное, превратилось в лик. Кажется, сама доброта и кротость были

запечатлены на нем. Чувствовалось, что душа ее далека от мира, что хотя тело ее еще на земле, но духом своим она находится совсем в другом месте.

Мы уже упоминали, что чаще всего она заходила к сестрам Беляевым, которых посещала почти ежедневно. Сестры свидетельствовали, что Ксения не только примером своей нищеты, но и словами и поучениями влияла на их духовное развитие. Случалось, что к ним в дом стекались сотни почитателей блаженной, и Ксения, одетая в ветхое рубище, рассказывала людям, как надо понимать земное счастье, как следовать учению Христа, любить ближних…

Дополним и портрет Прасковьи Антоновой, которой Ксения передала свой дом и завещала всегда принимать в нем даром бедных. Для новой домовладелицы это не было тяжким бременем, потому что она сама выросла в бедности, потеряла в молодости мужа и прослужила нянюшкой в бедном семействе тридцать лет, поставив на ноги пять сирот, родившихся на ее руках. Большую часть жизни проведя в тесном общении с блаженной Ксенией, Прасковья Ивановна, будучи совершенно безграмотной, приобрела ум, поражавший всех своей необыкновенной рассудительностью и знанием жизни. Антонова говорила про Ксению: «Кто не принадлежит миру, тот принадлежит Богу».

К числу знакомых Ксении, к которым она иногда наведывалась, принадлежало также семейство Голубевых, состоявшее из матери-вдовы и семнадцатилетней красавицы дочки. Ксения очень любила эту девушку за ее кроткий тихий нрав и доброе сердце. Однажды зашла к ним Ксения в гости. Мать и дочь готовили кофе.

— *Эх, красавица,* — сказала Ксения, обращаясь к девушке, — *ты тут кофе варишь, а муж твой жену хоронит на Охте! Беги скорее туда!*

— Как так? — удивилась девушка. — У меня не только мужа, но и жениха-то нету! А тут какой-то муж. Да еще жену хоронит…

— Иди! — сердилась Ксения, не любившая возражений.

Голубевы, хорошо знавшие, что Ксения никогда не говорит чего-либо напрасно, почитая ее за угодницу Божию, тотчас исполнили приказание блаженной и отправились на Охту.

Там они увидели, что к кладбищу направляется похоронная процессия. Голубевы смешались с толпой провожавших и пошли вместе с процессией на кладбище. Хоронили молодую женщину, жену доктора, скончавшуюся от неблагополучных родов. Началась и закончилась литургия в кладбищенской церкви, вот уже и отпели покойницу. Гроб с телом понесли к месту последнего упокоения. Вслед за гробом шли и Голубевы.

Закончилось погребение, и народ стал расходиться по домам. Пошли и Голубевы, но вдруг увидели горько рыдавшего молодого вдовца, который при виде могильного холма над прахом любимой супруги потерял сознание и без чувств упал на руки подбежавших Голубевых. Они приняли в докторе самое искреннее участие и смягчили на первых порах его горе. Произошло неожиданное знакомство, переросшее в настоящую любовь: через год молодая Голубева вышла замуж за доктора. Счастливо и безмятежно прожили супруги до глубокой старости. Перед смертью Голубева призвала своих детей и дала последний строгий завет: хранить могилу почившей к тому времени блаженной Ксении и чтить свято ее память, передавая ее своим детям из рода в род.

Этот случай и другие, подобные ему, совершившиеся с обретшими счастье супругами, подали повод к прославлению дара юродивой быть особой покровительницей вступающих в брак благочестивых жениха и невесты. Почитавшие Ксению родители считали особой милостью Божией, если блаженная посещала дом, в котором находилась девица-невеста. В таком случае ей находился достойный жених. Интересно, что в часовне над могилой Ксении по стенам установлены иконы, пожертвованные разными лицами в знак особого покровительства над ними блаженной, и некоторые из икон — с венчальными свечами…

Дар прозорливости блаженной Ксении особенно распространялся на устроение быта христиан, сохранение их семейств и имущества. Известен случай, когда Ксения помогла на далеком расстоянии. Дело было так. К одной помещице в Псковской губернии приехала близкая родственница, жившая в Петербурге и многое слышавшая о блаженной. Вечером гостья долго рассказывала о Ксении, и хозяйка перед сном помолилась о ней.

И вот во сне помещица увидела, что блаженная Ксения ходит вокруг дома и поливает водой дрова. На другой день в двадцати саженях (около 15 метров. — *Н. Г.)* от дома загорелся сарай, в котором было четыре тысячи пудов сена. Дом не пострадал…

«Дщерь Петрова»

В сочельник праздника Рождества Христова в 1761 году блаженная Ксения целый день суетливо бегала по улицам Петербургской стороны и всюду громко кричала:

— Пеките блины, пеките блины, скоро вся Россия будет печь блины!

Никто не мог понять, что означали эти слова, хотя

прозорливость ее была многим известна: следовало ждать какого-то несчастья. Действительно, 25 декабря по Петербургу разнеслась страшная весть: неожиданно скончалась императрица Елизавета Петровна.

Воцарение «дщери Петра» двадцать лет назад было встречено необычайным воодушевлением. Русское общество возлагало большие надежды на дочь Петра I и Екатерины I. Царствование предыдущей императрицы Анны Иоанновны, омраченное владычеством немца Бирона, угнетавшее все русское и печально прославленное деятельностью Тайной канцелярии, являлось одной из самых мрачных эпох в истории России. После владычества немцев при дворе Елизаветы Петровны предпочтение получили русские люди.

В отличие от своего отца Елизавета Петровна очень любила разных «божьих людей», охотно заводила с ними знакомства. Например, в Москве в старинном приходе во имя Николы Явленного на Арбате похоронен в самой церкви юродивый Василий-болящий. Известно, что у Василия при его жизни часто бывала императрица Елизавета Петровна.

Многое сделала императрица для православной веры, потому святая Ксения и горевала о смерти «дщери Петра». Русская Церковь при Елизавете Петровне не была «смущаема» никакими инослав-ными влияниями и процессами над русскими архиереями, во множестве кончавшими свои дни в «каменных гробах» темниц и заточений при Анне Иоанновне. При Елизавете Петровне оставшиеся при дворе протестанты не смели выступать против православия, тогда как в период царствования Анны Иоанновны оно открыто подвергалось гонению. Елизавета Петровна обеспечила преимущества принимающим православие: освобождение от суда и наказания за незначительные преступления, повышение в чинах служащих. При Елизавете Петровне некоторые остзейские (немецкие) дворянские фамилии приняли православие.

Императрица почитала и была много расположена к епископу Белгородскому Иоасафу, впоследствии причисленному к лику святых православной Церкви. Она часто наезжала в Александрову слободу (где некогда жил Иоанн Грозный), в которой монашествовала одна из ее теток, так что иноческая жизнь была знакома государыне не понаслышке. Елизавета Петровна интересовалась внутренним бытом монастырей, вникала в назначение настоятелей, особенно для известнейших обителей, ходила пешком из Москвы на богомолье в Троице-Сергиеву лавру.

Императрица благоволила к духовенству еще и потому, что самый близкий ей человек, граф Алексей Кириллович

Разумовский, был возведен ею на вершину государственных почестей из придворных певчих (вспомним, что у блаженной Ксении муж был придворным певчим).

Будучи русской, Елизавета Петровна и сердце свое отдала не иноземцу, хотя царь Петр I сватал свою дочку — чрезвычайно живую, красивую и находчивую — за французского короля Людовика XV, за Голштинского и Саксонского принцев. Но браки эти не состоялись. Цесаревна осталась в России и полюбила придворного певчего — красавца простого происхождения от малороссийского казака Грицка Розума.

Долго пришлось таиться двум влюбленным. При Анне Иоанновне Елизавета находилась под полицейским надзором. Любая неосторожность — и ей грозило пострижение в монахини. По восшествии своем на престол императрица Елизавета Петровна 25 ноября 1744 года обвенчалась с Алексеем Кирилловичем Разумовским, пожалованным титулом графа. Свадьба состоялась в Москве, в храме Воскресения на Покровке. Венчание было совершено негласно, но при свидетелях. Разумовскому вручили документы о состоявшемся браке.

В старости и после смерти Елизаветы Петровны Разумовский благородно сжег документы, сказав при этом канцлеру Воронцову: «Я был только верным рабом государыни… Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов».

От этого брака было двое детей. Дочь Елизаветы Петровны и графа Разумовского известна в истории под именем княжны Таракановой, которую в целях безопасности российского престола постригли в монахини в Ивановском московском монастыре. Это случилось при Екатерине II. Монахине при пострижении было дано имя Досифея. Она смирилась со своей участью и достигла высоких духовных дарований: к ней приезжали за советами многие значительные лица, в том числе из императорской фамилии.

Елизавета Петровна имела заветную святыню — икону Богоматери Знамения, прозванную впоследствии Царскосельской. Эта икона, весьма древняя, величественных размеров, была домашней иконой русских царей, ее привезли в Россию при Романовых. Петр I перевез ее в Петербург, и она стала келейной иконой цесаревны Елизаветы Петровны.

В ночь, когда был совершен дворцовый переворот, возведший ее на престол, Елизавета Петровна долго молилась перед этой иконой и дала обет: если станет императрицей, не казнить в свое царствование ни одного человека. Указ об отмене смертной казни императрица подписала 7 мая 1744 года. Во время ее царствования не было подписано ни одного смертного приговора.

Когда после Екатерины Великой недолго царствовал ее сын Павел I Петрович, то первая его фраза по восшествии на престол была: «Все при мне будет, как при бабушке» (то есть как при Елизавете Петровне. Павел доводился ей внучатым племянником. — *Н. Г.)*.

В благодарность Богоматери, помогшей цесаревне Елизавете стать русской императрицей, она в своем любимом Царском Селе воздвигла вблизи дворца каменную церковь, саму икону «Знамения» покрыла золотым окладом и ризой со множеством драгоценных камней — бриллиантов, изумрудов, жемчуга, бирюзы, аметистов, сапфиров и опалов. Из камней, не уместившихся на ризе, составилась драгоценная корона в венце иконы. С великим торжеством, крестным ходом, в котором участвовали члены Синода и весь двор, икона была перенесена в построенную церковь. Императрица шла пешком и помогала нести драгоценную святыню[3].

Известен и такой случай благочестия русской императрицы. В 1748 году, проездом в Петербург, вдове генерала барона Вейделя с маленькими дочерьми пришлось остановиться в Ахтырке Харьковской губернии. Баронесса тяжело заболела и, опасаясь за судьбу своих девочек, горячо молилась перед чудотворной Ахтырской иконой в местном Покровском храме, прося себе исцеления. Ночью она увидела во сне Богородицу, которая сказала: «Напрасно просишь об исцелении. Тебя ждет смерть. Поспеши раздать по церквам и нуждающимся все твое имение. Это полезно будет для твоей души».

Больная напомнила о своих несчастных детях, которые должны будут остаться сиротами и без средств к существованию. Богородица ответила: «Не заботься о детях. Я буду всегдашней их Покровительницей. А ты готовься к смерти, так как умрешь через пять дней. Раздай все имущество нищим, чтобы они молились о тебе».

Больная рассказала свой сон духовнику и близким людям и поспешила раздать имущество, сделав соответствующие распоряжения. Через пять дней баронесса действительно умерла.

Императрица Елизавета Петровна, узнав от своих приближенных о благодатном сновидении баронессы и об оставшихся после нее сиротах, прозванных «дочерьми Богородицы», сказала: «Нельзя Матери Божией, Царице Небесной, видимо, быть тем, чем Она благоволила наречь Себя (Покровительницей сирот. — *Н. Г.);* это должна исполнить земная царица, Ее верная служительница. Итак, я буду им вместо матери!»

Когда по высочайшему повелению сироты были привезены из

Харьковской губернии в Петербург и представлены во дворец, государыня нежно поцеловала их, прижала к своей груди, оставила их во дворце и дала им отличное воспитание! Обе сестры со временем стали фрейлинами и вышли замуж: одна за графа, будущего фельдмаршала З. Г. Чернышова, другая — за графа П. И. Панина.

Истинно православную царицу, еще не старую, потеряла Россия в 1761 году. И все произошло по слову прозорливой блаженной Ксении: страна сорок дней пекла блины за упокой души Елизаветы Петровны. С нею заканчивалась эпоха «древнего благочестия», почитания заветов дедов и отцов. Начиналась эпоха Просвещения, эпоха Екатерины Великой, дружившей с философом Вольтером и другими модными руководителями вольнодумной мысли, которые проповедовали «естественную религию» — рационализм, поклоняющийся исключительно человеческому разуму. Рационализм XVIII века очень скоро привел к атеизму, к полному безбожию. Семена дали обильные всходы в XX веке. Верно, и эти всходы прозревала блаженная Ксения, оттого так оплакивала императрицу Елизавету, «дщерь Петра».

Русская «железная маска»

В конце весны 1764 года блаженная Ксения стала ежедневно плакать, порой слезы ее не высыхали целый день. Люди жалели юродивую, думая, что ее кто-то сильно обидел, спрашивали:

— Что ты, Андрей Федорович, плачешь? Не обидел ли тебя кто-нибудь? Скажи…

— *Там кровь, кровь, кровь!* — отвечала она. — *Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь…* — не унималась Ксения, и еще горше становились ее слезы.

Никто не мог понять, что произошло со спокойной и благодушной блаженной, непонятны были и странные слова ее, и рыдания, и скорбный вид. Некоторые соблазнились, предполагая, что оплакивает блаженная свою загубленную во цвете лет жизнь…

Разъяснилось все несколько недель спустя, когда по Петербургу разнеслась молва о страдальческой кончине Иоанна VI Антоновича, законного наследника русского престола, который из двадцати четырех лет своей жизни двадцать два года провел в заточении. Потому так скорбела блаженная, прозревая смерть юного непризнанного императора-страдальца. Краткий рассказ о его жизни нарисует и общую картину русской действительности,

которую застала Ксения Петербургская.

В 1722 году император Петр I Великий издал «Устав о наследии престола». С этих пор царствующий император получал право назначать себе преемника по собственному усмотрению. Так нарушился старинный обычай, по которому власть переходила от отца к старшему сыну. Не предполагал, по-видимому, великий реформатор, что этим актом русский престол отдавался на волю случая, становился в руках всевозможных проходимцев вожделенной игрушкой, что он породил эпоху «дворцовых переворотов», которая продолжалась три четверти века — вплоть до убийства в 1801 году императора Павла I.

Орудием переворотов стала гвардия. Именно гвардия в январе 1725 года избрала на российский престол жену Петра I Екатерину I. Незадолго до своей смерти в 1727 году она написала завещание, по которому власть в стране переходила к малолетнему внуку Петра I Петру II Алексеевичу (1715–1730). Кандидатуру отрока-императора поддержал влиятельный и могущественный вельможа, сподвижник Петра I князь А. Д. Меншиков, задумавший женить на нем свою дочь

Марию. Как известно, дело кончилось ссылкой Меншикова вместе с семьей в Березов, вторым обручением Петра II с Екатериной Долгоруковой и его скоропостижной смертью в крещенский сочельник 1730 года.

Снова и на сей раз особенно остро встал вопрос: кому наследовать российский престол? Для его решения уже в пять часов утра 19 января 1730 года в Лефортовском дворце собрались члены Верховного Тайного совета. Отклоняя кандидатуру Елизаветы Петровны, как незаконнорожденной дочери Петра I, князь Голицын предложил остановить свой выбор на дочери царя Иоанна Алексеевича (брата Петра I) курляндской герцогине Анне Иоанновне. Вдова, утратившая связи и влияние при русском дворе, лучше всего подходила на роль куклы, которой можно будет вертеть, как угодно, ограничивая самодержавную ее власть.

Десятилетнее царствование этой императрицы отмечено тем, что фактически царствовал ее фаворит, немецкий герцог Бирон, который был так же жаден, как и жесток. Внутреннее состояние России во времена «бироновщины» было ужасно. Крестьянство разорили вконец, шпионство распространилось до невероятных размеров. Никто, ложась спать вечером, не знал — спокойно ли проспит ночь.

Анна Иоанновна скончалась в 1740 году, назначив преемником малолетнего Иоанна Антоновича, сына своей племянницы Анны Леопольдовны, а регентом до его совершеннолетия Бирона.

Регентство «канальи курляндской», как назвали русские Бирона, продолжалось ровно 22 дня. 9 ноября, в результате очередного дворцового переворота, Анна Леопольдовна провозгласила себя правительницей государства. Бирон, арестованный графом Минихом, был отправлен в ссылку.

Через год, в ноябре 1741 года, цесаревна Елизавета Петровна, дочь Петра I, вместе с преданными ей офицерами Преображенского полка арестовала во дворце правительницу с мужем и детьми. 12 декабря низложенный полуторагодовалый император Иоанн VI Антонович вместе со всей семьей был отправлен в Ригу с обязательством родителей отречься за него от всяких прав на российский престол. На этом условии Елизавета Петровна обещала отпустить их за границу.

Но через семь месяцев была предпринята попытка организовать заговор против новой императрицы и снова возвести на престол Иоанна VI. После этого Елизавета Петровна в целях безопасности решила не выпускать Иоанна и его родителей из пределов России.

По указам императрицы царственных арестантов держали то в одной крепости, то в другой, пока наконец не доставили в Холмогоры, в 72 верстах от Архангельска. В Соловецкий монастырь удалось добраться по льду, к тому же решили, что сохранить там тайну не удастся.

Семейство поселили в архиерейском доме. Но старшего сына поместили особо: он и не подозревал, что родители за стеной, рядом. Здесь Иоанн VI Антонович пробыл около двенадцати лет в полном одиночестве. Единственным человеком, с которым он мог видеться, был наблюдавший за ним майор Миллер. Чтобы обезличить царственного мученика, Миллеру предписывалось называть его Григорием. Мальчик от горя все время плакал, на новое имя не отзывался, кричал, что он не Григорий, а Ваня, Иван…

Несмотря на полную изоляцию, слухи о пребывании свергнутого малолетнего императора в Холмогорах распространялись, и правительство предприняло новые меры предосторожности. В начале 1756 года Иоанна VI тайно вывезли из Холмогор и доставили в Шлиссельбург. Прочих членов его семейства оставили под стражей на прежнем месте.

В Шлиссельбургской крепости Иоанна содержали в одиночном заключении. О том, кто он такой, знали только три офицера из его охраны. Им было запрещено говорить ему, где он находится. Даже комендант крепости не знал, кто содержится в ней под именем «известного арестанта». Однако Иоанн называл себя государем. Вопреки строгому запрещению обучать его он

как-то научился грамоте, тогда ему разрешили читать Библию.

Елизавета Петровна объявила своим наследником племянника Петра Федоровича (Петра III). Он был сыном цесаревны Анны (дочери Петра I) и герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха. Петр III — внук императора Петра I и внучатый племянник короля Швеции Карла XII — стал родоначальником Гольштейн-Готторпской линии дома Романовых на российском престоле, правившей до 1917 года.

С воцарением Петра III после смерти Елизаветы Петровны в 1761 году (как вы помните, эту смерть предсказала блаженная Ксения) участь шлиссельбургского узника скорее ухудшилась, чем улучшилась, хотя Петр выказывал намерение освободить его. Но это были лишь разговоры. Однако встреча нового императора со свергнутым Иоанном VI Антоновичем — инкогнито— все же состоялась в марте 1762 года. Спутниками Петра III были генерал-полицмейстер барон Корф, Александр Нарышкин, статский советник Волков и фон Унгерн. Подробности этого посещения таковы.

Петр III «пошел со своими спутниками в казематы, где содержался принц, и нашел, что жилище довольно сносное и скудно снабжено самой бедной мебелью. Одежда принца была самая бедная. Он был совершенно без всяких понятий и говорил бессвязно. То он утверждал, что он император Иоанн, то он уверял, что этого императора нет больше на свете, а его дух перешел в него. После первого вопроса «кто он такой?» он отвечал: «Император Иван». Его потом продолжали спрашивать, как это ему пришло в голову, что он принц или император? Откуда он про это узнал? Он отвечал, что знает об этом от своих родителей и от солдат. Продолжали спрашивать, что он знает о своих родителях? Он уверял, что еще помнит их».

Петр III процарствовал лишь полгода и был свергнут с престола своей женой Екатериной II. Новая инструкция о содержании в крепости Иоанна VI Антоновича, написанная новым охранникам, гласила: «Разговоры вам употреблять с арестантом такие, чтоб в нем возбуждать склонность к духовному чину, то есть к монашеству, и что ему имя тогда надо переменить, а называть его будут вместо Григория — Гервасий («копьеносец»), толкуя ему, что житие его Богом уже определено к иночеству. В покое с ним в ночное время ночевать вам обоим. Ежели, паче чаяния, случится, чтоб кто пришел с командой или один, хотя бы то был и комендант или иной какой офицер, без именного за собственноручным Его императорского величества подписанием повеления или без письменного от меня приказа, и хотел арестанта у вас взять, то одного никому не отдавать, а почитать

все за подлог и неприятельскую руку. Буде же так оная сильна будет рука, что спастись не можно, то арестанта умертвить, а живого его никому в руки не отдавать. Н. И. Панин».

Охранники, капитан Власьев и поручик Чекин, аккуратно исполняли предписанное им «ежедневное втолковывание» и вскоре сообщили, что арестант согласен быть постриженным в монашеский чин, только отвергает имя Гервасий, а хочет быть Феодосием («Богом данный». — Я. Г.).

Летом 1762 года в России сложилась редчайшая ситуация. В стране находилось сразу три императора: правнук царя Иоанна V Алексеевича — Иоанн VI Антонович в Шлиссельбургской крепости (эту тайну сохранить не смогли, об узнике ходили в народе разные слухи); племянник Елизаветы, внук Петра I — Петр III в Ропше (куда выслала его Екатерина II под арест, там его и умертвили) и провозгласившая себя российской императрицей немецкая принцесса София Ангальт-Цербстская под именем Екатерины II.

Служивший в гарнизоне крепости Шлиссельбург подпоручик Смоленского пехотного полка В. Я. Мирович узнал тайну секретного узника. Увидев, с какой легкостью был свергнут с престола Петр III, задумал он освободить узника и провозгласить его императором. В ночь с 4 на 5 июля 1764 года он приступил к исполнению своего замысла. С помощью поддельных манифестов В. Я. Мирович склонил на свою сторону гарнизонных солдат, арестовал коменданта крепости Бередникова и потребовал выдачи Иоанна. Охрана, приставленная к узнику, поначалу сопротивлялась, но затем сдалась, предварительно по инструкции убив Иоанна.

«Власьев и Чекин напали с обнаженными шпагами на несчастного принца, который проснулся от шума и вскочил с постели. Он защищался от их ударов и, хотя был ранен в руку, сломал одному из них шпагу. Не имея никакого оружия и почти совершенно нагой, он продолжал сильно сопротивляться, пока наконец они его не одолели, ранив во многих местах. Тут наконец он был окончательно умерщвлен одним из офицеров, который проколол его насквозь сзади».

Это убийство задолго до случившегося провидела блаженная Ксения. Когда по Петербургу разнеслась молва о страдальческой кончине Иоанна Антоновича, все поняли, что своим плачем и причитаниями: «Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь!» — блаженная предсказала кончину законного русского императора, принявшего мученический венец. Был он чист перед Богом, потому так и убивалась праведница Ксения.

9 июля 1764 года Екатерина II писала Панину: «Безымянного колодника хоронить по христианской должности в Шлиссельбурге без огласки же»…

Многие современники считали, что Мирович исполнял волю самозваной императрицы. Екатерина II знала об этих слухам и намеренно придавала процессу над Мировичем «полную гласность». Его допрос и весь процесс происходили при участии не только сенаторов, но и президентов, и вице-президентов коллегий, и генералов Петербургской дивизии. Екатерина даже издала манифест с изложением дела и отдельно объяснила смысл этого документа: «Он (манифест. — *Н. Г.)* был сочинен вовсе не для иностранных государств, а для того, чтобы уведомить Российскую империю о смерти Ивана; надобно было сказать, как он умер, более ста человек были свидетелями его смерти и покушения изменника, не было поэтому возможности ни написать обстоятельного известия, ни сделать этого — значит подтвердить злонамеренные слухи. Шаг был деликатный, я думала, что всего лучше сказать правду».

Мирович, стоя на эшафоте, до последней минуты ждал гонца от императрицы с уведомлением о помиловании. Но так и не дождался. Ему отрубили голову; вечером того же дня его тело было сожжено вместе с эшафотом.

Смоленская церковь

В конце XVIII века на Смоленском кладбище, где суждено было быть похороненной Ксении Петербургской, стала возводиться каменная церковь во имя Смоленской иконы Божией Матери. Особое место в истории храма занимает предание об участии в его создании блаженной, которая по ночам тайно носила кирпичи на строительные леса. Она очень беспокоилась, чтобы фундамент прочно и хорошо укладывали.

— *Много ему придется вынести, но устоит, ничего,* — приговаривала Ксения.

В 1824 году в Петербурге было сильное наводнение. 7 ноября вода со страшной силой хлынула на кладбище и поднялась над ним на десять футов. Все заборы были свалены, мосты и мостки уничтожены, кресты с могил унесены на Выборгскую сторону. Этими крестами в морском госпитале всю зиму топили печи. Большая часть памятников упала, надгробные плиты сдвинулись с мест, деревья были вырваны с корнем. После наводнения все Смоленское кладбище представляло картину полного разрушения. Утонуло много людей. Но Смоленская церковь

устояла под натиском стихии.

Вот тогда и вспомнили о словах блаженной Ксении, просившей укреплять фундамент…

12 ноября император Александр I, осматривая следы разрушений, посетил и Смоленскую церковь, не поврежденную стихией, а теперь уставленную гробами с телами погибших. Потом сам утешал родственников погибших и богаделок, потерявших свою богадельню. Александр I распорядился всем им выдать теплые вещи и три месяца кормить.

Служили вечерню. Император приложился к иконе Смоленской Божией Матери — главной святыне храма[4].

Как же уцелела могила блаженной Ксении в это страшное наводнение?

Массовое посещение могилы Ксении Петербургской началось в двадцатых годах XIX столетия. Толпы народа разбирали по щепоткам могильный холм, потому что признавали землю с могилы блаженной чудодейственной, целебной. Много раз приходилось вновь насыпать холм, потом поставили плиту. Но и плиту разбили, а обломки разнесли по домам. Взамен почитатели оставляли деньги, продукты, и нищие пользовались приношениями (так и после своей смерти Ксения не оставляла самых обездоленных).

В конце концов могилу обнесли железной оградкой, а к оградке прикрепили кружку для сбора пожертвований. Быстро образовалась нужная сумма, чтобы поставить памятник на могиле. Появилась первая часовня из серого обтесанного известняка с желтой крышей и двумя окошками по бокам и желтой дверью посередине, над которой сделали надпись: «Раба Божия Ксения».

На этой часовне впервые было начертано, ставшее вечным, обетование: «Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения своей души. Аминь». Благодаря именно этой первой часовне, построенной до страшного наводнения, и сохранилась могила Ксении Петербургской. В 1902 году была сооружена новая часовня, похожая на небольшую церковь, с мраморной гробницей (по проекту архитектора Славина).

И все же… Почему Ксения возлюбила именно эту, Смоленскую церковь, помогала в ее строительстве? Мало ли в ту пору строилось церквей по всему Петербургу? Видимо, было у блаженной особое расположение к Смоленской… Смысл ее подвига становится ясным, если знать подробности создания этого храма.

Предварительно необходимо рассказать о возникновении Смоленского кладбища. Оно находится в северо-западной части

Васильевского острова, который до построек Петра I назывался Лосиным островом. По преданию, на Васильевском острове поселилась пришедшая из Смоленска артель рабочих. Это произошло в начале XVIII века, когда сподвижник Петра Меншиков начал строить здесь свои палаты. Тяжелый труд, голод и болезни десятками и сотнями сводили людей в могилу; умерших свозили на берег Черной речки и там хоронили. Поле на южной стороне речки стали называть Смоленским. Хоронили беспорядочно, на православное кладбище это место было мало похоже…

После победы под Полтавой, начиная с 1709 года, Петр I стал деятельно заботиться об украшении своего детища. Он повелел вельможам, дворянам, духовенству и богатым купцам строить на Васильевском острове вместо деревянных домишек каменные здания. Из острова царь захотел сделать новый Амстердам: изрезать его каналами, при каналах устроить рынки, а там, где теперь находится Смоленское кладбище, разбить большой публичный сад. Меншикову было поручено привести этот план в исполнение. Однако когда в 1718 году Петр вернулся из-за границы в Петербург, он увидел, что все безвозвратно испорчено. Пространства, предназначенные под каналы, заняты частными домами, так что для каналов не оставалось места.

Людей продолжали хоронить на Смоленском поле: счет шел уже на сотни тысяч, а никакого ухода за кладбищем не было. Оплата работ по организации Смоленского кладбища должна была производиться за церковный счет, а церкви — источника дохода — не существовало. У Синода не было средств для построения храма.

По этому поводу завязалась длительная переписка между духовным и светским начальством, и в 1755 году последовал указ императрицы Елизаветы Петровны о строительстве церкви на кладбище — за казенный счет Губернии. Церковь была деревянной, во имя Смоленской иконы Божией Матери. Кладбище обнесли забором, а наблюдать за ним было поручено отставным солдатам городской богадельни. Так продолжалось до 1768 года. Губернская канцелярия, считая кладбищенскую церковь своей собственностью, забирала ее доходы, не обращая внимания на церковные нужды, отчего очень скоро она пришла в полную ветхость, так что и служить стало очень трудно.

История возрождения Смоленского храма началась после назначения туда второго священника — образованного, деятельного отца Георгия Петрова, московского уроженца. Он затеял новую переписку с начальством, убеждая, что нужно строить новый, большой каменный храм. Ему выделили место под

него, но денег не дали. Первый священник был против строительства, потому что не надеялся на пожертвования. Отцу Георгию пришлось всех убеждать не словом, а делом… Сколько обид, унижений и неприятностей пришлось ему претерпеть, пока собирались необходимые средства! Помогало великолепное знание людей, настойчивость и вера.

Много было отказов. Один богатый домовладелец, которому надоели посещения батюшки, приказал не пускать его к себе на глаза. Но священник увещевал:

— Ты думаешь, мне очень приятно ходить к тебе да глядеть на тебя? И не пошел бы… если б другие жертвовали. А то никто денег не дает, так уж ты пожертвуй! Не останавливать же из-за тебя постройку, а?

У купцов-фабрикантов он выпрашивал кирпич, плиты, известь, железо, даже хлеб, который потом раздавал рабочим в счет заработанных денег. Начинал батюшка с двухсот рублей, а всего собрал восемнадцать тысяч. Первые деньги пошли на уплату архитектору Алексею Иванову. В 1786 году был утвержден проект церкви. 1 июля стали копать рвы под фундамент, а 19-го произведена закладка здания.

Доставка материала осуществлялась по Черной речке. Иногда для прохода тяжело груженной барки приходилось даже ломать и восстанавливать мост, ведущий к Немецкому кладбищу: плотницкие работы в то время ценились дешево…

В 1788 году на церкви был водружен крест, а в 1790-м — освятили два придела — во имя Смоленской Божией Матери и Евангелиста Иоанна Богослова.

Все эти усилия по сооружению храма не могла не видеть прозорливица Ксения. Она помогала словом и делом. Церковь получилась дивной красоты, похожей на корабль, плывущий по волнам житейского моря к тихой пристани, в которой уже упокоилась святая Ксения Петербургская. Предвидела ли она, что южный придел Смоленской церкви будет освящен в ее честь? Бог весть… В этом храме, в котором, по преданию, Ксения целую стену возвела, она незримо присутствует с каждым, «кто помянет ее душу для спасения своей души».

Множество людей похоронено на Смоленском кладбище, получив последнее христианское напутствие — отпевание — в Смоленской церкви. Сколько рыданий слышали ее стены, сколько печальных вздохов вырвалось из самых глубин души, когда прощались с родными и близкими, сколько сожалений в надгробных речах о людях знаменитых, имена которых, казалось, не забудутся вовек…

Князья Долгоруковы, Гагарины, Голицыны, графы Толстые,

Салтыковы, Татищевы, Ивелич, генерал Дубельт, министр внутренних дел при Николае I С. С. Ланской, президенты Академии наук, духовный композитор Бортнянский, писатели Тредиаковский, Княжнин, Бенедиктов, художник Левицкий, актеры-трагики Каратыгин и Асенкова — знаменитые деятели культуры, искусства, государства нашли свой последний приют на Смоленском кладбище. Но и к их могилам со временем зарастает тропа, разваливаются величественные памятники без усердия любящей руки, теряется и сам след могилы. Как сказано в эпитафии Асенковой:

Все было в ней: душа, талант и красота…
И скрылось все от нас, как светлая мечта.
Вот удел человека на земле…

И тем удивительней, что за два века, прошедшие со дня смерти блаженной Ксении, тропинка к ее могиле не только не заросла, но превратилась в настоящую дорогу — дорогу жизни для страдающих, обездоленных, несчастных, отчаявшихся, заблудших, но по молитвам святой блаженной Ксении вновь оживших. Но даже если и нет пока веры к ней, а лишь последняя надежда, что «вдруг поможет», и в этом случае блаженная таинственным образом может воздвигнуть в душе веру, как некогда помогла построить на пустом месте чудесную Смоленскую церковь.

Как птица небесная летала Ксения по Петербургской стороне днем, желая всем и каждому оказать какую-нибудь услугу, а ночью вступала в беседу с Самим Господом Богом, предаваясь молитвенным и иным подвигам. И вот не стало этой подвижницы на земле…

К великому прискорбию всех ее почитателей не сохранилось решительно никаких сведений о времени и месте, обстоятельствах смерти рабы Божией Ксении. Известно, что отпевали ее в храме св. Апостола Матфея. Судя по всему, умерла Ксения в самом начале XIX века. На первой могильной плите была такая надпись: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. На сем месте положено тело рабы Божией Ксении Григорьевны, жены придворного певчего, в ранге полковника, Андрея Федоровича. Осталась после мужа 26-ти лет, странствовала 45 лет, а всего жития 71 год. Звалась именем Андрей Федорович. Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения души своей. Аминь».

Блаженную Ксению люди запомнили преисполненной самопожертвования и бескорыстия, смирения и горячей любви к ближним. Ее почитали на протяжении XIX и XX веков. Огромное количество паломников посещало могилу блаженной на

Смоленском кладбище в Петербурге. В день ее именин 24 января (6 февраля по новому стилю) у могилы собиралось до пяти тысяч человек и служилось до ста панихид. При этом люди передавали друг другу свидетельства о множестве чудес, совершенных блаженной.

Слух о множестве случаев молитвенного предстательства рабы Божией Ксении широко разнесся не только по Петербургу, но и по всей Российской империи. На имя настоятеля Смоленского храма на Смоленском кладбище в Петербурге неиссякаемым потоком шли и шли письма с просьбой помолиться на могиле блаженной об избавлении от какого-то горя, непредвиденного несчастья, о выздоровлении родственников. Благо, был уже изобретен телеграф. Из самых отдаленных уголков — из Сибири, с Кавказа, из Западного края, из внутренних губерний России — отовсюду приходили срочные телеграммы, содержащие единственную просьбу: отслужить панихиду на могиле. До сих пор сохранились обстоятельные письма-благодарности, рассказывающие о произошедших изменениях.

Могила Ксении Петербургской не вскрывалась до революции и избегла кощунственного разорения в годы советской власти — что само по себе можно считать чудом!

О блаженной Ксении и в Ленинграде никогда не переставала передаваться из уст в уста молва, что она исцеляет, отводит беду, помогает найти выход в безвыходной ситуации. К ней всегда можно было прийти почти безнаказанно — к часовне на Смоленском кладбище и тайно помолиться.

Память о блаженной в советские времена решили искоренить основательно. В 1957 году в часовне, где похоронена святая, собрались открыть сапожную мастерскую. Могилу Ксении замуровали, соорудили над ней постамент. На этом постаменте и работали мастера. Словно на трясине… Ни одного гвоздика не дала вбить им Христова угодница — все валилось из рук.

Тогда решили наладить производство статуй типа «Женщина с винтовкой», «Девушка с веслом». Опять — недоумение… Сколько раз, бывало, крепко-накрепко запрут мастера часовню-мастерскую, а утром приходят — статуи вдребезги! Настоящая хозяйка никогда не покидала своего дома и творила такие «чудеса».

Многие из верующих искренне считают, что часовню «спас» от окончательного закрытия или — что хуже — от сноса А. Н. Косыгин. На Смоленском кладбище похоронены его родители, он часто навещал их, и потому место это было под особым покровительством властей.

Тысячи людей, верных и верующих, восстановили

историческую справедливость в отношении подвижнической жизни Христа ради юродивой Ксении Петербургской. Она вернулась к людям, когда на Поместном соборе Русской православной Церкви в 1988 году состоялась канонизация блаженной Ксении, она была причислена к лику святых.

ОТКРОВЕННЫЕ РАССКАЗЫ

Спасение девушки от несчастного замужества

Вначале XIX века в Петербурге проживала богатая вдова генерал-лейтенанта, принадлежавшая к хорошей фамилии. Эта вдова очень уважала память Ксении блаженной, много сделала для сооружения на ее могиле первой часовни — той самой, которая спасла святыню от разрушения во время страшного наводнения 1824 года.

У этой вдовы была взрослая дочь-невеста. Вскоре после сооружения часовни со вдовой и ее дочерью познакомился один полковник. Он стал часто бывать в их богатом доме, сблизился с девушкой и сделал ей предложение выйти за него замуж. Предложение было принято, назначен день свадьбы. В связи с предстоящим событием мать и дочь съездили на могилу блаженной Ксении, отслужили по ней панихиду и долго молились, чтобы она помогла в столь серьезном жизненном шаге.

Все, знавшие вдову и дочь, искренне радовались будущему счастью молодой девушки. И действительно: обрученные — и жених, и невеста — оба были молоды, красивы, обладали значительными средствами. Все сулило им безмятежное счастье.

— Должно быть, по молитвам рабы Божией Ксении, которую они так любят и почитают, Господь послал девушке такого видного жениха, — говорили все знавшие вдову. — Видно, молитва Ксении угодна и сильна пред Богом, и за любовь к себе вдовы она платит своей любовью…

Все это было действительно так. Только любовь блаженной выразилась совершенно иначе, чем думали люди…

Накануне свадьбы жених отправился в Главное казначейство, чтобы получить там большие деньги. В казначействе полковник, подготавливая документы, не заметил, что часовой устремил на него удивленный, пристальный взгляд. Внимательно всмотревшись в полковника и, по-видимому, узнав его, часовой быстро пошел к казначею и тихо сказал ему:

— Ваше благородие, этого человека, — кивнул он на полковника, — нужно сейчас же арестовать. Я знаю его. Разрешите мне сказать ему несколько слов.

Казначей в недоумении взглянул на ничего не подозревавшего полковника и сказал часовому:

— Говори…

Часовой приблизился к полковнику, еще раз пристально

взглянул на него и без соблюдения чинопочитания спросил его:

— А ты, братец, как сюда попал?

Услышав эти слова, полковник побледнел и выронил из рук свои документы. Присутствующая публика, пораженная выходкой часового, тотчас окружила полковника.

— Ваше благородие! — громко сказал часовой, обернувшись к казначею. — Это не полковник, а беглый каторжник. Несколько лет тому назад я как конвойный сопровождал его в Сибирь на каторгу. И теперь узнал его. Я не ошибся.

Мнимый полковник очень испугался, выдав себя с головой. Поняв, что отступать некуда, он сознался: действительно, был каторжником и недавно бежал из Сибири. Его рассказ ужаснул слушателей:

— Убежав с каторги, я долгое время, измученный, холодный и голодный, блуждал по тайге. Наконец мне удалось перейти Уральские горы. Однажды шел я по лесной дороге, еле-еле передвигая ноги. Вдруг чувствую — догоняет меня в повозке, запряженной в одну лошадь, какой-то офицер. По погонам я узнал, что это полковник. Не желая сталкиваться с кем бы то ни было, я отошел в сторону от дороги и пошел своим путем дальше, не обращая на офицера никакого внимания и думая, что он меня не заметил. Но я ошибся. Полковник меня заметил. Он подозвал меня к себе, расспросил, кто я такой, и, определив во мне интеллигентного человека, сжалился и пригласил в свою повозку.

Что тут дальше рассказывать? Мы ехали самым густым лесом… Сколько здесь не кричи — никто не услышит и никакой помощи не дождешься… Словом, воспользовавшись удобным случаем, я зарезал и сердобольного полковника, и его кучера. Потом полковника раздел, надел его платье на себя, присвоил себе его документы и деньги, убитых сбросил с повозки и ускакал. Добравшись до Петербурга, мне, как ловкому и бывалому человеку, да еще при всех документах, легко удалось выдать себя за того полковника. Я познакомился с генеральской дочкой, и завтра должна уже была состояться моя с ней свадьба. Но, видно, Господь услышал молитву сироты-невесты и избавил ее от замужества со мною. А кабы не этот часовой, я завтра бы уже был женат…

Мнимого полковника тут же в казначействе арестовали, судили и из-за многочисленности его преступлений приговорили к смертной казни.

Вот как блаженная Ксения любит любящих ее!

Помощь ветерану

Подполковник Владимир Иванович Никольский, состоявший на службе в 93-м пехотном полку с 1873 года, поверил в молитвы рабы Божией Ксении после своего удивительного исцеления.

— В течение многих лет, еще со времени сидения на высотах Шипки, при защите от турок горы св. Николая, а затем и из-за многих других обстоятельств походной своей жизни я часто простужался. Но, не любя лечиться да и не имея на то достаточно времени, запустил болезнь до того, что доктора послали меня на сакские грязи в Крым. Ездил я в Саки три раза, но каждый раз после возвращения снова простужался, болел все еще сильней. После третьей поездки болезнь так усилилась, что я с трудом передвигал ноги. Врачи и профессора, к которым обращался, осмотрели меня, пожимали плечами и говорили все почти одно и то же:

— Что ж, помазать можно, но я не Бог!

Видя безнадежность собственного положения, я совершенно пал духом — до полнейшего отчаяния. Оно еще усугублялось от сознания, что я совершенно не обеспечил свою семью и в случае моей смерти ей придется нищенствовать, потому что выслуженная пенсия не смогла бы удовлетворить и самых насущных потребностей. Тут я вспомнил почему-то о блаженной Ксении, хотя и до этого слышал рассказы о том, что многие получают помощь и исцеление по молитвам на могиле блаженной Ксении. Я решился непременно побывать на этой могиле.

Дойти до Смоленского кладбища пешком мне было совершенно не под силу, но и на извозчике ехать также не хотел. Мне казалось, что нужно взять на себя хоть какой-то труд, чтобы молитва была услышана. Я придумал сделать так: дойти пешком от дома на Ямской улице до Смоленской конки, на конке доехать до конца 17-й линии Васильевского острова, а от 17-й линии хоть ползком добраться до часовни рабы Божией Ксении.

С самого раннего утра отправился я в тяжелый, по моему состоянию, путь. На черепашью ходьбу до конки затратил полдня, минут 40–50 ехал на конке и от конки до часовни шел два часа. К часовне я добрался уже вечером, когда священник заканчивал последнюю панихиду и собирался идти домой. Я уговорил его отслужить еще одну панихиду по блаженной, кое-как стал на колени и со слезами на глазах начал молиться.

Когда кончилась панихида, я поспешно приложился к надгробию блаженной — меня торопили, часовню надо было уже запирать на ночь. Я вышел из часовни и вместе со священником пошел к выходу с кладбища, по дороге расспрашивая о рабе Божией Ксении.

Распрощавшись со священником почти у самой остановки

конки на углу 17-й линии и Камской улицы, я тут только опомнился и был поражен, что совершенно свободно прошел расстояние от часовни до конки, на что совсем недавно потратил целых два часа. Тогда я решил еще раз испытать свои ноги, а по такому случаю пошел пешком до следующего разъезда конки на Малом проспекте, хотя вагон на Камской улице стоял и мог бы меня довезти. Удивительное дело: расстояние от конца 17-й линии до разъезда я прошел так быстро, что вагон конки не мог меня догнать и мне некоторое время даже пришлось ждать его.

Радость, которая меня охватила в тот момент, не подлежит описанию. Я стал владеть своими ногами как здоровый, хотя болезнь ног была отягощена расширением вен, застоем венозной крови и ревматизмом!

Известно, что в 1907 году В. И. Никольский был еще жив и здравствовал.

Полковничьи дети

Опишем еще один случай из полковничьей жизни. Может быть, блаженная Ксения любила полковников в память о муже-полковнике?

Одна женщина по желанию мужа привезла в Петербург двух своих сыновей для определения в кадетский корпус. Но все ее хлопоты оставались бесплодными. Несмотря на то что дети выдержали хорошо все экзамены, не оказалось ни одной вакансии ни в одном корпусе. Жена полковника была на грани отчаяния…

Проведя еще несколько дней в столице, бедная мать уже нарисовала себе несостоявшуюся карьеру сыновей и решила ехать обратно домой, кляня всех и вся… В день отъезда, идя по мосту, она горько плакала. В это время ей повстречалась какая-то неизвестная женщина, одетая в простую юбку и кофту, и, видя плачущую полковницу, участливо спросила ее:

— О чем ты плачешь? Поди отслужи панихиду на могиле Ксении, и все будет хорошо!

— А кто эта Ксения? — не переставая рыдать, спросила удрученная горем мать.

— Язык до Киева доведет, — ответила незнакомка и тотчас куда-то скрылась.

Жена полковника, не долго думая, стала расспрашивать прохожих, не знают ли они о Ксении, кто она такая и где ее могила. Очень быстро она все узнала и отправилась на Смоленское кладбище, отслужила панихиду в часовне Ксении. Когда она вернулась на квартиру, ей передали письмо с

приглашением зайти в один из кадетских корпусов. Там счастливая мать узнала, что оба ее сына приняты. Жена полковника всю свою жизнь была уверена, что ей на мосту тогда явилась сама блаженная.

Великая княжна Ксения

Петербургская юродивая являлась после своей смерти и в великокняжеском дворце. Однажды заболел наследник-цесаревич Александр Александрович, будущий император Александр III. Жизнь его находилась в серьезной опасности. За ним ухаживала его супруга — дочь датского короля, принявшая при переходе в православие имя Мария Феодоровна.

Как-то раз в коридоре ее остановил человек, исполнявший обязанности истопника в их покоях, и попросил у нее разрешения дать совет больному цесаревичу. Получив разрешение, он рассказал, что и сам некогда был сильно болен и получил исцеление, когда ему принесли песку с могилы рабы Божией Ксении. И тут же передал часть этого песка с просьбой положить его под подушку больного, которого все, кто его знал, очень любили за доступность и доброту.

Супруга исполнила просьбу доброжелательного слуги. Ночью, сидя у постели больного мужа, она забылась, и ей было видение.

Перед ней, как живая, стояла старая незнакомая женщина странного вида в характерном наряде. Женщина сказала:

— Твой муж выздоровеет. Тот ребенок, которого ты теперь носишь в себе, будет девочка. Назовите ее моим именем — Ксения. Она будет хранить вашу семью от всяких бед.

Когда Мария Феодоровна пришла в себя, женщины уже не было.

Все, что предсказала явившаяся в видении с утешением и доброй вестью блаженная Ксения страдавшей жене, исполнилось с буквальной точностью. Могучий организм царственного больного переборол тяжелый недуг. У супругов родился четвертый ребенок, первая девочка в семье, которую назвали Ксенией. Это была сестра последнего русского императора Николая II. Великая княжна Ксения прожила долгую жизнь: родившись в 1875 году, умерла в 1960-м. Впоследствии она вышла замуж за великого князя Александра Михайловича, внука императора Николая I Павловича.

Примечательно, что через несколько месяцев после свадьбы великой княжны Ксении на семью обрушилось страшное горе. Отец ее, император Александр III, исцеленный некогда по

предсказанию блаженной Ксении, заболел и скончался в возрасте сорока девяти лет в полном расцвете лет и, казалось, богатырских сил. Это произошло в 1894 году.

Царица Мария Феодоровна, поминая явленную некогда помощь, ежегодно приезжала на могилу блаженной и совершала по ней панихиду. 1919 год стал поворотным в жизни вдовствующей царицы и великой княжны Ксении, когда они навсегда покинули пределы России на борту британского крейсера «Марлборо», присланного сестрой Марии Феодоровны английской королевой Александрой. Благочестивая царица-мать вместе с дочерью Ксенией Александровной, ее мужем и семью детьми умерли своей смертью. Но два брата Ксении были расстреляны большевиками: император Николай II Александрович и Михаил Александрович.

На чужбине

В жаркие летние месяцы одно семейство, в котором было двое детей, оказалось вдали от родного дома и в весьма тяжелых обстоятельствах. Муж опасно заболел. Ему становилось все хуже и хуже, лекарства не помогали, болезнь прогрессировала. Через три месяца, когда палящее южное солнце, невыносимая жара и духота совершенно подорвали здоровье больного, он оказался не в состоянии даже разжимать губы и принимать пищу. Дни его были сочтены… Что произошло дальше, поведала жена умирающего:

«Доктор, уходя, как-то странно поглядел на меня, заглянул в глаза и сказал: «Я приду завтра утром». Я поняла, что это конец.

Я отвела детей к соседям, жившим через два дома от нас. Мне хотелось тишины и молитвы. Жара стояла нестерпимая, удушающая. Я открыла все двери для движения воздуха. Мысли, самые отчаянные и горестные, одолевали меня. Помимо скорби от потери верного друга пугала перспектива остаться одной с малыми детьми. Если бы я была сейчас дома, я поехала бы на Смоленское кладбище к блаженной Ксении. Там, припав к могиле, выплакала бы свое горе…

Шум захлопнувшейся калитки прервал мои думы. Кто-то вошел к нам в сад, подумала я. В это время в проеме открытой двери бесшумно появилась странная гостья. Лета ее невозможно было определить, но самым странным казался ее наряд. Теплые, мягкие валенки, длинная шуба особого покроя, вся в сборках, а на голове большой белый пуховый платок, концы его были закручены на шее. Так, верно, носили глубокой зимой женщины-

простолюдинки. Вся она была необыкновенно привлекательна.

— Голубка, скажи мне, где живут Пироговы, я ищу их, — спросила гостья.

— Через два дома, — грустно ответила я.

— А что, твой-то плох? — указала она на дверь, за которой лежал больной. Женщина бесшумно прошла мимо меня к мужу, с минуту смотрела на него. — Слушай, голубка! — ласково сказала она, возвращаясь ко мне. — Не печалься!

Вчера тут приезжал один важный доктор, такой ученый, что страсть. Он говорил, что больного надо кормить каждые полчаса понемногу, по две ложечки. Ну там молока, чаю, кашки, а там уж сама что придумай!

— Да он уж третий день губ не разжимает, — ответила я.

— Ничего, ничего, ты попробуй! Ну прощай, мне пора…

И она исчезла. На этот раз даже калитка не хлопнула. Я вышла на балкон. Вправо и влево далеко была видна улица, залитая палящим солнцем, но моей гостьи нигде не было видно.

Тут только я поняла всю несообразность ее зимнего наряда этой нестерпимой жаре.

Я подошла к больному. Муж открыл глаза и чуть слышно попросил пить. Дрожащими руками я поднесла ему чашку чаю, еще не решаясь верить, что этот слабый проблеск жизни есть намек на выздоровление.

— Кто подходил ко мне? — спросил он.

Я не знала, что ответить, и сказала:

— Одна незнакомая женщина.

Муж глубоко вздохнул, точно выдохнул какую-то тяжесть.

— Мне легче. Кто подходил ко мне? — повторил он, засыпая.

Вернулись дети. Я спросила их, не приходила ли женщина в шубе и в валенках, закутанная платком, к Пироговым. Дети ответили, что никакой женщины не видели и вообще не видели, чтобы кто-то прошел по улице.

Я вошла к мужу с чашкой молока. Он встретил меня со слабой улыбкой на изможденном, исхудавшем до неузнаваемости лице. Больной отпил полчашки молока и снова спросил меня:

— Кто приходил ко мне?

Я, как могла, объяснила ему появление таинственной гостьи и прибавила, что сейчас пойду к Пироговым и узнаю, кто она, так как она их искала.

У Пироговых я начала расспрашивать о женщине в валенках и шубе, которая искала их. К ним, как оказалось, никакая женщина не приходила, и они стали даже подшучивать надо мной: в эдакой жаре да появиться в шубе и в валенках! Верно, какая-нибудь блаженная, сказали они, или вам привиделось!

Не добившись от них ответа, я вернулась домой. Муж уже сидел на кровати, опираясь на подушки.

— Ну что? Узнала? — был его первый вопрос.

— Нет, ничего не узнала, ее там не было.

— Так слушай меня… Ведь я умирал и сознавал, что умираю. У меня не было сил ни открыть глаза, ни позвать тебя, и силы оставляли меня совсем. Вдруг я почувствовал, что кто-то подошел ко мне, и на меня вдруг повеяла какая-то живительная прохлада. Это был миг: я силился схватить струю этой прохлады. Теперь я знаю, что поправлюсь. Ты молилась… Кого же ты звала на помощь?

— Блаженную Ксению, — сказала я и разрыдалась.

Когда мой муж окончательно поправился, он стал наводить справки, какой доктор был проездом в то время. Оказалось, что никакой доктор не проезжал и зимней гостьи никто больше не видел.

Я в душе храню, что блаженная Ксения являлась ко мне на мой зов».

«Авось помиримся!»

Водной из деревень Вологодской губернии Грязовецкого уезда в 1909 году состоялся сельский сход. Долго обсуждали крестьяне свои проблемы, но ни к какому решению не пришли. Мнения разделились. И как это нередко бывает, разгорелись споры, начались крики, попреки друг другу, и дело кончилось дракой. Во время этой драки крестьянин Крутиков ударил своего соседа крестьянина Прокофьева так сильно, что сломал ему руку. Сгоряча никто не обратил на это внимания.

На другой день, когда Крутиков узнал, что Прокофьев болен и лежит в постели, что у него сломана рука, он тотчас прибежал к соседу и стал просить прощения. Долго умолял он Прокофьева забыть это дело и простить его невольный грех. Но Прокофьев и слушать ничего не хотел.

— Пусть нас разберет суд, — говорил он, — а я простить не могу.

Много раз навещал Крутиков соседа, просил прощения, но Прокофьев не сдавался. Напротив, он выправил докторское свидетельство о своей болезни и подал на Крутикова жалобу в Окружной суд. Страшно перепугался Крутиков. Но делать было нечего: пришлось ему ехать в Вологду советоваться с адвокатом, как и что ему делать. Адвокат сказал, что дело плохо и, вероятно, придется месяцев шесть провести в тюрьме.

Вернулся Крутиков из Вологды совершенно удрученный: не ест, не пьет, спать не может. А тут случилось новое горе — произошел пожар, и у него сгорели дом и все имущество. Это несчастье как будто пробудило Крутикова. На время он забыл свое первое горе и деятельно принялся за строительство нового дома. Но кончилась стройка, перебрался Крутиков с семьей в новый дом. Вскоре пришла повестка из Окружного суда явиться на суд в волостное правление.

Совершенно пал духом Крутиков.

«Я, — рассказывал он, — перестал есть и спать. Все спят семейные, я один не сплю. То плачу, то перекрещусь: суди Господь волю Твою! Однажды вечером пришел домой совершенно усталый и лег, а душа беспокоится, не дает мне покою ни на миг. Снова стал молиться, креститься. Наконец, не выдержал, вскочил с постели и пошел к соседу. Так случилось, что в тот вечер к нему приехала в гости из Петербурга родственница и навезла новостей. Пошли разговоры о том о сем. Рассказал я гостье о своем горе, а она вдруг и говорит:

— Вот возьми-ка, голубчик, эту книжку да прочти ее хорошенько. Это про блаженную Ксению. Слышала я, что помогает в горе. Ты почитай книжку да помолись хорошенько, авось Господь поможет тебе в несчастье.

Взял я эту книжку, ушел домой, зажег огонь и всю ночь просидел — читал. Очень заинтересовала она меня. И чем дальше ее читал, тем больше мне хотелось знать все про эту Ксению. Описание проявлений милости Божией ко всем нуждающимся, по молитвам рабы Божией Ксении, очень на меня подействовало.

Прочитал я эту книжку несколько раз, потушил огонь, перекрестился и под утро лег. Но снова не мог уснуть. Что будет с моей семьей, если меня посадят в тюрьму? Время самое рабочее, а работник я один: в семье у меня то малый, то старый, пропадет моя семья… Снова вскочил я с постели, подошел к божнице и стал молиться о помощи рабе Божией Ксении, обещал соорудить ей неугасимую лампаду и всегда свято чтить ее память, если дело мое останется без последствий и меня не посадят в тюрьму.

И что же случилось? В назначенный день уездный член Окружного суда приехал на суд в волостное правление. Просителей и подсудимых набралось множество. Устроили всем перекличку: вызвали и меня, и Прокофьева, и свидетелей. Все оказались налицо.

Началось разбирательство дел. Много дел рассмотрел судья, много и времени прошло. В комнате суда было страшно душно. Настало время обеда, а мое дело все не рассматривается. Тогда я решил в последний раз попытаться примириться с Прокофьевым

и спросил письмоводителя:

— А что, скоро будет разбираться наше дело?

— Нет еще, — ответил тот. — Будет разбираться последним.

— Так можно нам пойти чайку попить?

— Ну что ж, ступайте, пейте свой чай, — с усмешкой сказал письмоводитель. — Есть еще время…

Вышли мы с Прокофьевым из волостного правления и пошли в чайную. Дорогой я неустанно призывал в помощницы Ксению и предлагал Прокофьеву покончить дело миром. Но тот уперся и не соглашался. Пришли мы в чайную, заказали чаю. «Авось за чаем помиримся», — думал я и снова мысленно молил блаженную. И еще чашки мы не выпили, как бежит сторож волостной и кричит, руками машет:

— Что вы тут, дураки, делаете! Ваше дело разбирают, а вы чаи распиваете! Бегите скорее в суд!

Я, как сумасшедший, бросился обратно, а Прокофьев и свидетели не поверили сторожу, остались пить чай. Прибежал я в суд, едва успел к судье протиснуться, а он уже спрашивает:

— Не желаете ли вы, Крутиков и Прокофьев, покончить дело миром? Что скажете?

— Так точно, ваше благородие, очень желаю, — ответил я с жаром.

— Ну а что вы скажете, Прокофьев?

— Его здесь нет, — ответил письмоводитель. — Он со свидетелями ушел в трактир чай пить.

— Ах они свиньи этакие! Я нарочно из города сюда приехал, чтобы крестьянам меньше расходу было, а они за две версты пришли и не могли дождаться разбора дела, — рассердился судья.

Затем что-то написал в деле и вслух всем объявил:

— Дело Прокофьева с Крутиковым оставляется без последствий.

Только он объявил решение, как является и Прокофьев со свидетелями.

— Я здесь, — объявился Прокофьев.

— Пошел вон! — сказал ему судья. — Иди допивай чай! Ваше дело решено уже. Без последствий!

Много смеху было над Прокофьевым со стороны всех присутствующих, но мне-то было как раз не до смеха, ужас объял меня. «Вот, — думал я, — что делает Господь! Вот как доходчивы молитвы праведников, угодников Его». И побежал я, ни на кого не оглядываясь, только мысленно благодаря Ксению родную, что можно теперь семью мою порадовать.

После этого все мы в семье решили послать денег в часовню

ее на Смоленском кладбище — на масло к неугасимой лампаде и на панихиду по ней. Вот теперь и молимся ей всегда, как святой. Она и есть святая, потому как помогла семейство от сраму избавить…»

Пропащий муж

В конце XIX столетия в городе Вильно проживало семейство Михайловых, состоявшее из мужа — военного чиновника в отставке, жены его Марии Васильевны и единственной их дочери Евгении, гимназистки. Муж получал пенсию: 970 рублей в год. На эти скромные средства, при взаимной любви друг к другу, семья жила вполне счастливо.

Но Провидение сулило внезапную перемену участи. Однажды дочка простудилась, заболела воспалением легких и умерла. Невозможно передать горе родителей: жена целые дни проводила на могиле дочери, впав в отчаяние, а муж начал пить водку. В пьяном виде он становился придирчивым и несносным. В семье вместо прежней тихой и благочестивой жизни начался настоящий ад: каждый день шум, ругань, крики, драка. Бедной Марии Васильевне не стало в доме житья. Наконец, муж как будто одумался: перестал пьянствовать, ходил целыми днями мрачный, о чем-то все время думал, до поздней ночи где-то пропадал, с женой почти не разговаривал.

Прошло несколько месяцев со дня смерти дочери. Вдруг муж объявил Марии Васильевне, что не намерен дольше оставаться в Вильно, что получил место в Ташкенте и что если она хочет ехать с ним, то должна тотчас распродать свое имущество и укладываться: через неделю состоится отъезд. Если же она не желает ехать с ним, то может остаться в Вильно. Он будет высылать ей 50–60 рублей в месяц на содержание.

Долго раздумывала Мария Васильевна над предложением мужа: она была очень привязана к дочке, привыкла жить в Вильно, к тому же боялась, что муж опять начнет пить. Так много горя увидела женщина в последние месяцы, а если это случится в чужой, далекой стороне… Мария Васильевна решила остаться в Вильно.

Первые месяцы муж аккуратно посылал жене деньги, хотя и не писал писем. Затем содержание стало высылаться реже и наконец совсем прекратилось. Марии Васильевне пришлось распродать всю обстановку, вещи. Сначала она поселилась в комнатке, но средства ее вскоре истощились окончательно, нечем было платить за комнату, нечего было есть. Оставалось

единственное — просить милостыню Христа ради. На ее счастье на помощь пришло Виленское общество защиты женщин, случайно узнавшее о ее положении. Оно определило ее в богадельню, попыталось разыскать мужа, но толку из этого не вышло никакого. Марии Васильевне посоветовали самой съездить в Петербург и там навести справки о муже.

Приехав в столицу, Мария Васильевна прежде всего попыталась найти самый бедный уголок, где можно было бы приютиться. Долго ходила она по разным богадельням и приютам и наконец попала в общежитие работниц. Но радость ее была недолгой: ей было пятьдесят восемь лет, а работницы — молодые девушки — начали издеваться над Марией Васильевной. Между тем и хлопоты по розыску мужа оказались безрезультатными: в военных канцеляриях ей сообщали только, что из Ташкента муж переехал туда-то, туда же перевел и пенсию. Но адреса сообщить не могли, а потому не могли привлечь и к суду. (Впоследствии оказалось, что Михайлов со времени отъезда из Вильно семь раз менял свое местонахождение.) Отчаянию Марии Васильевны, казалось, не было предела. Она начала думать, что нет ей больше места на земле… Целыми днями сидела Мария Васильевна в садике при Греческой на Песках церкви и плакала…

Однажды к ней подсела какая-то старушка, разговорилась с несчастной женщиной, расспросила про ее горе и, прощаясь, сказала доверительно:

— Охота вам, матушка, таскаться по разным канцеляриям, ступайте-ка лучше на Смоленское кладбище к блаженной Ксеньюшке, помолитесь там хорошенько, и Ксеньюшка разыщет вам мужа.

— А кто эта блаженная Ксеньюшка? — спросила Мария Васильевна.

— А вот когда она разыщет вам мужа, тогда вы и узнаете, кто она, — ответила старушка. — Прощайте, недосуг мне больше с вами разговаривать. А вы все же сходите к Ксеньюшке непременно. Каяться в том не будете!

Старушка простилась и ушла, подав хоть какую-то малую надежду, за которую Мария Васильевна ухватилась. Поплелась она пешком на Смоленское кладбище. Нашла там быстро и часовню рабы Божией Ксении — как не найти, если туда все время народ шел… Простояла в часовне несколько панихид, заливаясь слезами, хотела и от себя отслужить панихиду, да денег не было ни копейки. И опять поплелась домой — в общежитие веселых работниц.

На следующий день пойти в канцелярию не было сил — ноги болели от вчерашней усталости. На третий день Мария

Васильевна все же доплелась до канцелярии, и ей вдруг сообщили, что муж найден: он в настоящее время проживает в Кишиневе по такому-то адресу. Тут же подала «соломенная» вдова прошение в Санкт-Петербургский Окружной суд прошение о выдаче ей законной части пенсии мужа. Началось дело, и определением суда ей было присуждено выдавать из пенсии мужа 30 рублей в месяц.

С тех пор как появилась у нее эта малая сумма, Мария Васильевна проживала в богадельне Марии Андреевны Сабуровой (угол Манежного и Церковного переулков в Петербурге), нередко ходила на Смоленское кладбище к «Ксеньюшке». Потом доживать свой век отправилась в Вильно и была похоронена рядом с дорогой дочкой.

К этой истории можно добавить, что в начале XX века, по благословению митрополита Антония (Вадковского), в память блаженной Ксении на Малом проспекте Васильевского острова, по которому частенько хаживала юродивая, был устроен Дом трудолюбия для бедных одиноких вдовиц и сирот-детей, не имеющих крова и возможности заработать себе на хлеб насущный. Это спасительное пристанище просуществовало до революции.

Заветное поручение

Предлагаем вниманию читателя рассказ А. Смирновой. Хотя в нем и есть элемент художественного творчества, но это относится к записи событий. Сами же события, имея реальную основу, изложены ясно и правдиво.

«Однажды весной я возвращалась в Петербург из имения родственницы моей в К-ой губернии. Ехать приходилось на лошадях по проселочной дороге. Была весенняя распутица. Отъехав от последней станции верст двадцать, пришлось остановиться — впереди была разлившаяся река, да и время к вечеру. По совету моего ямщика я решила прибегнуть к гостеприимству одной барыни, имение которой находилось как раз на нашем пути.

Еще по дороге к усадьбе мой возница пояснил мне, что тут живет барыня, Марья Сергеевна Горева, и что она «очинно набожна и каждого нищего обласкает и примет и без награжденья не отпустит». Барыня действительно оказалась очень радушной и любезной хозяйкой и, узнав, что я из Петербурга, обрадовалась мне как родной. Я извинилась за причиненное беспокойство, но она мне и говорить дальше не дала.

— Ах, полноте, — возражала она. — Я так рада бываю всегда услышать что-нибудь о Петербурге вообще, тем более повидаться с особой, которая совсем недавно оттуда. Петербург — моя родина, — вздохнула хозяйка.

Марья Сергеевна была женщина еще молодая и очень красивая. В больших темных глазах ее, в улыбке на полных прекрасных губах было столько привета и ласки, что невольно подтверждались рекомендации о ней моего ямщика. Вся она точно сияла особенным внутренним светом, и, несмотря на необыкновенную простоту, с которой она держалась, в ней сказывалась какая-то таинственная, но мощная сила и неотразимо влекла к себе с первого взгляда.

После чая мы перешли из столовой в гостиную, и вскоре у нас завязался оживленный разговор. Она с интересом расспрашивала меня о Петербурге в самых мельчайших подробностях.

— Счастливица вы, что скоро увидите Петербург, — сказала она вдруг, взглянув грустно на меня. Марья Сергеевна как бы ушла в себя, задумалась, потом что-то хотела сказать, но не решилась.

Меня осенила счастливая мысль:

— Быть может, вы желали дать мне какое-то поручение в Петербурге. Так прошу вас: с великим удовольствием исполню его.

— Пожалуйста! — обрадовалась она. — Если вы так добры и это не затруднит вас, исполните мою покорнейшую просьбу…

Она встала и вышла в другую комнату, а через минуту вынесла оттуда несколько золотых в конверте и передала мне.

— Вот, — улыбнулась она. — Когда будете в Петербурге, то съездите на Смоленское кладбище — там есть могила рабы Божией Ксении, — отслужите по ней панихиду, а все остальное раздайте нищим.

— С величайшим удовольствием готова исполнить ваше желание, тем более что и сама давно собираюсь посетить эту могилу, о которой тоже много слышала, — ответила я. — Но вы, вероятно, имеете особые причины чтить память блаженной Ксении?

— О да! Дивен Бог во святых Своих! — произнесла она с глубоким чувством. — Я испытала в своей жизни это на собственном опыте.

— Если не тайна, то, может, вы расскажете мне о том, что способствовало появлению у вас столь твердых религиозных убеждений, что укрепило вашу веру…

— Нет, не тайна, — обрадовалась хозяйка. — Но даже если б была и тайна, то ради света истины мы должны жертвовать и

нашим тайным, мне так кажется…

Горева встала и прошлась несколько раз по гостиной, как бы обдумывая что-то. Затем села против меня, начав свой рассказ тихим, взволнованным голосом…

«Родилась я в Петербурге, в купеческой семье. Жили мы сначала очень богато, имели своих лошадей, экипажи, много прислуги и все прочее, доступное богатству. Я воспитывалась в одной из гимназий и была уже в пятом классе, когда над нами разразилась беда. Дела батюшки быстро пришли в упадок, и кончилось тем, что однажды к нам на квартиру пришла полиция и описала все наши вещи, не исключая даже и платья. Батюшка объявил мне и матушке, что у нас ничего не осталось, что он из-за какого-то мошенника потерял в один месяц на бирже триста пятьдесят тысяч рублей в бумагах и что у нас, кроме долга, ничего нет.

В то время я еще не сознавала всей важности случившегося, но для матушки это был тяжелый удар. Как сейчас помню, она перекрестилась, глядя на образ, и прошептала: «Твори, Господи, волю Свою!» Она учила меня: «Никогда, дочка, не падай духом, как бы ни были тяжелы временные испытания! Помни всегда конец многострадального Иова: мы потеряли лишь деньги, но жить ведь не с ними, а с добрыми людьми. Молись Господу, чтобы Он тебя благословил мужем хорошим да смиренным и паче всего чтобы не пьяница был, да почитай всегда память рабы Божией Ксении: она тебе будет великой заступницей».

Почему моя матушка так боялась, чтобы не достался мне муж пьяница, узнала я лишь впоследствии, а в то время даже не представляла себе отчетливо, что значит «пьяница», так как у нас в семье не только никто не пил вина, но моим отцом и держать его в доме строго воспрещалось.

Вскоре после нашего разорения батюшка поступил приказчиком в одну из больших торговых фирм и стал получать 60 рублей в месяц. Жить нам было очень трудно, и мне пришлось оставить гимназию и поступить кассиршей в тот же магазин, где служил отец. После этого наше положение несколько улучшилось. Но вскоре наше семейство пережило великое горе: матушка моя, прихварывая с самого дня несчастья, скоропостижно скончалась от паралича сердца, а через год после нее скончался и батюшка от расширения печени.

Итак, я осталась семнадцатилетней круглой сиротой и продолжала служить в том же магазине. Прошло два года после смерти родителей, и я вышла замуж за своего сослуживца — бухгалтера нашей фирмы, встретив в нем человека одних убеждений, а главное — одних взглядов на религию, что в

особенности нас сблизило.

Муж мой действительно оказался хорошим семьянином и притом добрейшим человеком. Три года после нашей свадьбы пролетели как один светлый счастливый день. За это время у меня родилось два сына. Муж получал хорошее жалованье, так что нужды мы не знали, и счастью, казалось, не было конца. Но Господь судил иначе.

Однажды вечером мой муж, против обыкновения, возвратился домой очень поздно и, войдя в комнату, пошатнулся. Я заметила это и очень испугалась, решив, что ему дурно. Но он вздохнул, и я почувствовала сильный запах вина. Во взгляде моем невольно выразилось изумление, которое муж мой, должно быть, заметил, потому что тотчас сказал резко и раздраженно, хотя это совсем не было ему свойственно:

— Ну, что ты так смотришь? Что тут удивительного? Ну выпил, эк редкость какая; мужчина почти в тридцать лет, взял выпил, какое событие!

— Но тебе ничего и не говорят, — возразила я.

— Нечего и говорить! И чего ты сидишь до сих пор? Иди спать.

Легла я, но уснуть не могла. Точно огнем обожгла меня мысль: «А что, если уже это начинается!» Дело в том, что мой свекор порой страшно запивал и умер от удара, так что алкоголизм мог быть наследственным. При одной мысли об этом я вся похолодела. Надо было ждать и надеяться на то, что я ошибаюсь.

Наутро мой муж встал бледный и тихий, однако по-прежнему был ласков. О вчерашнем не сказал ни слова, не вспомнила и я.

Прошла неделя, и я уже начала успокаиваться, как вдруг повторилось то же самое, только в сильнейшей степени. С тех пор у меня не осталось и тени сомнения: муж запил — да так, что пил почти без просыпа. Прошло несколько ужасных месяцев, почти год. Со службы его уволили, у меня в это время родился уже третий ребенок. С квартиры мы давно съехали и жили в маленькой комнатке в Песках исключительно тем, что я зарабатывала шитьем белья. Но много ли можно было заработать с тремя малыми детьми на руках? Нужда, страшная нужда подкралась к нам: мы задолжали и в лавке, и своей квартирной хозяйке уже за два месяца. Что было делать?

Помню, как раз накануне срока платежа за третий месяц вечером, когда муж и дети спали, хозяйка явилась ко мне и объявила, что если я завтра не заплачу за комнату или, по крайней мере, не брошу пьяницу мужа, которого она больше держать у себя не желает, то она попросту выгонит всех нас на

улицу. Что я могла ей ответить? Измученная заботами и трудами, я так ослабела, что чувствовала — скажи она что-нибудь еще, мне сделается дурно: сердце уже выскакивало из груди.

— Дарья Карповна! Прошу вас, оставим этот разговор сегодня, а завтра я вам дам ответ, — попросила я ее из последних сил.

— Хорошо, — ответила она, вставая. Но когда отошла к двери, обернулась и повторила все свои угрозы.

Лишь только затворилась за ней дверь, как я, глянув на портрет моей матери, бессильно уронила голову на руки и горько заплакала: «Матушка, милая! Зачем, зачем ты забыла меня, твою бедную дочку! Помолись за меня, родная! Молитва матери спасает, со дна моря подымает! Вразуми, научи меня, что делать! Нет сил, нет возможности так дальше жить!»

До самой этой минуты я неотступно, с глубокой верой молила Господа спасти моего мужа от роковой страсти, но Господь как бы не благоволил услышать меня. Но так лишь только казалось, на самом деле Он, милосердный, по Своему неизменному завету, слышит каждую нашу молитву, но иногда, желая прославить Своих угодников, требует от нас, грешных, чтобы мы прибегали к их заступничеству, и по их, угодным Богу молитвам, исполняются во благих наши желания. Именно это и произошло со мной.

После моего воззвания к покойной матушке я хотела приняться за работу, но, измученная и нравственно, и физически, как сидела, так и забылась, склонив голову на стол.

Долго ли я пробыла в таком состоянии — не помню, но расскажу только, что случилось со мной за это время.

Я увидела перед собой незнакомого юношу, одетого просто, по-мирскому. Он протянул мне правую руку и повелительно сказал: «Идем!»

Точно невидимая сила подняла меня, и я без возражений последовала за ним. Долго мы шли, совершенно молча, по длинным и темным улицам, но как бы даже не прикасаясь к земле, пока, наконец, не остановились перед большим садом. Всмотревшись, я заметила сквозь решетку ворот белые кресты, стоявшие, как привидения, среди ночного мрака и, с ужасом отступая назад, прошептала: «Кладбище…»

— Да, кладбище, — спокойно повторил мой спутник. — Много покоится здесь людей праведных, их ли боится раба Божия Мария?

И, не дожидаясь моего ответа, он крепко сжал правой рукой мою руку, а левой слегка толкнул запертые ворота, которые тихо, без шума отворились перед нами. Я заметила среди ночного

мрака мерцавший вдали свет и, обрадовавшись, почти крикнула: «Свет!»

— Иди к нему! — сказал мне мой спутник и прибавил: — Давно пора, тебя там ждут.

Он незаметно исчез, оставив меня совершенно одну. Мне стало так страшно, что бегом пустилась бежать по направлению к свету и, добежав уже до самой светлой точки, увидела, что стою перед часовней, из которой исходит свет, подобный синеватому бенгальскому огню. Всмотревшись, я узнала могилу блаженной Ксении, где бывала с матушкой.

Сквозь закрытую дверь было слышно пение: «Вечная память…» Я вошла и увидела свою мать, низко склонившуюся над могильной плитой. Из глаз моей матушки текли слезы в таком изобилии, что вся плита, казалось, плавала в них. Я простерла вперед свои руки с криком: «Матушка!..» — и тотчас пришла в себя.

Долго я не могла совершенно опомниться от своего видения. Но постепенно осмотрелась кругом, увидела себя в привычной обстановке, немного успокоилась и стала соображать, что же я видела… Точно завеса упала с моих глаз. Я живо вспомнила все наставления матери, которые почему-то ни разу не пришли мне в голову в последний год. Точно затмение какое нашло на меня. Я поняла, что матушка моя молит со слезами блаженную Ксению, и к тому же самому свету привел меня и мой таинственный спутник. И я решила чуть свет отправиться на Смоленское кладбище, чтобы отслужить панихиду. Так и сделала, оставив детей на мужа, зная, что он проспится и к утру будет трезв.

Когда я подошла к часовне, мне так живо представилось все мое ночное видение и моя мать, что я пережила все снова, и, опустившись на колени, простояла всю панихиду — и даже не одну — на том самом месте, где видела и свою мать. После этого я почувствовала, что точно тяжесть какая-то свалилась с меня. Домой я возвращалась с легкой душой и даже не заметила, как прошла немалое расстояние от Смоленского кладбища до Песков и вошла на нашу улицу. Вдруг недалеко от себя я услышала звон колокольчиков и, подняв голову, увидела, что напротив нашего дома стоят несколько пожарных частей и заканчивают тушение последних вспышек угасающего пламени внутри двора.

При виде этого зрелища ужас охватил меня, и я стремительно бросилась вперед. Добежав до пожарных, стала кричать: «Дети! Муж!» Хотела пройти в ворота, но ноги подкосились, и я без чувств повалилась на землю.

Когда пришла в себя, то заметила, что нахожусь в большой светлой комнате с очень богатой обстановкой. У изголовья стоял

пожилой господин и держал меня за руку, прослушивая мой пульс. Увидев, что я открыла глаза, он обратился к сидевшей в кресле старушке, одетой в темное шелковое платье: «Обморок кончился, опасности больше нет. Надо дать успокоительного».

Я между тем очень ясно вспомнила пожар и сразу спросила:

— Дети, муж?

— Успокойтесь, — ответила старушка тихим и ласковым голосом. — Муж ваш слегка лишь ушибся, дети живы и совершенно здоровы. Они здесь, в соседней комнате. Двое спят, а старшего вы сейчас увидите.

Заметив мое тревожное недоверие, старушка, приветливо улыбнувшись, сказала что-то другой старушке, похожей на старую няню. Та вышла и через минуту вернулась, держа за руку моего старшего сына, а младшего внесли на руках двое слуг. Увидев своих детей живыми и здоровыми, я перекрестилась и спросила:

— Где же мы находимся?

— Вы у меня, на квартире генеральши Л., — ответила мне старушка в шелковом платье. — Я как раз проезжала к обедне в Александро-Невскую лавру мимо вашего дома, когда услышала крики: «Спасите, дети горят». Я, разумеется, остановилась и, выйдя из экипажа, подошла ближе к дому. Но, слава Богу, детей уже, как оказалось, спасли: двоих — пожарные, а третьего — ваш муж, но он упал, вывихнув ногу. Ребенка подхватили, я всех их и забрала к себе. А потом и вас принесли мои слуги, которые вас там поджидали. Квартира загорелась у хозяйки на кухне, менее чем за полчаса все сгорело, так что из вашего имущества ничего не спасли.

— Бог с ним! — прошептала я. — Дети и муж мой живы: слава Создателю за их спасение! Но Боже мой! Сколько же вам, сударыня, мы наделали беспокойства!

— Ах, пожалуйста, не думайте об этом! — улыбнулась она. — Квартира у меня большая, вы меня не стесните, а детей я очень люблю, и с Богом живите у меня, пока вы оба поправитесь и снова устроитесь.

— Но где же муж мой?

— Внизу. У меня квартира в два этажа, — пояснила генеральша. — Ему делают перевязку, и он очень беспокоился о вашем раннем отсутствии.

— Я объясню вам потом, где провела это утро, — утомленная, ответила я на вопросительный взгляд генеральши.

На следующий день я встала с постели, а муж пролежал две недели и еще долго ходил на костылях. За это время мы ближе познакомились с генеральшей и очень полюбили друг друга. Она была вдова, добрейшая святая душа. Когда-то имела детей, но

потеряла их в раннем возрасте и с тех пор не могла равнодушно смотреть на ребенка. Я рассказала ей всю мою жизнь, не скрыла и последнего моего горя, слабости мужа, передала ей и свое видение и где была в то раннее утро.

Выслушав меня, генеральша перекрестилась и глубоко задумалась. Потом стала говорить:

— А знаете что? Я вижу во всем этом перст Божий. Надо же было случиться пожару в день памяти одного из моих детей, похороненного в Александро-Невской лавре. И вот Господь мне посылает живых, вместо мертвых, детей, а вам в лице моем — опору в тяжелой судьбе. Нам остается разумно дойти до указанной Господом цели. — Она помолчала и продолжила: — Вот что. У меня есть два имения. Одно из них, небольшое, находится в N-ской губернии. Не поедет ли ваш муж пока как конторщик или старший приказчик? Там есть старичок управляющий, я ему напишу. Может быть, он там поправится!

Мой муж с благодарностью принял это предложение. Со дня катастрофы он не пил ни одной рюмки, и я со страхом и надеждой ожидала, что будет дальше, призывая в помощницы рабу Божию Ксению.

Я рассказала мужу о своем видении. Он сильно побледнел при этом, но не сказал ни слова, только сам предложил вместе поехать отслужить панихиду перед нашим отъездом в деревню, куда мы вскоре действительно переехали. Прошло несколько месяцев — муж не пил. Прошел и год благополучно, и с тех пор вот уж восемь лет, а о прошлом нет помина, слава Богу. Только замечала я, что муж стал задумываться, будто тяготила его какая-то тайна или болезнь. Зная его откровенный характер, я решила, что это не иначе как болезнь, и, опасаясь последствий, однажды спросила о причине его состояния. Муж страшно смутился и побледнел, встал, несколько раз стремительно прошелся по комнате, затем с решительным видом сел напротив меня и сказал:

— В то утро, когда ты ходила на кладбище, я спал крепким сном и видел что-то во сне страшное, будто звери меня окружили. Помню, что крикнул тебя, но ты не пришла, а явилась ко мне незнакомая женщина, с посохом в правой руке. Звери все сразу исчезли, и она обратилась ко мне. Стуча своим посохом, грозно сказала: «Нет здесь твоей жены, она у меня. Слезы ее матери затопили могилу мою. Брось пить! Встань! Твои дети горят!» И с этими словами она исчезла. Я вскочил, смотрю — тебя нет, дети спят спокойно, и я принял все за бред моей больной головы. Но не прошло и десяти минут после этого, как в кухне раздался отчаянный крик: «Горим!» Я вскочил как полоумный не столько

от крика, сколько от странной мысли о видении. «Дети горят», — вспомнились мне последние слова грозной женщины. Я схватил детей и бросился с ними в прихожую. Но было уже поздно: дверь горела. Тогда я бросился к окнам, остальное ты знаешь. — Он помолчал. — Вот почему я особенно хотел узнать, где ты была тогда утром, и когда узнал, то сразу все понял, мысленно помолился. С тех пор мне даже думать о вине противно.

Я была поражена таким откровением: вот, оказывается, кто запретил пить мужу…

Через год после нашего водворения в деревне умер старичок управляющий, и мужа моего генеральша назначила на его место. Вскоре после этого скончалась и сама, моя голубушка, Царство ей Небесное! Старушка, с которой я все время была в интимной переписке, по духовному завещанию большое имение в Тверской губернии отказала своему племяннику, а это, где мы сейчас живем, навсегда закрепила за нами.

И всему, всему этому мы обязаны молитвам блаженной Ксении да моей матушки. Я узнала из ее дневника, который она оставила и приказала вскрыть не ранее, как мне исполнится тридцать лет, что отец мой в ранней молодости сильно пил и что моя матушка из-за этого много страдала, пока не научили ее добрые люди прибегнуть к помощи блаженной Ксении. После этого вскоре отец мой излечился от своей слабости и строго запрещал даже иметь вино в доме. Тогда только я поняла, почему матушка так боялась пьяницы мужа для меня и советовала прибегать именно к блаженной Ксении. Она точно чувствовала родительским сердцем, что ее дочке все это придется пережить и испытать на собственном опыте.

— Вот, — закончила Горева свой рассказ, — причина, по которой я особенно чту память рабы Божией Ксении и сама все стремлюсь побывать в Петербурге. Да не могу никак выбраться: то дела (и сейчас я хозяйничаю одна, потому что муж уехал на месяц по делу в губернский город), то дети удерживают, а у меня их немного… всего только семь человек. Вот завтра представлю вам пять сыновей и двух дочек, — мило улыбнулась она».

Когда она окончила свой рассказ, было далеко за полночь.

— Я вас утомила? — спросила она, поднимаясь.

— Что вы… Напротив, я очень благодарна вам за этот рассказ. Нечасто в жизни приходится слышать подобное. Я с нетерпением буду ждать того момента, когда побываю на святой могилке.

— Благодарю от души, — протянула мне руку хозяйка.

На другой день Горева показала мне все свое хозяйство, находившееся в образцовом порядке, и действительно

представила мне семь детей — от годовалого до тринадцатилетнего, причем сообщила им, что «это тетя из Петербурга, где могилки блаженной Ксении, ваших дедушек и бабушек и генеральши Л.».

Один из мальчуганов, лет пяти, подошел ко мне и бойко спросил:

— А ты была на могилках?

— Нет, — говорю, — милый, еще не была.

— А наша мама была.

— И я побываю непременно, если ты скажешь, где эти могилки.

На Волновом и на Невском, — ответил мальчик.

— Наши родные, — вмешалась в разговор Горева, — лежат все на Волковом кладбище, а генеральша Л. — в Александро-Невской лавре.

Я обещала и там отслужить панихиды обо всех и написать сюда.

— Благодарю вас от всей души, — сказала она мне, обнимая и со слезами целуя на прощание. — Вы мне так живо напомнили собой мою милую родину Петербург, точно я и сама там побывала.

Тарантас был запряжен. Отдохнувшие лошади тронулись мелкой рысцой, и я отправилась другой дорогой — в объезд разлившейся речки, благодаря Бога, что эта стихия свела меня с чудным человеком, расставаться с которым вдруг стало очень грустно. И долго вся семья стояла на крыльце, провожая случайную гостью, которая уезжала на их родину, к их священным могилам, увозя с собой заветное поручение».

Народное средство

Действительно, жалко расставаться с такими людьми, которых судьба ставит как бы на пьедестал, может быть для подражания нам, мечущимся по жизни, клянущим всех и вся в своих бедах и скорбях. И не властно над такими судьбами время: всегда задумаешься, услышав подобную историю…

Приведем еще одну историю, рассказанную в 1906 году М. Г. Григорьевой. Возможно, ею заинтересуются те, кто попадет в подобные обстоятельства. Наши дети теперь болеют особенно часто.

«Три-четыре года тому назад мне случилось быть в гостях в одном аристократическом семействе Санкт-Петербурга. Радушная старушка хозяйка в числе прочих родных и гостей представила

мне и свою одиннадцатилетнюю внучку, учившуюся в институте.

— Вот посмотрите, — говорила старушка, гладя по голове девочку. — Какая она у нас милая, здоровая, красавица да умница… А музыкантша-то какая славная! А верите ли, мы и не думали видеть ее такой цветущей и здоровой. И все это случилось благодаря знаете кого? Вот уж никогда не угадаете! Вы думаете, может, доктора помогли? Нет, вовсе нет! Правда, Олечка родилась здоровехонькой, и кормилица у нее была хорошая… Но на третьем году, Бог весть отчего, должно быть от простуды, у Олечки случилась серьезная болезнь. Мы почти не надеялись, что она останется в живых, почти смирились с мыслью, что она будет глухой… Доктора нас в этом уверили. Впрочем, угадайте сначала, кто помог ей возвратить здоровье?

— Наверное, вашей внучке помогли какие-то домашние средства, — предположила я. — Ведь часто случается, что доктора бьются изо всех сил, употребляют всевозможные медицинские препараты, но ничего не помогает… И вдруг самое простое народное средство ставит больного на ноги.

— А знаете, М. Г., вы почти угадали, хотя, разумеется, думаете совершенно о других средствах… Моя внучка действительно исцелилась средством народным, но вовсе не тем, о котором вы говорите. — Хозяйка ласково выпроводила внучку к гостям, чтобы откровенно переговорить со мной. — Вот так… Мой сын женился двенадцать лет назад. У него всего двое детей: Олечка и Саша. Оле одиннадцать лет, а Саше — семь. Когда Оля заболела, Сашеньки еще не было на свете. Оля была единственным ребенком, который составлял счастье нас всех. Как мы ее берегли, как лелеяли, говорить не буду, сами детей имеете, знаете, как они дороги для родителей.

И вдруг что же? Сначала начала жаловаться, что у нее болит головка. Померили температуру: 37 с небольшим. Сейчас же напоили чаем с малиновым вареньем, уложили в постель и думали, что к утру все пройдет. Но ночью Олечка спала плохо, головная боль на следующий день усилилась, позвали доктора. Доктор осмотрел больную и нашел, что ничего опасного нет, — в легкой форме инфлюэнца. Прописал лекарство и уехал. Пользовали мы его лекарством больную день, два, но ничуть не легче, температура поднялась до 39 градусов. Олечка пожаловалась, что правое ушко колет. Снова позвали доктора. Он нашел осложнение инфлюэнцы и стал опасаться нарыва в правом ухе. Ночью больная не спала, температура поднялась до 40. Боль в ухе была невыносимой.

Мы ночью снова позвали доктора, но он сказал, что лучше бы позвать специалиста по ушным болезням.

Представьте, в каком волнении мы все были! Сейчас же разослали карточки к ушным докторам с просьбой пожаловать к больной в 8 часов утра. Спасибо, доктора не отказали: явилось их четверо. Наш доктор рассказал им историю Олечкиной болезни, и все они начали со всех сторон осматривать ребенка, которая все время или жалобно стонала, или так громко кричала, что разрывала нам всем сердце. Страдания бедной девочки были столь ужасны, что удивляюсь, как мы с ума не сошли при виде ее невыразимых мучений. Но кончился осмотр, и доктора долго совещались. С ужасом ждали мы приговора. И он действительно был немилосердным. Доктора нашли, что у Олечки нарыв за барабанной перепонкой, что ему нужно дать окончательно созреть — на это необходимо три-четыре дня, — затем проткнуть барабанную перепонку и выпустить гной наружу. Если эта операция пройдет благополучно, девочка останется жива, лишь оглохнет на правое ухо. Если же не вскрыть барабанную перепонку, то от нарыва непременно произойдет заражение крови, и девочка умрет.

Я и теперь не могу спокойно вспоминать… Целых три дня продолжалась эта пытка. Никто из нас не раздевался, никто не думал прилечь. Все мы молча, на цыпочках, ходили или сидели около комнаты мечущейся страдалицы, и сами, кажется, не меньше страдали. Сколько горячих молитв было вознесено к небу, сколько горьких слез пролито нами в это время, одному Богу известно. Но, должно быть, чья-то молитва была услышана Господом.

Доктора, навещавшие больную по нескольку раз в день, успокаивая нас, два дня говорили, что болезнь идет вполне нормально, а на третий день сообщили, что завтра можно сделать операцию. Между тем страдания больной, а вместе с ней и наши в этот день достигли, кажется, небывалой степени. Страшно вспомнить: больная тяжело стонет, отец рвет на себе волосы, мать чуть с ума не сходит, извелась совершенно, я тоже ни на что не годна… И все мы сидим, как привязанные, около комнаты больной, изредка туда заглядываем, отойти не можем. Завтра, думаем, операция… Олечка или умрет, или на всю жизнь останется глухой. Господи, неужели нет средств избавить всех нас от столь невыносимых страданий. Да где же милосердие и любовь Господа!.. Мы были на грани полного отчаяния.

Сидим мы трое — сын, невестка и я, боимся слово сказать, все прислушиваемся к стонам умирающей и, изверившись в помощи земной, все еще не теряем надежды на помощь небесную и молим Врача душ и телес наших…

Вдруг входит няня Агафья Никитична и говорит:

— Батюшка барин, позвольте мне съездить на Смоленское кладбище к блаженной Ксении, я слышала, ее молитва многим помогает в горе и болезнях!

— Голубушка няня, — отвечает сын, — делай что хочешь, только помоги нам… Видишь, мы ничего не понимаем… Поезжай куда хочешь, только помоги нам, Христа ради!

Вышла няня, а мы все сидим. Сколько времени просидели мы так, уже и не знаю. Только замечаем, что стоны больной становятся как будто тише и тише и, наконец, совсем прекратились.

«Скончалась, бедняжка!» — мелькнуло в нашем сознании… и мы все трое ворвались в комнату Олечки. Смотрим: у кровати больной стоят няня и сиделка, больная лежит на правом бочку и тихо, спокойно спит.

— Слава Богу, — шепчет нам няня, — я съездила на Смоленское кладбище к блаженной Ксении, помолилась там, привезла с ее могилки песочку да маслица из лампадки. Теперь Олечке станет легче. Уже легче…

Как очумелые стояли мы у кровати Олечки, слушали слова няни, ничего не понимали, но чувствовали, что с больной действительно произошла разительная перемена и что опасность миновала…

С истерическим воплем бросился отец малютки на грудь своей жены, и не знаю уж — долго ли сдерживаемое горе или неожиданная радость вырвалась в его рыданиях, только еле-еле удалось нам его успокоить, оттащить от кроватки дочки и уложить в кровать. Как мы с невесткой добрались до кровати после трех суток бессонницы, я тоже не помню. Только утром, лежа у себя на диване, вдруг слышу, громко зовет меня няня:

— Барыня, а барыня, встаньте! Доктора приехали, а барина с молодой барыней никак не добудишься!

— Ну что? — вскочила я. — Как Олечка?

— Слава Богу, — улыбается няня. — Почивают, и всю ночь на правом бочку почивали, не стонали…

Я тотчас же, нечесанная и немытая, пошла, разбудила сына и невестку, сказала им, что услышала от няни. Как будто испуганные тем, что осмелились на целую ночь оставить больного ребенка при смерти, они тоже кое-как оделись и побежали к Олечке. Я вошла в гостиную к докторам, извинилась перед ними и рассказала, что Олечка, слава Богу, со вчерашнего дня спокойно спит.

— Ну ничего, подождем, пусть, бедняжка, подкрепится перед операцией-то. Ведь это дело нелегкое, тем более для маленького измучившегося ребенка, — говорили доктора.

Вышли отец и мать, сказали то же — что ребенок спит. Это, казалось, должно было нас успокоить, порадовать, утешить. Но присутствующие доктора наводили на мысль об операции, об опасности положения, и снова тяжело стало у нас на сердце. Но что же мы могли поделать? Нужно было теперь избавить ребенка окончательно от страданий, решиться на операцию…

Сидим час, другой. Доктора сначала спокойно разговаривали, потом стали выражать нетерпение и наконец попросили разбудить девочку. Сначала пошла мать. Вместе с сиделкой и няней пытались они разбудить девочку:

— Олечка, Олечка, проснись, милая! — Но она, бедная, спит — и все тут!

Вошел в комнату отец, за ним доктора. По очереди будим ее, зажимаем носик, она немножко повернется, а все никак не проснется. Наконец, мать берет Олечку на руки и вынимает из постели… Смотрим: вся подушечка, правое ухо, щечка, шея, рубашечка, простыня — все покрыто гноем, нарыв прорвался, а здоровая девочка на руках у матери продолжает спокойно спать.

Подивились доктора такому счастливому исходу болезни, научили нас, как нужно промывать ушко, и уехали. А мы все, положив девочку на чистую постельку, окружили няню и стали ее расспрашивать, каким образом Олечка стала здоровой.

— Ничего я, барыня, не сделала, только съездила на Смоленское кладбище к матушке Ксении, отслужила там панихиду, взяла маслица из лампадки и скорее домой! Приехала, вошла к Олечке, а пузырек-то с маслицем спрятала в карман да и жду, скоро ли выйдет из комнаты сиделка, потому как боюсь, что она рассердится, если увидит, как я хочу пустить маслица на больное ушко. «Няня, посиди тут, я на минутку выйду», — вдруг говорит сиделка. Уж так я-то обрадовалась, когда она это сказала. «Хорошо, хорошо, — говорю, — уж вы будьте спокойны!» И лишь только затворилась за ней дверь, я тотчас и подошла к Олечке, немножко сдвинула с ушка повязку (девочка всегда лежала на левом боку) и прямо из пузырька полила ей маслица на ушко. Не знаю уж, и попало ли туда хоть что-нибудь, больно уж велика была опухоль-то… Ну, думаю, как Богу да матушке Ксении будет угодно. Снова надвинула барышне повязку на ушко. Смотрю, она постонала немножко, повернулась на правый бочок да и глазки закрыла, засыпать, значит, стала.

Вошла сиделка и говорит: «Что это, никак кончается?»

«Нет, — говорю, — заснула».

Подошли мы с сиделкой к кроватке, а барышня сладко-сладко так спит и ротик открыла… Тут и вы все пришли в комнату. Больше я ничего не делала.

— Да кто ж тебя научил съездить к Ксении? Откуда ты узнала про нее? — спросили мы.

— Я, батюшка барин, и вы, барыня, давно про нее знаю и много раз бывала на ее могилке, видела, что там берут землицы и маслица для исцеления от разных болезней. Да мне-то не приходилось этого делать: я, благодаря Богу, всегда была здорова. И вот теперь, сидя у постели барышни, я чего только не передумала, вспомнила и про матушку Ксению… Много раз уже хотела сказать вам, чтобы вы отпустили меня на ее могилку, да все боялась, думала, что смеяться или бранить меня будете. А потом, когда барышня чуть не кончалась, я не утерпела: думаю, пусть смеются, пусть бранят меня, а все-таки пойду, попрошусь на могилку ко Ксеньюшке, может быть, и пустят. А не пустят, думаю, так я потихоньку как-нибудь съезжу. А вы, слава Богу, сразу же меня и отпустили.

Взяла я извозчика, тороплю его, еду, а сама все думаю: «Господи, неужели Ты не поможешь такой крошке-страдалице? Ну за что она страдает?» А слезы-то, слезы так и текут у меня из глаз. Приехали мы к воротам кладбища, велела я извозчику подождать меня, деньги ему вперед отдала, а сама бегом в часовню к Ксении. Отворила дверь — смотрю, народ молится, свечи, лампадки вокруг могилы, а в стороне стоит священник. Я прямо к нему и говорю: «Батюшка, отслужи ты мне, Христа ради, панихиду по рабе Божией Ксении да помолись за болящего младенца Ольгу, больно уж, бедная, страдает». «Хорошо, хорошо, — говорит священник, — панихиду я отслужу, помяну в молитвах и болящего младенца Ольгу, а ты сама-то хорошенько молись да усерднее проси помощи у блаженной Ксении. По мере твоей молитвы и веры и помощь получишь такую же».

Купила я скорее две свечки: одну поставила на подсвечник, другую взяла в руки и бросилась со слезами к самой могилке Ксении. Батюшка начал панихиду, а я все плачу и твержу: «Господи, спаси, Ксеньюшка, помоги!» — больше ничего и сказать не придумала: ведь я глупая, неученая, не умею молиться-то. Кончилась панихида, заплатила я за труды священнику, взяла, с его благословения, землицы с могилки Ксении да маслица из лампадки и сейчас же домой.

Масло-то, как уже говорила, я вылила в больное ушко, а землицу завернула в тряпочку да по-дожила барышне под подушечку. Она и теперь там лежит…

— Да от кого ты узнала про Ксению? Кто тебе про нее рассказал? — допытывалась я.

— От кого я узнала про Ксению, матушка барыня, — ответила няня, — и сама не знаю: все ее знают. Заболеет ли кто или кого

горе какое постигнет, все идут к ней на могилку, помолятся, там, отслужат панихиду, глядишь — и станет легче. Вот и наш брат — кухарки, горничные, няньки и другие, — если случится, что кто-нибудь не имеет места, идет к Ксении, помолится там… Глядишь — и место получит!

Подивились мы простотой, бесхитростной верой нашей няни, но факт налицо: Олечка выздоровела, вера действительно может и горы переставлять.

На другой же день после исцеления Олечки и сын, и невестка ездили на могилу Ксении и отслужили там панихиду. И с тех пор все мы нередко ездим служить панихиды по рабе Божией Ксении и благодарим ее за чудесную помощь в нашем страшном горе.

— Вот оно, — закончила свой рассказ радушная словоохотливая хозяйка аристократического дома, — то народное средство, о котором никогда не нужно забывать и которое я всегда и всем рекомендую.

Но вы знаете, М. Г., что времена переменчивы… Дело в том, что я много раз рассказывала о болезни Олечки и ее чудесном исцелении своим знакомым. И удивительное дело! Многие из них никак не хотят видеть тут ничего чудесного. Времена, что ли, настали другие, или наука у нас пошла не по настоящему пути, что никто, нигде и ни в чем не хочет признавать чудесного — не знаю. Но только все и вся у нас хотят объяснить путем естественным. Так многие объясняют болезнь Олечки: говорят, что это случай, что главную роль сыграло масло, которое будто бы размягчило ткани, и нарыв прорвался. Ну и пусть говорят, что им угодно, их ведь не переубедишь. Дай только Бог побольше таких случаев. Вот как только к ним придет беда, тогда мы посмотрим, далеко ли они уйдут со своими естественными средствами? Я же никогда не перестану думать и верить, что Олечка и не глуха, и здорова благодаря только помощи рабы Божией блаженной Ксении. Поэтому всегда буду глубоко почитать как угодницу Божию и молитвенницу за всех тех, кто ее любит и прибегает к ней за помощью».

Письма настоятелю Смоленского храма

11 января 1913 г. Г-жа А. Семенова из Пермской губернии:

«У всех моих родных не так давно было столь много горя и разного рода болезней, что мы не знали, что и делать. В это время, совершенно случайно, мы узнали о многократных случаях чудесного проявления молитвенной помощи от рабы Божией Ксении и тотчас решили обратиться к ней с молитвой. Собрали

мы по возможности копеечки и послали их в часовню рабы Божией Ксении с усердной просьбой отслужить по блаженной панихиду и помолиться о смягчении нашего горя. И за эти копеечки мы получили от Господа Бога, по предстательству за нас рабы Божией Ксении, столь много милостей, что пером невозможно все выразить.

Не буду здесь говорить о других. Скажу о себе. Я, грешница, не умела молиться и не молилась, хотя страдала страшной головной болью, а на душе у меня всегда была тяжелая, невыносимая тоска. Посылая вместе с другими письмо в часовню рабы Божией Ксении, я и не думала о том, что получу какое-либо облегчение или исцеление своих болезней, а потому и не придавала нашей просьбе какого-либо значения.

Но, дивное дело, вскоре после отсылки письма я стала замечать, что головные боли у меня становятся слабее, тоска смягчается, и я становлюсь совершенно другим, не желчным, как раньше, а жизнерадостным человеком. В настоящее время я совершенно здорова. Ни головных болей, ни тоски нет и в помине. Со стыдом и душевной болью сознаюсь я в прежнем своем глупом и слепом неверии, глубоко скорблю об этом и усердно молю Господа Бога простить мой прежний страшный грех. Теперь я не только глубоко верую, но твердо убеждена и твердо знаю, что мое и душевное, и телесное исцеление совершилось лишь по сердечной молитве за меня других верующих людей и особенно по представительству угодницы Божией блаженной Ксении».

20 января 1913 г. Г-жа Вера Карпова из с. Белиловка Киевской губернии:

«…Два года тому назад я обращалась к вам с просьбой помолиться на гробнице у рабы Божией Ксении о помощи нашему хорошему знакомому Симеону Ок-у. Как я вам писала тогда, этого господина, человека безупречно хорошего и верующего, совершенно невинно, по наговору врагов, уволили со службы. Человек он многосемейный и, кроме жалования, не имеет никаких средств к существованию. После увольнения со службы страшная беда, горе и бедность грозили и лично ему, и его семейству. Надежды на выход из ужасного положения, по-видимому, не оставалось никакой. Но в это время, случайно, мы прочитали в «Паломнике» сообщение о рабе Божией Ксении и решили обратиться к ней за молитвенной помощью, веря, что Господь не оставит без удовлетворения просьбы праведницы. Тотчас же поэтому послали мы вам письмо с вышеуказанной просьбой. И представьте себе наше удивление, когда мы одновременно с вашим ответом, что наша просьба исполнена,

получили и другое уведомление, что дело С. Ок-а приказано пересмотреть вновь! Начался новый разбор, и дело С. Ок-а сразу приняло счастливый оборот. Господин Ок-ъ был совершенно оправдан, и ему предоставили новое, лучшее место, где он и служит в настоящее время».

26 января 1913 г. Г-жа Вера И. Габбина из Ташкента, прося усердно отслужить панихиду по рабе Божией Ксении, в письме настоятелю пишет, что все ее задушевные желания, моления и просьбы, обращенные ранее к Господу через угодницу Божию рабу Ксению, в настоящее время дивным образом исполнились, а именно:

1) дочь ее, Валентина, совершенно оправилась от своей болезни и в настоящее время чувствует себя прекрасно;

2) мать ее, Мария, разбитая ранее параличом, теперь тоже поправилась: ходит без посторонней помощи, свободно говорит, и каких-либо признаков болезни на перекошенном ранее от паралича лице не осталось решительно никаких, лишь пальцами руки она еще не совсем хорошо владеет и не может поэтому твердо держать в руках вещи. Но, Бог даст, и это скоро пройдет;

3) все ее любящие друг друга родные до настоящего времени были рассеяны по разным углам Туркестана и почти никогда не виделись друг с другом. Все они об этом очень скорбели и молили Бога через предстательство рабы Божией Ксении о соединении их всех в одном месте. И в конце 1912 года, именно — к празднику Рождества Христова, обстоятельства сложились так, что все родственники Веры И. Габбиной съехались в один город и все стали жить тесной, дружественной семьей.

Нерехтская мещанка Ф. И. Трескина, с давних пор почитавшая блаженную Ксению, всегда обращалась к ней с молитвой во всякого рода несчастьях. Вот о чем она сообщает в своем письме: «Живу я в городе Нерехте Костромской губернии. Два сына моих, оба женатые, служат в одной конторе в сорока верстах от города и живут на разных квартирах. В январе 1909 года оба сына обещали приехать навестить меня. Долго и нетерпеливо ждала я их приезда, но они все не приезжали.

А тут приближался день памяти рабы Божией блаженной Ксении. Сердце мое как бы предчувствовало какую-то беду: я только и думала о том, как бы Господь удостоил меня хоть когда-нибудь побывать на могилке Ксении, Петербургской блаженной, и там помолиться! Но, не имея пока этой возможности, я весь день 23 января ходила со слезами на глазах, непрестанно молясь в душе рабе Божией Ксении о помощи себе и своим детям. Домашние спрашивали меня, что со мной, отчего плачу, но я ничего им не говорила, а слезы лились все сильней и сильней. То

же самое продолжалось и 24 января. Наконец, я не вытерпела, надела пальто и отправилась в собор к вечерне. После вечерни попросила батюшку отслужить панихиду по рабе Божией Ксении и тут-то уже вволю наплакалась и помолилась.

Несколько успокоенная, я вернулась домой и не успела еще раздеться, как приехали оба моих сына. С радостью выбежали мы встречать их. Но когда они стали раздеваться, я вдруг увидела, что у младшего сына левая рука забинтована. Спрашиваю: «Что с тобой?» «Ну, мама, не пугайся, все хорошо, — отвечает он. — Спасибо тебе, ты, должно быть, сегодня молилась обо мне, и твоя молитва спасла меня от смерти. Вот как было дело. Вчера еще мы с братом сговорились ехать к вам, зная, что у вас праздник, что ты, мама, почитаешь рабу Божию Ксению. Утром я должен был заехать за братом и вместе с ним ехать. Когда я приехал к нему, то он еще был не готов и стал собираться в дорогу. Между прочим он выложил из комода револьвер и положил на стол, а сам с женой ушел в другую комнату укладывать какие-то вещи. От нечего делать я взял револьвер, думая: «Вот ведь такая маленькая штучка, а люди убиваются ею насмерть». При этом я приставлял дуло револьвера и к виску, и к сердцу, дергая за собачку, будто мне нужно было проверить, так ли это, — был сам не свой!

Вдруг раздался выстрел. Я страшно перепугался, хотя и не чувствовал никакой боли. Вбегают в комнату испуганные брат и его жена, смотрят, кисть левой руки у меня вся в крови, в правой руке я держу револьвер, сам стою бледный, едва держусь на ногах… Они усадили меня на стул, обмыли и перевязали руку, послали за доктором. Оказалось, что пуля прострелила мне лишь мягкую часть левой руки между большим и указательным пальцами, не задев кости. Доктор сказал, что через несколько дней рука будет здорова. После перевязки мы с братом тотчас поехали к вам».

Что я чувствовала во время рассказа сына — не могу передать: вот оно, сердце матери, — вещун истинный. И поняла я, как бывает сильна горячая молитва матери и как отзывчивы угодники Божии на эти молитвы. Дивен Бог во святых своих. И детям, и внукам своим я строго завещаю свято чтить память рабы Божией Ксении и не забывать ее в своих нуждах!»

В 1911 году из города Новороссийска на имя настоятеля Смоленского храма было получено письмо от О. В. К., которая рассказала о своей знакомой, по имени Ксения, больной раком груди. Несмотря на помощь различных докторов, болезнь быстро прогрессировала, страдания умирающей Ксении усиливались с каждым днем. Не видя облегчения от помощи медицины, больная попросила О. В. К. написать письмо в Петербург настоятелю

Смоленской церкви, чтобы отслужить панихиду по рабе Божией Ксении и помянуть о здравии тяжко болящую Ксению, а после панихиды прислать масла из лампадки над могилой блаженной.

Письмо было написано. Между тем болезнь так усилилась, что, по словам докторов, надежды на выздоровление не оставалось никакой. Доктора даже отказались как-нибудь облегчить тягчайшие страдания. Больная лежала пластом, не в состоянии шевельнуть пальцем. Ей давали лишь, осторожно поднимая голову вместе с подушкой, глотать лед. Все полагали, что наступили последние часы ее жизни. Так все и было до 21 июля, когда со Смоленского кладбища были получены письмо с уведомлением, что панихида по блаженной Ксении отслужена, и посылка с флаконом масла и горсточкой песка с могилы. О. В. К. тотчас отнесла все болящей Ксении. Песок положили ей под подушку, а маслом натерли ей больную грудь. К вечеру снова натерли малом. И удивительное дело — всю ночь Ксения проспала удивительно спокойно, чего уже давным-давно не было. Утром, 22 июля больная попросила масла и сама уже растерла себе грудь, сидя на постели.

Прошло еще два-три дня, и на глазах у всех присутствующих совершилось настоящее чудо: больная встала с постели, прошла спальную комнату, часть коридора и остановилась в дверях столовой, чувствуя еще слабость. А на другой день она уже спокойно пришла в столовую, села за стол вместе со всеми. Все, видевшие Ксению умирающей, были натурально поражены — отчего произошла такая перемена: в их глазах Ксения была точно воскресшей из мертвых.

Список подобных проявлений — исцелений, предвидений, отложения несчастий по молитвам рабы Божией Ксении — можно продолжать долго. Обратим внимание на то, что почти все письма свидетельствуют об одном: помощь пришла после отслуженной панихиды по блаженной. Отчего так?

Православная Церковь учит, что все верующие в Господа Иисуса Христа — и живущие, и умершие — составляют между собой одно общество, одну огромную семью. И как в семье близкие и любящие родные во всем помогают друг другу, так и христиане — братья во Христе — должны помогать друг другу: живые умершим, умершие живым. Живущие должны помогать всем усопшим своей молитвой. Для этого служатся панихиды, когда молятся о прощении грехов усопших и упокоении их «в месте светлем, в месте злачне, месте покойне, идеже вси праведнии пребывают» (злачное место означает место, изобилующее злаками, место приятное. — *Н. Г.).* Своею молитвой за усопших мы выражаем им свою признательность за ту любовь,

которой мы пользовались при их жизни и которая еще сильнее горит в их душах после их смерти. И чем горячее наша молитва, тем действеннее она пред Богом, тем сильнее облегчает она загробную участь дорогих нам усопших. Умершие, получившие спасение, ходатайствуют пред Богом за нас, грешных. И чем усопший ближе к Богу в Его райских обителях, тем действеннее его молитва за живых.

К угодникам Божиим, которые еще не причислены к лику святых (так было до 1988 года и в случае с блаженной Ксенией), отношение такое. Хотя мы и надеемся, что их грехи прощены Богом, но мы еще не вполне в этом уверены, тем более зная, что «нет человека, иже жив будет и не согрешит». Поэтому считаем своим долгом совершать по ним панихиды, умоляя Господа не только простить им все прегрешения их, но и приблизить к Себе, таким образом увеличивая их райское блаженство, к которому они неустанно стремились при жизни на земле.

Несомненно, все, отслужившие по рабе Божией Ксении панихиды, были ею услышаны, за всех молилась она Богу Единому, но только Ему принадлежит последний суд. Поэтому даже и неверующие прозревали духовно, больные исцелялись, находившиеся в трудных жизненных обстоятельствах умиротворялись чудесным образом, почти мгновенно. Но и другие, обращавшиеся за молитвенной помощью к блаженной, помощь эту получали — незаметно, не так явственно, терпя и надеясь, другими словами, так, как было спаси-тельнее для их душ.

Теперь Ксения блаженная — святая, прославленная Церковью. Панихиды по святым не служат, к ним возносят молебственное пение — заказывают молебны, читают акафисты, составляют церковные службы на дни их памяти. День памяти Ксении Петербургской, как уже отмечалось, 24 января (6 февраля по новому стилю).

Чтобы сподобиться признанного церковного почитания, нужна была жизнь, горевшая до последней искры свечой, возженной единственно для славы Божией. Жизнь святых поэтому всегда полна событий, недоступных пониманию обыденного сознания. Иной может подумать, что все у святого происходит словно в сказке: помолился — и совершилось чудо… Но в том-то и дело, что молятся святые с такой верой, что воистину «горами двигает», с такой силой, что их слушаются даже и цари, с таким упованием, что больные на глазах исцеляются. Но все это — уже созревший благоухающий плод их истинно богоугодной жизни. О силе молитвы рассказывает Е. Шереметьева:

— Однажды, когда я у часовни раздавала листочки с

молитвой блаженной Ксении (в недобрые, запретные времена), вдруг налетели «оперы».

Людей как ветром сдуло. Кроме меня, остались две молоденькие девушки. Одна из них как стояла, так и замерла вполоборота к часовне, едва заметно шевеля губами. Что тут началось: крик, брань, угрозы! И вдруг наступила внезапная, оглушительная тишина, как будто столбняк напал на гонителей. Они стали извиняться и, весьма сконфуженные, неожиданно и поспешно удалились. Тогда девушка повернулась ко мне и сказала: «Я так молила блаженную Ксению, чтобы они ушли!»

«Икона с косой»

Эта история произошла в марте 1988 года с московской школьной учительницей Татьяной Тимофеевной М-кой. Жизненные обстоятельства резко изменились. Муж, прожив с ней четверть века, внезапно ушел к другой. В это время и дочь ее Ирину постигла та же участь — муж бросил двух сыновей-младенцев. Ирина заболела, ухаживать за детьми не могла. Денег не было даже на молоко.

Забота о семействе легла исключительно на Татьяну Тимофеевну. В первое время приходилось даже на работу ездить с двумя младенцами в коляске. Трудно рассказать, что пришлось пережить бабушке и матери. Дело было до перестройки. После нее положение семейства еще более ухудшилось. Дети росли, нужны были деньги, силы на их воспитание.

Три года назад Ирина впала в жестокую депрессию, почти перестала есть, никуда из дома не выходила, лечиться не хотела, впрочем, и врачи рвения не проявляли. Молодая бабушка, разрывалась между школой, внуками и больной дочерью. На нервной почве сначала появилась сильная экзема, потом стали проявляться и другие внутренние болезни — целый букет. Татьяна Тимофеевна стала глубоко верующим человеком, но уже не было сил ни на молитву, ни на хождение в храм. Бывшие друзья и подруги постепенно отошли от несчастного семейства. Ситуация, к слову сказать, очень типичная для конца XX века…

Внуки-мальчишки, прожив в этих условиях почти десятилетие, приобрели неуравновешенные характеры. Стал появляться и их отец в доме, но вносил в существование семейства лишь дополнительную смуту. Все жили как на вулкане. Татьяна Тимофеевна целыми ночами лежала без сна и без сил, а утром — снова на работу… Далее приводим наш последний из серии «откровенных» рассказ Татьяны Тимофеевны.

«Я легла спать после очередного никчемного, ни с Богом, ни для Бога мучительного дня, проведенного в суете кромешной без надежды на лучшее. «Нет терпения, нет смирения, нет сил нести свой крест… — думала я. — Надо заставить себя двигаться, общаться с людьми, одеться поприличнее, покрасить волосы, ставшие совершенно седыми, сделать короткую стрижку…»

— Не стриги волосы, больше никогда не надо стричь волосы, — вдруг услышала я.

— Но как же! Я терпеть не могу длинные волосы. Они мне мешают! — не соглашалась я.

— Не стриги волосы. Поезжай к иконе.

— К какой иконе? Я никуда не поеду. Нет денег, нет сил…

— К иконе с косой, там и мощи.

— С косой? К святой мученице Татиане? — подумалось мне, ведь зовут меня Татьяной.

— Нет, к иконе рядом с Иоанном Кронштадтским.

— К Ксении? Разве я могу добраться до Ксении — из Москвы в Питер? И что там?..

Я открыла глаза, услышала, как мирно посапывают во сне мои внуки и подумала: «Интересно: и сон, и не сон. Но все это не для меня».

Через два дня утром позвонили: «Приезжайте за деньгами. Ваша сестра переслала вам из Швеции немного денег». Поздно вечером снова звонок, тот же незнакомый голос сказал: «Есть одно место в автобус на паломническую поездку в Псков через Санкт-Петербург. Отъезд послезавтра. Сразу же получите и деньги».

Денег оказалось ровно столько, сколько стоила путевка. (Сестра, уехавшая в Швецию, редко присылает деньги, сама полубезработная.) Всю ночь ехали в неудобном автобусе в Петербург. Сразу по приезде я отправилась на Смоленское кладбище, зашла в храм в честь Смоленской иконы Божией Матери. В правом приделе, рядом с иконой св. Иоанна Кронштадтского, увидела ту самую «Ксению с косой» — дивный, исполненный сострадания аналойный образ святой. Маленькую иконку-листочек с этим образом мне тут же кто-то и подарил.

Недалеко от часовни Ксении Петербургской женщина в киоске продавала открытки с видами святого места. Вдруг, выбрав меня из всех стоявших около, протянула листок, на котором были напечатаны тропарь, величание и молитва ко святой Ксении блаженной. До этого момента я не знала, как принято ей молиться.

— Сколько? — спросила я.

— Нисколько. Обойди, читая тропарь и молитву, три раза

вокруг часовни, а потом проси о том, в чем имеешь нужду.

Вот, оказывается, ради чего я стояла здесь столько времени, пересчитывая копейки и не решаясь отдать последние! Вот ради чего под проливным дождем, промокшая, замерзшая, в худых сапогах шла я сюда от автобуса, отстояла службу в Смоленском храме, затем в часовне, а потом — так и не отогревшись — еще полчаса около киоска! Три раза с величанием и тропарем я обошла вокруг часовни и по прочтении молитвы припала к стене ее с горючими слезами и надеждой на предстательство блаженной пред Всемилостивым Господом.

Через два дня, по приезде в Москву, дочь, лежавшая в депрессии три года, первый раз оделась и вышла на улицу. Появилась надежда на будущее, впереди замаячил какой-то просвет…»

…Удивительные откровенные рассказы людей, испытавших на себе явное покровительство блаженной Ксении, неисчерпаемы. Их за двести лет, прошедших со времени ее смерти, накопилось немало. Но смысл рассказов вполне ясен: кто обратится к ней за помощью, того она обязательно возьмет под свое покровительство. Так было при жизни блаженной, так есть и сейчас. И чем чудеснее это покровительство, тем, кажется, пристальнее становится интерес к ее личности.

Юродивые или скрывают свои подвиги от глаз людских, или ведут себя намеренно непонятно для окружающих, чтобы пророчества их доходили только до тех, кому они предназначены. Блаженная Ксения не является исключением. Пророческий дар юродивых — действительно чудо, и порой думается, не сказка ли это. Но нет. Прозорливость блаженных есть результат их самоотверженности и вольного мученичества.

Чтобы глубже вникнуть в эту странную, на первый взгляд, зависимость, приведем жизнеописания трех известных юродивых ради Христа женщин. Их судьбы, разделенные пространством и временем, составляют некое преемство и единую суть и вполне могут служить иллюстрацией к некоторым «белым пятнам» жизнеописания блаженной Ксении Петербургской.

«БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ ДУХОМ…»

«Второй Серафим»

Чтобы получить такое прозвище как символ духовного преемства от святого Серафима, Саровского чудотворца, нужно было пройти путь подвижничества сродни ему. «Вторым Серафимом» современники называли Христа ради юродивую Пелагею Ивановну Серебренникову.

Пелагея Ивановна родилась в 1809 году — в ту пору, когда блаженной Ксении уже несколько лет не было на свете.

Родина Пелагеи Ивановны — город Арзамас, родители — купец Сурин и его жена Прасковья Ивановна. Семья была зажиточная, отец хорошо торговал, имел кожевенный завод и был человеком умным, добрым и благочестивым. Но он рано умер, оставив сиротами трех малолетних детей: двух сыновей и Пелагею.

Вдова вышла вторично замуж за купца Королева, тоже вдовца, у которого от первой жены осталось шестеро детей. Королев был суров и строг; он внес раздор в семью Суриных — его дети невзлюбили детей Прасковьи Ивановны. Жизнь маленькой Пелагеи сделалась невыносимой в доме отчима, и ей всегда хотелось уйти от родных.

По рассказам ее матери, «с малолетнего еще возраста с Пелагеей приключилось что-то странное: будто заболела девочка и, пролежав целые сутки в постели, встала не похожей на себя. Из умного на редкость ребенка вдруг сделалась она точно глупенькой. Уйдет, бывало, в сад, поднимет платьице, станет и завертится на одной ножке, словно пляшет. Уговаривали ее и срамили, даже били, но ничего не помогало. Так и бросили».

С детства у девочки было необыкновенное терпение и твердая воля. Выросла Пелагея стройной и красивой, и в шестнадцать лет постарались «дурочку» поскорее выдать замуж. Когда на смотрины пришел жених — молодой бедный мещанин Сергей Серебренников, то на невесту надели богатое платье. Но Пелагея стала «дурить», как делала всегда, когда что-то было против ее воли. Подали чай: невеста отхлебнет из чашки, а потом начинает поливать из ложки каждый цветок на узорчатом платье. Мать приказала служанке незаметно щипать Пелагею, чтоб не дурила, а та и выдала свою мать: «Что же это вам, маменька, больно жалко цветочков? Ведь не райские это цветы!» Крестная мать жениха, присутствующая на смотринах, сказала жениху, чтоб он

не брал ее, глупенькую, несмотря ни на какое ее богатство. Но Серебренников все же решил жениться, и в 1828 году Пелагею повенчали с ним.

Вскоре после брака Пелагея вместе с мужем и матерью поехала в Саровскую пустынь, где подвизался известный на всю Россию прозорливый старец Серафим Саровский. Отец Серафим ласково принял мужа и мать и отправил их в гостиницу, а Пелагею Ивановну ввел в свою келью и очень долго беседовал с ней наедине. Разговор их остался для всех тайной. Одно известно, что когда нетерпеливый муж пошел за женой к келье, то все увидели, что дивный старец, выведя за руку Пелагею Ивановну, до земли поклонился ей и с мольбой в голосе сказал:

— Иди, матушка, иди, не медля, в мою-то обитель, побереги моих сирот-то[5], многие тобою спасутся, и будешь ты свет миру. Ах, позабыл было, — прибавил старец. — Вот четки-то тебе, возьми ты, матушка, возьми!

Когда Пелагея Ивановна удалилась, батюшка Серафим обратился к свидетелям события и сказал:

— Эта женщина будет великий светильник!

Муж Пелагеи Ивановны, услышав такие речи, насмешливо произнес:

— Хорош же Серафим! И где прозорливость его? И в уме ли он? На что это похоже? Девка она, что ли, что в Дивеево ее посылает, да и четки дал, как монашке…

Действительно, в подобной ситуации можно было и усомниться в прозорливости старца. Но, как известно, он предвидел будущую судьбу человека и несомненно узрел, что безумие Пелагеи Ивановны мнимое. Беседа с духоносным старцем оказала большое влияние на дальнейшую жизнь Пелагеи Ивановны. Святой Серафим благословил ее тогда на служение Христу в подвиге юродства ради точного, полнейшего исполнения заповеди о нищете духовной.

В Арзамасе подружилась Пелагея Ивановна с одной юродивой купчихой, которая научила ее непрерывной Иисусовой молитве, и молитва стала постоянным занятием на всю жизнь. В ночное, от всех сокрытое время Пелагея Ивановна молилась на коленях, обратясь лицом к востоку, в холодной стеклянной галерее, пристроенной к дому. Это хорошо было известно старушке, которая жила напротив Серебренниковых.

— Ну и судите сами, — рассказывала она по простоте сердечной, — весело было ее мужу? Понятно, не нравилось… Эх, да что и говорить! Я ведь хорошо знаю весь путь-то ее. Великая она была раба Божия!

С молитвенным подвигом Пелагея Ивановна вскоре стала

соединять подвиг юродства Христа ради, как бы с каждым днем все более и более теряя рассудок. Бывало, наденет на себя самое дорогое платье, шаль, а голову обернет грязной тряпкой и пойдет или в церковь, или куда-нибудь на гуляние, где побольше собирается народа, чтобы ее видели, судили и обсмеивали. И чем больше пересуживали ее, тем более радовали ее душу, которая искренне пренебрегла и красотой телесной, и богатством земным, и счастьем семейным, и всеми благами мира сего.

При этом все больнее и тяжелее приходилось мужу ее, не понимавшему великого пути жены. И просил, и уговаривал ее Сергей Васильевич, но она ко всему оставалась равнодушной. Когда у них родился первый сын Василий, Пелагея Ивановна точно не рада была его рождению. Родственники хвалили мальчика и говорили: «Какого хорошенького сынка вам дал Бог!» А она во всеуслышание и при муже отвечала: «Дал-то дал, да вот прошу, чтоб и взял. А то что шататься-то будет!»

Когда родился второй сын, Пелагея Ивановна и к нему отнеслась так же. С этого времени муж перестал щадить ее. Вскоре оба мальчика умерли, конечно, — по молитвам блаженной. Сергей Васильевич стал ее нещадно бить, а Пелагея Ивановна начала чахнуть, несмотря на свою здоровую и крепкую натуру. Через два года родилась у блаженной девочка. Пелагея Ивановна принесла ее в подоле своей матери и, положив на диван, сказала: «Ты отдавала, ты и нянчись теперь, я уже больше домой не приду!»

Пелагея Ивановна действительно ушла из дома и стала ходить в Арзамасе от церкви к церкви. Все, что ни давали ей из жалости люди, она раздавала нищим, на копейки ставила свечки в церквах. Муж, бывало, поймает ее и бьет: полено попадется — поленом, палка — палкой. Потом запрет ее в холодный чулан и морит голодом, чтобы перестала юродствовать. А она все твердила: «Оставьте, меня Серафим испортил!»

Однажды обезумевший от гнева Сергей Васильевич притащил блаженную в полицию и попросил городничего высечь жену. В угоду мужу и богатой матери городничий велел привязать ее к скамейке и так жестоко наказать, что согласная на эту казнь мать содрогнулась, рассказывая впоследствии, как «клочьями висело все тело ее, кровь залила всю комнату, а она, моя голубушка, хотя бы охнула. Я же сама так обезумела от ужаса, что и не помню, как подняли мы ее в крови и привели домой. Уже и просили-то мы ее, и уговаривали-то, и ласкали — молчит себе, да и только!»

На следующую ночь городничий, весьма переусердствовавший, увидел во сне котел, наполненный страшным огнем, и услышал неизвестный голос, который изрек,

что этот котел приготовлен ему за столь ужасное истязание рабы Божией Пелагеи. Городничий в ужасе проснулся, рассказал о своем сне и запретил на вверенном ему участке не только обижать эту безумную, или, как говорили в городе, «порченую» женщину, но даже и трогать ее ни при каких обстоятельствах.

Серебренников поверил, что жену «испортили», и решил повезти ее для духовного излечения в Троице-Сергиеву лавру. Во время этой поездки с Пелагеей Ивановной произошла вдруг внезапная перемена: она сделалась кроткой, тихой и умной. Муж не помнил себя от радости, даже послушался ее доброго совета — отдать ей все деньги и вещи, отправить ее одну домой, а самому продолжить путь в то место, где ждало его безотлагательное и важное дело. Но каков был его ужас и гнев, когда после своего возвращения он увидел жену в состоянии хуже прежнего: до дома она не довезла ни единой полушки и вещи, раздав все неведомо кому.

Тогда Сергей Васильевич заказал для своей жены, как для дикого зверя, железную цепь с железным кольцом и сам, своими руками приковал Пелагею Ивановну к стене, издевался над ней, как хотел. Иногда несчастная, оборвав цепь, вырывалась из дома и, полураздетая, гремя цепями, бегала по городу, наводя на обывателей ужас. Все боялись приютить ее, накормить или защитить от мужа.

В конце концов блаженная снова попадала к мужу и терпела новые и тяжкие мучения. «И много же я страдала. Сергушка-то во мне все ума искал да мои ребра ломал; ума-то не сыскал, а ребра-то все поломал», — говорила потом Пелагея Ивановна. Только благодать Божия подкрепляла ее, как предузнанную истинную рабу Его, и давала силы переносить все то, что с ней делали. Обычный человек от этих пыток давно бы умер.

Однажды Пелагея Ивановна сорвалась с цепи в лютую стужу, полунагая, приютилась на паперти Напольной церкви в приготовленном для умершего солдата гробе. Здесь, окоченевшая, ждала своей смерти. Увидев церковного сторожа, она бросилась к нему, моля о помощи, и так напугала его своим видом, что тот в ужасе от «привидения» забил в набат и переполошил весь город. После этого случая Серебренников совершенно отрекся от жены, выгнал ее из дома и, притащив к матери, вручил ей Пелагею Ивановну.

В семье отчима ее ненавидели больше, чем в семье мужа. Меньшая дочь отчима Евдокия вымещала на блаженной все обиды и злобу. Ей казалось, что ее и замуж не берут из-за того, что боятся, как бы она не сошла с ума подобно Пелагее Ивановне. Евдокия подговорила одного злодея убить ее в то время, когда

она будет бегать за городом и юродствовать по обыкновению. Несчастный согласился и действительно подкараулил Пелагею Ивановну, выстрелил, но промахнулся. Тогда блаженная предрекла ему, что пуля его обратится в него же. Через несколько месяцев предсказание ее в точности сбылось: он застрелился.

Мать Пелагеи Ивановны решила отправить ее по святым местам с богомольцами в надежде на то, что она исцелится. Прежде всего «дурочку» повели в Задонск к мощам святителя Тихона, затем в Воронеж к Митрофану. Прибыв в Воронеж, арзамасские богомольцы пошли с Пелагеей Ивановной к епископу Антонию, известному многим святостью своей жизни и даром прозорливости.

Владыка Антоний ласково принял Пелагею Ивановну с богомолками, всех благословил, а к блаженной обратился с такими словами:

— А ты, раба Божия, останься!

Три часа беседовал он с нею наедине. Бывшие спутницы Пелагеи Ивановны разобиделись на преосвященного, что он общается с «дурочкой», а не с ними. Владыка, познав их мысли, провожал Пелагею Ивановну со словами:

— Ничего не могу сказать тебе более. Если Серафим начал твой путь, то он же и докончит. — Затем обратился к богомолкам, гордившимся тем, что сделали большой денежный вклад на церковь: — Не земного богатства ищу я, а душевного, — и отпустил всех с миром.

Вернулась «дурочка» домой. Поняла тут Прасковья Ивановна, что и святые не помогают дочке. Узнав, что владыка Антоний помянул имя старца Серафима, измученная мать решилась еще раз съездить в Саровскую пустынь. Прасковья Ивановна стала жаловаться отцу Серафиму:

— Вот, батюшка, дочь моя, с которой мы были у тебя, — замужняя, с ума сошла. То и то делает и ничем не унимается, куда мы только ни возили ее, совсем от рук отбилась, так что и на цепь посадили…

— Как это можно? — воскликнул старец. — Как могли вы это сделать? Пустите, пустите, пусть она на воле ходит, а не то будете вы страшно наказаны Господом за нее! Оставьте, не трогайте ее!

Напуганная мать начала оправдываться:

— У нас девчонки замуж тоже хотят: зазорно им с дурой-то! Ведь ничем ее не уломаешь — не слушает. А без цепи держать, так ведь с нею не сладишь, — больно сильна! С цепью по всему городу бегает — срам, да и только!

Батюшка Серафим невольно рассмеялся, услышав вполне

резонные оправдания матери.

— На такой путь Господь не призывает малосильных, матушка, — сказал он. — Избирает на такой подвиг мужественных и сильных телом и духом. А на цепи не держите ее, не то Господь грозно за нее с вас взыщет.

Благодаря заступничеству великого старца домашние не пытались больше держать Пелагею Ивановну на цепи, разрешали и из дома выходить. Получив свободу, она почти постоянно по ночам находилась на паперти храма и молилась под открытым небом с воздетыми вверх руками, со вздохами и слезами. Днем же она юродствовала: бегала по улицам города, безобразно кричала и творила всевозможные безумства — в лохмотьях, голодная и холодная.

Так провела она четыре года до переезда в Дивеевский монастырь. Надо сказать, что мать продолжала хлопотать о том, как бы сбыть ее с рук, даже предлагала за это деньги, приговаривая: «Намаялась я с ней — с дурой». Но Пелагея Ивановна отказывалась идти в другие монастыри, твердила одно: «Я Дивеевская, я Серафимова и больше никуда не пойду».

Слова ее исполнились в 1837 году. Тогда старица Дивеевской обители Ульяна Григорьевна по делу отправилась в Арзамас с двумя послушницами. Пелагея Ивановна вскочила к ним в повозку и попросила:

— Поедемте к нам чай пить. Отец-то хоть и неродной мне и не любит меня, да он богат, у него всего много. Поедемте!

Дома вдруг все и сладилось: Ульяна Григорьевна попросила мать отдать Пелагею Ивановну в Дивеев, та с радостью согласилась, а сама блаженная вдруг стала умницей, поклонилась благодетельнице в ноги, сказала:

— Возьмите меня, матушка, под ваше покровительство!

Все изумились ее речам, один деверь злобно усмехнулся:

— А вы и поверили ей! Вишь, какая умница стала! Как бы не так! Будет она вам в Дивееве жить! Убежит и опять станет шататься, как всегда!

Еще больше удивились свидетели, когда на злобные речи деверя Пелагея Ивановна присмиренно поклонилась ему в ноги и совершенно здраво и разумно ответила:

— Прости Христа ради меня. Уж до гроба к вам не приду я более.

Безо всякого сопротивления и с радостью оставила она дом свой, на взнос в обитель было дано пятьсот рублей.

Пелагея Ивановна еще по дороге в обитель и сразу после вступления туда успела наделать множество несообразностей, которые ополчили против нее многих сестер. Она вошла в келью

к настоятельнице Ксении Михайловне и, увидев молодую и простосердечную девицу Анну Герасимовну, стала перед ней на колени, поклонилась до земли и воскликнула:

— Венедикт! Венедикт! Послужи мне Христа ради!

Настоятельница Ксения Михайловна рассердилась:

— Вишь ты, не успела еще и носа показать, да уж и послушницу ей давай. Ты вот сама послужи сперва, а не требуй, чтоб тебе служили!

Анна Герасимовна пожалела блаженную, подошла к ней, погладила по голове и увидела, что голова-то проломлена и в крови. Анне Герасимовне впоследствии и судил Бог послужить Пелагее Ивановне в течение сорока пяти лет с необыкновенной преданностью и усердием.

И зажила «безумная Палага», как называли ее многие в Дивееве, но не радостной жизнью… Приставили к ней поначалу молодую, но до крайности суровую девушку Матрену. Она так била блаженную, что не жалеть ее было просто невозможно. А Пелагея Ивановна не жаловалась на это. Она как будто специально вызывала всех в общине на оскорбления и побои, ибо по-прежнему безумствовала, бегала по монастырю, бросая камни, била стекла в келиях. В своей келье бывала редко, а большую часть времени проводила в монастырском дворе: сидела или в яме, или в сторожке, в которой занималась Иисусовой молитвой. Летом и зимой ходила босиком и всячески истязала свое тело. В трапезную монастырскую не ходила никогда, питалась только хлебом и водой. Когда проголодается, нарочно ходила по кельям тех сестер, которые не были расположены к ней, просила у них хлеба, но вместо него получала лишь пинки. Возвращалась к себе, а там Матрена встречала ее с побоями.

После смерти настоятельницы место заняла ее кроткая дочь. Только при ней Пелагее Ивановне суждено было получить себе в услужение ту добрую Анну Герасимовну, которая первая и пожалела ее. Анна Герасимовна и оставила подробное повествование о подвигах блаженной Пелагеи Ивановны. Сделаем выписки из этой летописи.

«Да, странный она была человек и непонятный: мудрена, что и говорить… Первые десять лет, если не более, возилась она с каменьями. Возьмет платок, салфетку или тряпку, заполнит ее пребольшущими каменьями до верху и, знай, таскает с места на место, полную келью натаскает их — сору не оберешься…

Рядом с нами после пожара обители остались пребольшущие ямы да от печей обгорелые неубранные кирпичи грудой лежали. Вода летом стояла в этих ямах. Наберет она кирпичей, станет на самом краю ямы, да из подола-то и кидает по одному кирпичу изо

всей силы в воду. Бултыхнется кирпич, да с головы до ног ее всю и окатит, а она не шелохнется, стоит, будто и впрямь какое важное дело делает. Побросав все кирпичи, полезет снова собирать их со дна ямы. Впрямь, думаю, дура. Раз и говорю ей:

— Что это ты делаешь? И как тебе не стыдно? Ты погляди на себя — ведь мокрехонька. Не наготовишься тебе подола замывать!

А она отвечает:

— Я, батюшка (так называла меня), на работу тоже хожу, нельзя, надо работать, я тоже работаю.

А то придумала она еще палками свою работу работать. Наберет большущее бремя палок и колотит ими о землю изо всей мочи, пока все их не перебьет, да и себя-то всю в кровь разобьет…

И чего только она не выделывала! Но ничего ей не бывало, как прочим людям. Оторвалась у нас однажды изгородная доска от прясла, да вверх и торчит большущим гвоздем. Я хотела его убрать. А Пелагея Ивановна наскочила на доску и что было мочи ударила босой ногой по гвоздю — он так сквозь ногу и выскочил. Я побежала в келью, чтоб взять что-нибудь для перевязки. Прихожу, а ее и след простыл. Прибежала вечером, я хотела ей снова перевязать. Смотрю на ее ногу и глазам своим не верю: пристало к ней землицы кое-где, а раны даже и знака нет никакого. Вот так-то и всегда бывало с ней.

Повадилась она постоянно бегать в кабак к целовальнику. Люди и рады! Всячески рядят и судят ее: и пьяница-то она, и такая, и сякая… А она, знай себе, ходит и ходит. Раз ночью гляжу — приносит моя Пелагея Ивановна нагольный тулуп и пребольшущий узлище пряников. «Поешьте, — говорит, — батюшка». Я так и обомлела, страх даже напал на меня. Думаю, где же это она столько набрала, да еще и ночью? Кто их, этих блаженных, знает! А она веселая, радостная, смехом заливается.

Что же вышло? Она своими хождениями в кабак две человеческие души спасла. Сам целовальник мне это рассказывал, прося у нее прощения. Задумалось ему погубить жену свою, ночью порешил он ее зарезать. Завел жену в винный погреб и уже занес было руку, а притаившаяся Пелагея Ивановна схватила его за руку и закричала: «Опомнись, безумный!» И тем спасла их обоих. После этого и хождение в кабак прекратилось. Когда прознали про это многие, поняли ее прозорливость, перестали осуждать ее, а стали почитать.

Жили мы с ней долгое время в страшной бедности, в нищете. Родные ее, обрадовавшись, что избавились от нее, вовсе ее бросили, боялись даже показаться, как бы она к ним не вернулась. Лет через семь вздумалось матери Прасковье Ивановне поглядеть на дочь свою. Приехала она с падчерицей своей Авдотьей.

Остановились они у Прасоловой, что против нас жила: с ее двора и наблюдали за Пелагеей Ивановной.

Я ничего еще не знала, а она скорбно так говорит:

— Арзамасские приехали, батюшка, да сюда-то и боятся прийти, чтобы я с ними не поехала. Так вот что: как запрягут лошадей-то, пойдем с тобой туда!

Сердце у меня так и перевернулось от жалости, глядя на нее. Сказано — сделано. Как подали им лошадей, мы и приходим. Гляжу, будто обрадовались. А Пелагея Ивановна так хорошо с ними поздоровалась и разговорилась, будто совсем умная. Да вдруг как побежит, прямо в повозку и села, по лошадям ударила и за ворота выехала. Куда что девалось? Обе, мать и сестра, испугались, страшно рассердились и стали ее бранить.

Доехав до красильной, остановилась она и вылезла. «Нате, — говорит, — Бог с вами, не бойтесь, до гроба я к вам не приеду». А сестре неродной Авдотье, которая не любила очень Пелагею Ивановну и всегда бранила ее, сказала: «Ты вот хоть и не любишь меня, и злилась на меня, Дуня, но Бог с тобой. *Только помни: хоть и выйдешь ты замуж, а первым же ребенком помрешь!»* И разбранила же за это ее Авдотья и говорила матери: «Дура-то твоя, слышишь, что выдумала». И не поверила, а как вышла замуж, да и вправду первым ребенком — девочкой — умерла. Пришлось поверить.

И стала Прасковья Ивановна с той поры бояться свою дочь. Раз прислала фунт чаю, да в сундучке кое-какие платьишки мирские, а она, моя матушка Пелагея Ивановна, и не поглядела даже, я все и раздала. Начали родные ее посещать нас в монастыре, и всегда заранее Пелагея Ивановна об этом знает: уйдет, залезет в крапиву и ничем ее оттуда не вызовешь. «О, батюшка, — скажет мне, — ведь они люди богатые, что нам с ними?»

Однажды приехал к ней муж, и это Пелагея Ивановна провидела. Он ее обратно в Арзамас звал, но она отказалась. После этого он никогда не приезжал, и ничего не слышно было о нем. Много лет спустя, в 1848 году, вижу я, как Пелагея Ивановна моя вдруг как вскочет, вся поджалась, скорчилась, стонет и плачет. Спросила я, что это с ней. А она говорит:

— *Батюшка,* ох, *ох! Умирает он, да умирает-то без причастия.*

Тут я все поняла и замолчала. Немного времени спустя приехал к нам приказчик мужа и сказал, что Пелагея Ивановна такими своими гримасами показывала все, что было с Сергеем Васильевичем. Его действительно схватило, он точно так же корчился, бегал по комнате, стонал и приговаривал: «Ох, Пелагея

Ивановна, матушка! Прости ты меня Христа ради. Не знал я, что ты терпишь Господа ради. А как я тебя бил-то! Помоги мне, помолись за меня!» Да без причастия так и умер. Это произошло во время холеры.

В Дивеевской обители была великая смута, связанная с хозяйничаньем послушника Ивана Тихонова, который после смерти батюшки Серафима самовольно присвоил себе звание его ученика и стал по-своему распоряжаться в Дивееве. Батюшка Серафим и эту смуту предвидел загодя и говорил, что его «сироткам» пострадать придется. Отняли у нас законную настоятельницу. Дело дошло до Синода. И вот все это время-то Пелагея Ивановна свою «работу работала»: палками била да камни таскала, видно, так «бесов гоняла».

А с тех пор, как возвратили нам матушку-игуменью Елизавету Алексеевну Ушакову, перестала озорничать и моя Пелагея Ивановна. Вместо камней да палок с начала матушкиного игуменства цветы полюбила. И сколько ей, бывало, принесут: пуки целые! Всю келью затравнят ими. Тут она и бегать почти перестала, все больше в келье сидела. Повесила батюшки Серафима портрет и матушки-игуменьи: с ними все ночи напролет разговоры вела да цветов им давала. Спать она почти не спала: разве так, сидя, подремлет. А ночью, бывало, посмотришь, ее уж и нет: стоит где-нибудь в обители, невзирая на ненастье, обратясь к востоку, полагать надо, — молилась. Никогда не болела.

Дар слез был у Пелагеи Ивановны замечательный, но прежде она плакала более тайком. Помню, однажды схватилась я, уж очень долго ее на месте не было. Пошла в поле, вижу: сидит она у кирпичных сараев и так горько плачет, словно река льется. Я забеспокоилась, подумала, уж не побил ее кто? А она мне, моя голубушка, и говорит:

— Нет, матушка, это не так; надо мне так плакать, вот я и плачу…

А года за четыре до своей смерти (1884), когда слышно стало, какие пакости да беззакония у нас творятся на Руси, она, сердечная, плакала, не скрываясь, и почти не переставала. Глаза даже загноились и заболели у нее от этих слез.

— Эх, Симеон (стала она меня так называть), если ты знала, что творится, весь бы свет заставила плакать, — говорила она.

Что и говорить… Воевать по-своему, по блаженному, воевала, а уж терпелива и смиренна была, удивляться лишь надо. Бывало, таракашку зря ни сама не тронет, ни другим не даст. Не только кого обидеть не могла, но если ей на ногу наступят, раздавят вовсе, то она и не пикнет, поморщится только. Как хочешь ее

унижай и поноси, ругай в лицо, — она еще и рада, улыбается. «Я ведь, — говорит, — вовсе без ума, дура». А если кто-нибудь отметит ее прозорливость и назовет святой и праведницей, то она очень растревожится. Не терпела почета, поношение любила больше всего.

Никогда ничего ни у кого Пелагея Ивановна не искала, не просила и не брала. Она была совершеннейшим образцом нестяжательности. Ничего своего у нее не было, кроме двух серебряных столовых ложек, да и те матушке-игуменье отдала.

Нашу матушку-игуменью Марию (в миру Елизавету Алексеевну Ушакову) блаженная очень любила и редкий день не вспоминала о ней. И с портретом ее целый день разговаривать могла. Все «Машенька и Машенька» — другого названия не было. Пелагее Ивановне все было известно: и заботы, и нужды обители, и как начальнице трудно. Все, бывало, о ней вздыхает и охает: «Машеньку-то мне жаль! Бедная Машенька!» Так что если в обители или у матушки неприятности какой должно случиться, то к Пелагее Ивановне моей не подходи! Ничем в ту пору ей не угодишь — ходит расстроенная, растревоженная. *«Машеньке-то, поди, как трудно: никто ее не жалеет»*, — говорит. И тогда уж знали: что-то неладно.

Обитель Пелагея Ивановна очень хранила, называя в ней всех своими дочками. И точно, была она для обители матерью (по слову святого Серафима Саровского. — *Н. Г.):* ничего здесь без нее не делалось. В послушание ли кого куда посылать, принять ли кого в обитель или выслать — ничего без ее благословения матушка-игуменья не делала. Что Пелагея Ивановна скажет — то свято, так тому уже и быть.

Никого и ничем она не отличала: ругал ли ее кто, ласкал ли — для нее все были равны. Не делила она людей на старух и молодых, простых и важных, начальников и не начальников. Всякому говорила она лишь то, что по их, по-блаженному, Сам Господь укажет и кому что необходимо было для душевного спасения: одного ласкает, другого бранит; кому улыбается, от кого отворачивается; с одним плачет, а с другим вздыхает; кого приютит, а кого отгонит; а с иным хоть весь день посидит, слова не скажет, будто и не видит. С раннего утра до поздней ночи, бывало, нет нам покоя, иной раз совсем замотают: кто о солдатстве, кто о пропаже, кто о женитьбе, кто о горе, кто о смерти, кто о болезни и людей, и скота — всяк со своим горем и скорбями, с заботами идут к ней и без нее ни на что не решаются. Сестры тоже к ней летят почтой. Не было отбою. *И все говорили: что она им скажет, так все и случится. Сам, значит, Господь людям указал, как жить.* Бывало, с утра и до поздней ночи

тормошишься, иной раз так тошно станет, а терпишь да молчишь — делать нечего.

Любила ли она кого-нибудь особенно, Бог весть, я не заметила. Матушку-игуменью любила. Меня, кажется, тоже любила, но как-то по-своему. Именинница я на Симеона Богоприимца и Анну-пророчицу. Вот поэтому последние годы и звала она меня Симеоном, но всегда по-разному. Как назовет, я по тому и знаю — ласкает ли, за что-либо бранит или сердится. Когда была довольна — «Симеон» да «Симеон-батюшка» скажет, а как сердита — «Семка». А если я, обеспокоенная, начну выговаривать кому-нибудь, она тут же возьмет меня за руку, гладит ее, в глаза так и заглядывает, ласкается: «Ведь ты у меня Симеон Богоприимец, батюшка, ведь он так прямо на ручки Господа и принял; да был хороший, да кроткий такой. И тебе так-то надо».

Забегали к Пелагее Ивановне и другие бывавшие в обители блаженные рабы Божии (все они себя «дурочками» называли). Однажды зашла к ней известная блаженная Паша Саровская — зашла и села молча. Долго смотрела на нее Пелагея Ивановна, а потом и говорит:

— Вот тебе-то хорошо, нет у тебя заботы, как у меня: вон детей сколько!

Встала Паша, поклонилась ей низехонько и ушла, не сказав ни слова. Спустя много лет она снова появилась да так, что Пелагея Ивановна приход ее предузнала. Она сидела в келье, вдруг вскочила и бросилась к окну, открыла его и, высунувшись наполовину, стала глядеть вдаль и кому-то грозить. Как раз в это время отворилась обительская калитка, что около Казанской церкви, и в нее входит блаженная Паша Саровская с узелком за плечами, направляется прямо к Пелагее Ивановне и что-то бормочет про себя. Подойдя ближе и заметив, что Пелагея Ивановна ей таинственно как-то грозит, Паша остановилась и спросила:

— Что, матушка, или нейти?

— Нет, — ответила Пелагея Ивановна.

— Стало быть, рано еще? Не время?

— Да, — подтвердила Пелагея Ивановна.

Молча и низко поклонилась ей Паша и тотчас же, не заходя в обитель, ушла в ту самую калитку. После этого года полтора у нас не появлялась.

Вот они, блаженные, как разговаривают — поди, пойми их. А они, «дурочки», все знают, лишь друг на друга взглянут — все и понимают. Что же значили их таинственные разговоры? А вот что. Лет за шесть до смерти Пелагеи Ивановны явилась к нам опять

Паша Саровская с какой-то детской куклой, а потом еще немного погодя и со многими куклами: нянчится, бывало, с ними, ухаживает за ними, называя их детьми. И стала Паша несколько недель, а потом уж и несколько месяцев проживать у нас в обители. За год до кончины Пелагеи Ивановны почти весь год прожила у нас. А как скончалась Пелагея Ивановна, то осталась совсем.

Многие сестры соблазнялись тем, что Пелагея Ивановна не исповедуется и не причащается Святых Тайн. Приказали батюшке отцу Ивану Фе-минину исповедать ее. Пришел он, и долго-долго пробыли они наедине. Смотрю: выходит батюшка сильно взволнованный и пошел прямо к матушке-настоятельнице. Слышим: объяснил он ей, что Пелагея Ивановна — великая раба Божия и что она ему, священнику, высказала все его потаенные грехи. И на счет Святых Тайн всегда хлопотали наши сестры-хлопотушки, обзывая ее испорченной, да меня за нее укоряли. А дело-то в том, что она причащалась, только не часто. Разболелись у нее как-то ноги. Я и говорю: «Не приобщить ли тебя, Пелагея Ивановна?» «Что ж, — говорит, — батюшка, хорошее дело». И приобщил ее батюшка отец Василий Садовский. Как-то в Великий пост предложила я ей приобщиться, а она не только рада была, но даже сама все правила ко причастию вычитала и приобщилась. Раз сестры так доняли меня, что мне стало невтерпеж, я и говорю ей: «Что это ты не приобщишься? Ведь все сестры говорят, что ты порченая!» А она мне на это отвечает: «Ах нет, батюшка! Старик-то батюшка Серафим ведь мне разрешил от рождения до успения».

Что значили эти слова святого старца Серафима Саровского, не знаю, а думаю, по моему глупому разуму, не указал ли он ей и тут путь высочайшего самоотвержения. Что может быть выше, радостней и блаженнее приобщения Святых Тайн Христовых? А они, эти блаженные, добровольно осуждают себя на это лишение. А впрочем, Бог их знает! С ними бывают такие чудные события!

С тех пор как Пелагея Ивановна поселилась в обители, она уже никуда и никогда не выходила из нее. Однажды я стала упрашивать ее сходить в Саров на могилку батюшки Серафима. Она и говорит: «Пойдем». Я обрадовалась, наняла лошадь, собрались и отправились мы с ней. Доехали до нашей монастырской гостиницы, а дальше она не едет — за ворота обители.

— Зачем я поеду, — говорит. — Чай, не с ума сошла. Он (то есть батюшка Серафим) всегда здесь. Не надо, не поеду.

Так и окончилась наша поездка.

После двадцатилетнего подвижничества в Дивееве Пелагея

Ивановна вдруг резко изменила образ жизни. Однажды сказала она мне:

— Сейчас был у меня батюшка Серафим, велел молчать и находиться более в келье, чем на дворе.

И она замолчала. Редко кого после этого удостаивала своим разговором, говорила мало, отрывистыми фразами, больше сидела в келье, спала и сидела всегда на полу и непременно у входной двери, так что проходящие нередко наступали на нее или обливали водой. Очень много молилась.

Частенько происходили подобные посещения свыше. В 1884 году, незадолго до смерти, ночью лежу я на лежанке и не сплю. Она, по обыкновению своему не спать ночи, сидит на любимом месте у печки. Вот слышу я: пришел к ней почивший полвека назад батюшка Серафим и разговаривает с ней. Долго говорили они. Я прислушиваюсь, хочется все узнать, но понимаю только, что они об обители толкуют. Нашу матушку-настоятельницу помянули — это я хорошо разобрала. И вот когда уже все стихло и не стало слышно голосов их, я выхожу к ней.

— Это ведь у тебя, Пелагея Ивановна, батюшка Серафим был? Я его голос слышала. И вы с ним все об обители толковали и матушку поминали. Ведь так? Что ж это значит? Не случится ли у нас чего? — спрашиваю я.

— Мало ли у нас дел… — ответила она.

Так и не добилась я от нее ничего.

1884 год был тяжелым для Серафимовой обители: настало время расстаться ей со «вторым Серафимом», дивной блаженной Пелагеей Ивановной, через которую действительно «спаслись много душ», как предсказал батюшка Серафим.

11 января, встав со своего места, Пелагея Ивановна направилась к двери на двор и говорит келейнице:

— Ох, Маша! Что-то у меня как голова болит! Пойду-ка я в остаточки на звезды небесные погляжу! — Не дойдя до двери, вдруг упала, сделалось ей дурно, подняли мы ее, спрыснули святой водой. Она очнулась и говорит: — Что это, Господи, как бы не умереть! Симеон, Симеон, мне матушку да тебя только жалко!

— Полно, — говорю, — может, кого и еще?

— Так-то так, да матушку-то больше всех!

Подержали мы ей голову, водицей святой напоили и повели в келью. А она и мои руки целует, и Машины. Мы руки свои ей не даем, а она так и хватает их, цепко ловит и целует, целует…

— Уж ты и вправду не собираешься ли умирать, Пелагея Ивановна? — говорю. — Что уж это за смирение такое на тебя напало!

— На днях и ко мне подходила, да поклонилась в ноги

тоже, — заметила присутствующая тут Пелагея Гавриловна.

А она молчит. Ну, думаю, если так смиряется и ласкается, видно, вправду умереть собирается — всех благодарит. И сжалось у меня сердце. 23-го ее причастили и особоровали. Особоровавшись, она была веселая, хорошая такая, всех встречала, приветствовала и провожала глазами — приходило к ней много народу прощаться. 25 января, не предупредив меня, пришли читать ей отходную. Когда я увидела батюшку, сильно встревожилась.

— Кто это догадался? — спрашиваю.

— Полно, не тревожься, маменька. Ведь это ничего, молитва Богородице только, — сказала Пелагея Ивановна.

— Что это, Пелагея Ивановна, видно, ты уж и вправду умереть хочешь? — сказала я, а у самой сердце разрывается.

— Умру, маменька, — отвечает. — *И кто меня помнит, того и я помню.* И если буду иметь дерзновение, за всех буду молиться.

— А матушку-то так и оставишь?

— Нет, маменька, я там ей еще больше помогу: буду Господа за нее просить.

После этих слов она совсем умолкла. С 28-го даже глаз не раскрывала. В воскресенье, 29 января, к вечеру начался у блаженной сильный жар, она не могла уже спать, а в двенадцать часов ночи на понедельник, 30 января, вдруг успокоилась совершенно, тихо, крепко и глубоко заснула. И вот в этом последнем земном своем сне она во втором часу ночи стала дышать глубже и реже, и в четверть второго Пелагеи Ивановны не стало (в праздник трех святителей и в день кончины своей матери Прасковьи Ивановны).

Убрали блаженную в беленькую рубашку и сарафан, положили большой серый шерстяной платок на плечи, повязали голову белым шелковым платочком, одним словом, нарядили так, как она при земной жизни наряжалась. А так как она любила цветы, то в правую руку дали ей букет цветов, на левую надели черные шелковые четки, потому что батюшка Серафим, благословляя ее на подвиг юродства Христа ради, сам дал ей четки.

Три дня Пелагея Ивановна находилась в своей крошечной келейке. Было битком набито народу, все время зажигались свечи, непрестанно совершались панихиды, жара стояла нестерпимая. Несмотря на все это, она лежала в гробе, моя красавица, точно живая. На третий день вечером положили ее в прекрасный кипарисовый гроб и перенесли в теплую зимнюю Тихвинскую церковь. Здесь, по окончании церковных богослужений, ни день, ни ночь не умолкало чтение Псалтири,

непрестанно совершались по усопшей панихиды — от тридцати до сорока в день, постоянно горели вокруг гроба свечи. Кроме монастырских, стекались со всех епархий тысячи мирян, которые благоговели перед нею. Многие плакали и скорбели, что лишились своей матери, утешительницы и молитвенницы.

Все это производило какой-то благоговейный переворот в душе всякого, здесь находившегося, умиляло даже жестокие сердца. Народу не только не убывало, но, напротив, прибывало с каждым днем все больше и больше, так что матушка-игуменья, снисходя к слезным просьбам, дозволила и ночи проводить у гроба. Жара стояла в храме такая, что со стен потекли потоки воды, и даже на холодных папертях было так тепло, как в кельях. Несмотря на все это, блаженная лежала в гробе своем, как будто лишь забывшись сладким сном, как живая, даже не холодная, а теплая, непрестанно менялась в лице своем, сияла какой-то духовной красотой. Вся она с ног до головы была засыпана живыми цветами, несмотря на глубокую зиму. Цветы эти непрестанно заменялись новыми и уносились массами народа по своим домам.

В девятый день после кончины блаженной было совершено отпевание при громадном стечении народа. Когда после отпевания и продолжительного последнего прощания понесли многострадальное тело подвижницы Божией к месту упокоения у Свято-Троицкого собора против главного алтаря и когда стали закрывать крышкой гроб, то и тогда прощавшиеся с нею свободно брали ее ручки, которые были так гибки, мягки, теплы, как у живой».

Столь подробный рассказ Анны Герасимовны о христианской кончине блаженной Пелагеи Ивановны Серебренниковой, прозванной «вторым Серафимом», может служить красноречивой иллюстрацией к неизвестным обстоятельствам смерти, погребения и начавшегося при гробе почитания святой блаженной Ксении Петербургской.

А вот что рассказывал художник М. П. Петров, который пользовался особенным расположением Пелагеи Ивановны и был наречен ее духовным сыном:

«После бурной моей жизни, побывав на Афоне и в Иерусалиме, я не знал, на что мне решиться: идти ли в монастырь или жениться. На обратном пути из моего паломничества я заехал в Саров и в Дивеево. Это было в 1874 году. По приезде в Дивеево меня свели в келью к юродивой Пелагее Ивановне, о которой я много и давно слышал. Когда я вошел в ее келью, меня так поразила ее обстановка, что я не сразу разобрался, где она. На полу на войлоке сидела старая, скорченная и грязная женщина с

огромными ногтями на руках и босых ногах, которые произвели на меня потрясающее впечатление. Когда мне сказали, что это Пелагея Ивановна, я нехотя поклонился ей и пожалел, что пришел сюда. Она не удостоила меня ответом на мой поклон и с полу пересела на лавку, где и легла. Я подошел к ней и спросил: идти ли мне в монастырь или жениться? Она ничего не ответила и только зорко глядела на меня своими быстрыми блестящими глазами. Я повторил свой вопрос три раза и, не получив от нее ответа, ушел раздосадованный, разочарованный, решив к ней больше не ходить.

Прожив целый месяц в Дивееве в монастырской гостинице и занимаясь живописью в соборном храме, я часто слышал упреки от монахинь, что я не верю благодатным дарам Пелагеи Ивановны. По настойчивой просьбе начальницы гостиницы решился еще раз зайти в ее келью и с большой неохотой пошел, лишь бы мне больше не надоедали. Когда я вошел в келью Пелагеи Ивановны, я нашел ее сидящей по-прежнему на полу на войлоке. Но теперь по приходе моем она немедленно встала и выпрямилась передо мной во весь рост. Это была женщина красиво сложенная, с необыкновенно живыми блестящими глазами.

Постояв передо мною, она начала бегать по комнате и хохотать, затем подбежала ко мне, ударила по плечу и спросила:

— Ну что?

У меня давно болела эта рука от паралича, но после удара Пелагеи Ивановны боль в ней мгновенно и совершенно прошла. На меня напал какой-то панический страх: я молчал и весь трясся от испуга. Потом она стала рассказывать мне всю мою прошедшую жизнь с такими поразительными подробностями, о которых никто не знал, кроме меня, и даже рассказала содержание того письма, которое в тот день послал я в Петербург. Это меня так поразило, что у меня волосы дыбом встали на голове, и я невольно упал пред ней на колени и поцеловал ее руку. С этого раза я стал усердным ее посетителем и почитателем, неотступно надоедал ей своими просьбами и вопросами и удостоился такого ее расположения, что она не только личные мои вопросы, но и на письмо охотно и прозорливо отвечала или краткими записочками или через добрых знакомых. Я часто к ней ездил и долго проживал в Дивееве собственно для того, чтобы видеть и слышать дивную старицу. Она меня вытащила со дна ада.

Запишу для памяти случаи ее прозорливости и помощи.

Сестре моей Пелагея Ивановна предсказала смерть за два года.

Со мной самим произошло такое событие. Я собирался

съездить в Бологое, в котором жил бывший миссионер отец Николай, его почитали за великого мужа. Мне хотелось с ним повидаться и побеседовать, но я не решался ехать без позволения Пелагеи Ивановны. Я написал ей письмо, прося разрешения съездить к отцу Николаю. Письмо было готово, я оделся и хотел идти на почту. В это самое время входит почтальон и подает мне письмо от Пелагеи Ивановны. К моему удивлению, в письме было написано, чтобы я не ездил к нему. *Я еще только написал ей письмо, а она уже ответила.*

В 1881 году я был болен дифтеритом, пять суток лежал совершенно без чувств. На шестые сутки стало чуть полегче, и я, глянув на портрет Пелагеи Ивановны, укорил ее: «Что ж ты меня не навестишь? Когда ты была больна, я специально ездил к тебе». Немного погодя я заснул, и что же? Вижу во сне, что Пелагея Ивановна стоит около меня и говорит: *«Вот я и пришла к тебе навестить. Не бойся, не умрешь».* Скоро я выздоровел.

Однажды Пелагея Ивановна пила чай. Вдруг она вскочила с полу, схватила чашку, выбежала с ней на улицу и выплеснула воду по направлению к одной деревне. На другой день к ней пришла женщина из той деревни. Она бросилась к Пелагее Ивановне на шею, поблагодарила и, наконец, рассказала, что вчера у них в деревне был пожар. «Уж начал загораться мой амбар с хлебом, — говорила женщина сквозь слезы, — я упала на колени и закричала: «Матушка, Пелагея Ивановна, спаси!» И тотчас ветер подул в другую сторону, и огонь погас». По рассказу этой женщины, ветер переменился и огонь стал утихать в ту минуту, когда Пелагея Ивановна вылила свою чашку чаю».

Паша Саровская

Как уже было сказано, Паша Саровская явилась в Дивеево, чтобы навсегда остаться в Серафимовом монастыре, за год до смерти блаженной Пелагеи Ивановны Серебренниковой. Короткие, «блаженные» их диалоги были малопонятны окружающим, пока течение жизни не разъяснило их смысла.

Несомненно то, что Пелагея Ивановна в преддверии смерти поставила на свое место блаженную Пашу Саровскую с той же целью, с какой отец Серафим послал ее, Пелагею Ивановну, в Дивеево. Обе блаженные преемственно назначены были спасать души монашествующих обители и посещавших ее мирян от искушений и страстей, им ведомым по своему дару прозорливости.

Если блаженную Пелагею Ивановну сравнивали со святым

старцем, называя ее «вторым Серафимом», то за вторым в Дивееве появился и «третий Серафим». Им стала юродивая Прасковья Ивановна, прозванная Пашей Саровской.

Случайно или нет, но внешней причиной вступления Паши Саровской на путь юродства послужило то же самое событие, что и у блаженной Ксении Петербургской. Это была смерть любимого мужа.

Прасковья Ивановна, в миру — Ирина, родилась в селе Никольском Тамбовской губернии от крепостных крестьян господ Булыгиных. Произошло это на рубеже XVIII и XIX веков. Ее родители имели еще трех сыновей и одну дочь. Семнадцати лет против собственного желания Ирина была выдана замуж за местного крестьянина Феодора. С сердечной болью повиновалась она воле барской и родительской, но, к счастью, Феодор оказался человеком хорошим, и жили супруги согласно, любя друг друга. Любила Ирину и семья мужа, потому что отличалась она почтительностью, трудолюбием, усердием к церковной службе, избегая хождения по гостям и деревенским увеселениям. В такой спокойной семейной обстановке прошло пятнадцать лет жизни. Детей у супругов не было.

Но семью постигло тяжелое испытание. Господа Булыгины продали их в село Суркон, помещику немцу-лютеранину Шмидту, отличавшемуся суровостью и жестокостью. Переселение и в особенности жестокое обращение нового помещика сильно отразилось на здоровье мужа Ирины. Прожив на новом месте пять лет, он заболел чахоткой и умер. С тех пор беды не покидали ее. Суровые господа стали принуждать подневольную Ирину вновь выйти замуж. Но она наотрез отказалась: «Хоть убейте меня, но замуж больше не пойду!» Господа в конце концов, видя ее удивительное трудолюбие и честность, взяли Ирину в экономки.

Но прошло полтора года, и ее оклеветали. У Шмидтов пропали два холста. Господская прислуга, не любившая экономку за ее неподкупность и религиозность, указала на Ирину. Хозяева легко поверили клевете, призвали станового с солдатами на суд и расправу. Солдаты зверски ее избили, пробили ей голову и порвали уши. Страдалица, призывая в помощь Бога, мужественно перенесла эту пытку. Вскоре, однако, в реке были обнаружены холсты, украденные другой женщиной.

Несправедливость и бесчеловечная жестокость господ-«нехристей» нанесли душе Ирины глубокую рану и дали толчок к разрыву с суетным миром. Она отчаялась найти в нем справедливость и правду, которая, по ее твердому убеждению, была только у Бога Всемогущего.

Ирина тайно ушла в Киев на богомолье. В Киевской лавре, в

ее угрюмых пещерах, при нетленных мощах святых подвижников, Ирина немного успокоилась…

Прошло еще полтора года, и снова настиг ее господский гнев. Хозяева, непрестанно разыскивая смелую беглянку, напали на ее след. В Киеве ее схватили и препроводили этапом к помещикам. Они, чувствуя свою вину, простили Ирину, сделали ее огородницей, и более года она прослужила им верой и правдой.

Но возвратилась Ирина из Киева не такой, какой была раньше. Она изменилась в результате перенесенных страданий, а главное — после общения с духоносными старцами Лавры. В сердце ее жил теперь один Бог, от людей более она ничего хорошего не ждала. Ирина бесповоротно решилась оставить мир и тех жестоких людей, с которыми ей пришлось столкнуться. Снова тайно оставила она своих господ, ушла в Киев, где в горьких слезах выплакала свое горе. На этот раз прозорливые старцы, провидев ее судьбу, тайно постригли ее в монахини. Ирина получила новое монашеское имя Параскевы и благословение на подвиг юродства во Христе.

Через год, по объявлению помещиков, ее снова нашли в Киеве и арестовали. Опять ей пришлось претерпеть невыносимые страдания острога и этапного — с каторжниками — препровождения к месту жительства. К довершению всех испытаний, господа не приняли ее и выгнали раздетую, без куска хлеба, на все четыре стороны.

Идти теперь в Киев было непосильно и даже бесполезно в духовном смысле: участь Ирины уже была решена. Параскева полностью предалась на волю Божию. Она получила возможность свободно следовать этой воле, отвергая все земные привязанности, ища заповеданной Господом нищеты духовной. Это и был подвиг юродства ради Бога. Ей исполнилось сорок два года.

Пять лет Параскева бродила по селу, став посмешищем всех от мала до велика, которые считали ее помешанной. Она привыкла в любое время года жить на свежем воздухе, голодать, терпеть зимнюю стужу и летний зной. Потом она исчезла из господского села, некоторое время пробыла неизвестно где, а затем поселилась в Саровском лесу, отчего и получила впоследствии имя Паши Саровской.

В Саровском лесу Паша пребывала около тридцати лет. Жила она в пещерах, которые вырыла в непроходимых местах густого леса, населенного хищниками. Одиночество, ночные страхи, скука, уныние преследовали подвижницу, но она твердо и мужественно переносила все искушения, не предавая обетов своей пустыннической жизни. Она всегда отличалась удивительно

приятной наружностью, была высокой, имела длинные — до земли — косы. Но во время отшельничества в Саровских лесах она срезала свои дивные волосы, которые мешали пробираться в чаще и не соответствовали тайному постригу. Она стала похожа на Марию Египетскую — худая, до черноты обожженная солнцем, всегда босая, в монашеской рубахе-свитке с обнаженными руками, с серьезным задумчивым взглядом голубых проницательных глаз. На незнающих ее наводила страх своим видом.

Временами отшельница приходила в монастыри Сарова и Дивеева и на Саровскую мельницу, на которой иногда работала по указанию старцев. И в своей духовной жизни она руководствовалась их советами.

Поначалу окрестные крестьяне и странники боялись Паши, как помешанной. Но когда увидели ее добрую, сострадательную отзывчивость к горю и беде, поняли, что она истинная юродивая во Христе. Прожив много лет в непрерывных отшельнических подвигах в Саровских лесах, Паша Саровская получила от Бога дар прозорливости. Народ полюбил ее, почитая за блаженную и прозорливицу. Люди давали ей деньги, просили помолиться за них. Молиться она молилась, а деньги, если и принимала, то раздавала все неимущим.

Нашлись разбойники, решившие, что юродивая скопила великое богатство, которое прячет в своих пещерах. Они напали на нее, потребовали денег, но она ответила: «Нет у меня денег». Тогда злодеи избили ее до полусмерти. Пашу нашли лежащей в крови. Так она уподобилась своим невольным мученичеством подобным страданиям святого Серафима Саровского.

После избиения Паша болела целый год. Думали, что она не перенесет болезни: у нее была проломлена голова и сильно помята грудь. Опухоль под ложечкой мучила ее до смерти. По своему обычаю разговаривать сама с собой она, когда не могла терпеть невыносимую боль, только и говорила: «Ах, маменька, как у меня тут болит», «Что ни делай, маменька, а под ложечкой не пройдет!»

Чуть оправившись от болезни заботами деревенских людей, блаженная вновь удалилась в свою любимую пустыню — в безлюдный дремучий лес. Ничто не могло ее остановить: ни тяжесть отшельнической жизни, ни опасности, подстерегавшие ее от злых людей и зверей. Пустыня для Паши стала лучшей школой духовного совершенствования, здесь все располагало к богомыслию. Трудность такого жития подчеркивал сам батюшка Серафим Саровский, который говорил: «Живущие в монастыре борются с противными силами, как с голубями, а живущие в

пустыне, как со львами и леопардами». Паша Саровская не жалела ни здоровья, ни сил для достижения высшей духовной цели — стяжанию Духа Святого. Одному Богу известно, сколько трудов и подвигов приняла на себя отшельница, сколько бесовских нападений отразила мужественной молитвой…

Наконец, пробил час, когда Паша Саровская навсегда пришла поселиться в Серафимо-Дивеевском монастыре. Осенью 1884 года (блаженной было уже за восемьдесят) с очевидностью для всех обнаружился ее дар прозорливости, прикрываемый иносказательными образами. Блаженная, проходя мимо кладбищенской церкви, ударила палкой о столб ограды и сказала: *«Вот как этот столб-то повалю, так и пойдут умирать, только поспевай могилы копать».* Столбом Паша называла юродивую Пелагею Ивановну. И вскоре «столб» действительно «повалился» — Пелагея Ивановна умерла. А вслед за ней умер монастырский священник Феликсов, затем несколько монахинь, так что сорокоусты не прекращались целый год и бывало так, что в один день отпевали двух монахинь.

Келейница Пелагеи Ивановны Анна Герасимовна несколько раз спрашивала у Паши, не останется ли она жить с ней.

— Нет, нельзя, — отвечала Паша, кивая на портрет умершей Пелагеи Ивановны. — Вон маменька-то не велит!

— Что это? Я не вижу? — удивлялась Анна Герасимовна.

— Да ты-то не видишь, а я-то вижу — не благословляет!

Так и ушла Паша жить к клиросным сестрам. И это для сестер обители была большая радость, потому что раньше она всегда отказывалась, когда ее звали к себе монашенки. Прошла неделя после смерти блаженной Пелагеи Ивановны, и Паша стала жаловаться, что ей холодно спать у дверного порога, где было единственное свободное место. Тогда ей сказали, чтобы она попросила у игуменьи более покойного места.

— Что ж, если милость ее будет, — ответила Паша, подарив надежду сестрам, что она более не покинет Дивеево.

Немедленно доложили об этом матушке-игуменье Марии, которая обрадовалась, услышав о желании юродивой. Для нее освободили небольшую келью, убрали, оклеили, поставили кровать, комодик, стол и сундучок, повесили иконы, лампадку, подарили подушку, одеяло, самоварчик, чаю, сахару и все самое необходимое. Блаженная еще на крыльце встретила посланных с вещами келейниц со словами: «Милости просим», стала весело распевать и восторгаться, что теперь у нее «свой чуланчик».

После побоев и под старость Прасковья Ивановна начала толстеть. Выглядела она по-разному, а внешний вид ее зависел от состояния ее духа. Она была то чрезмерно строгой, сердитой и

грозной, то ласковой и доброй, то горько-горько грустной. Но от ее постоянно доброго взгляда каждый человек приходил в неописуемый восторг. Детские светло-голубые и ясные глаза ее поражали настолько, что исчезали всякие сомнения в ее собственной чистоте и праведности. Они свидетельствовали, что все странности, иносказания, строгие выговоры и выходки — лишь наружная оболочка, преднамеренно скрывающая величайшее смирение, кротость, любовь и сострадание. Тот, кто хоть раз испытал ее взор на себе, никогда уже не забывал проницательности праведницы.

Блаженная любила яркие, красные цвета. В праздничные дни и при встрече почетных гостей надевала на себя несколько сарафанов сразу. Летом ходила в одной рубахе и очень любила, чтобы в келье ее было чисто, опрятно. Она переменила несколько корпусов, а в последние два десятилетия перед кончиной Паше был построен домик у монастырских ворот.

Хотя у блаженной в келье стояла деревянная кровать с большими подушками, но она редко ложилась на нее, ибо ночи напролет молилась перед иконами. Под утро в изнеможении она ложилась и немного времени дремала, но чуть забрезжит рассвет — она тотчас вставала, умывалась, прибиралась и уходила. Иногда— весной и летом — уходила даже на несколько дней в поле и в рощи, в Саров или в любимые пещеры в лесу, где проводила время в пламенной молитве и созерцании. Часто посещала Паша сестер обители на послушаниях вдали монастыря, где соблазн действовал с большой силой. По своей прозорливости она предвидела опасности и искушения и наставляла сестер. Когда ее долго не бывало дома, монашки начинали без нее скучать. Величайшую любовь к блаженной питали все насельницы Дивеевской обители.

Во время своих странствий она всегда имела с собой простую палку, узелок со всякой всячиной, серп на плечах и несколько кукол за пазухой. Свою палку она называла тросточкой, которой пугала любопытствующий простой народ и виновных в каких-либо тайных поступках.

«А где моя тросточка? Ну-ка я возьму ее!» — говорила она, расстроенная. А когда словами не могла вразумить виновного, то брала свою тросточку и била его. Однажды к ее келье пришел мнимый странник и дерзко добивался через келейницу Паши, чтобы блаженная тотчас приняла его, говоря: «Передайте ей, что я такой же, как она». Келейница вошла в келью и спросила у «маменьки», как называли блаженную в монастыре:

— Маменька хорошая! Там к тебе пришел странник и велел передать тебе, что он такой же, как и ты. Велишь впустить его?

Та ничего не ответила, а со своей палкой вышла на крыльцо. «Странник», ожидая себе по гордости чести, получил полнейшее бесчестье. Блаженная вдруг стала бить его своей тросточкой, приговаривая: «Ах ты, душегуб, обманщик, вор, притворщик!» Больше его никогда в монастыре не видели.

Куклы во всех предсказаниях Паши Саровской играли значительную роль. Она любила их, как малое дитя: мыла, кормила, укладывала, обшивала и наряжала, с их помощью делала свои предсказания. *Если, например, приходило время умереть* 162 *какой-либо сестре в монастыре, то блаженная за несколько дней до этого доставала свою любимую куклу и наряжала ее, как покойницу. Так она предсказала и смерть игуменьи Марии.*

Серп в руках Прасковьи Ивановны не был обычным сельскохозяйственным орудием. Все вещи у нее приобретали символический смысл. Жать серпом на ее языке значило — молиться и класть поклоны Христу и Божией Матери. Если к ней приходили гости (особенно из дворян или почетных людей, с которыми блаженная из-за своего низкого происхождения не считала себя достойной сидеть в одной компании), то Паша давала распоряжения, как угостить, кланялась гостю в ноги и уходила «жать травку», то есть молиться за этого человека. Траву не бросала, а всегда относила на конный двор. *Если посетителей ожидали неприятности, она жала лопух, подавала колючие шишки и тому подобное…*

Когда она поливала или полола огород, то творила про себя непрестанную Иисусову молитву — главное оружие монахов. Если блаженная говорила кому-либо: «Уж я полола, поливала, везде полола», — это значило, что она молится за этого человека. Иногда жаловалась: «Никто не полет, никто не поливает, все я одна работаю». Это означало, что она не успевает молиться за всех и следует обратиться к другим. Блаженная не любила праздность и обличала ленивых, говоря им: «Вы вот все пьете и едите, а нет того, чтобы пойти дело поделать».

Любила Прасковья Ивановна посещать окрестные села и деревни. А уж если заночует у кого из крестьян — тому радости хватало на целый год! В том узелке, что она всегда носила с собой, чего только не было! *Огурцы, трава, корки, горох, детские рукавички, тряпочки, крестики, платки, завязанные в узелок монеты. И этим смешным имуществом она пользовалась,* когда *имела нужду предсказать какое-либо событие. Тем, кому предстояла семейная жизнь, «варила кушанье», сопровождая необходимыми пояснениями:*

— А ты знаешь, как надо варить суп? Сперва очистить

коренья, скипятить воду, сложишь все в *кастрюлю, поставить на плиту, наблюдать за всем этим, по временам охлаждать, отставлять кастрюлю-то, а то подогревать…*

Потом рассказывала, как необходимо женатым людям соблюдать нравственную чистоту, охлаждать горячность характера и подогревать холодность: не спеша, с умом и сердцем устраивать жизнь.

С иконами Паша разговаривала по-своему, как дитя. У Господа она выпрашивала благословения на каждое свое слово и действие. Иногда громко скажет: «Надо мне идти или погодить? Иди, иди скорей, глупенькая!», «Ушибла пальчик, маменька! Полечить, что ли? Не надо? Сам заживет!» Подобным образом она как бы разговаривала с невидимым духовным миром. Про себя блаженная всегда говорила только в третьем лице: «Иди, Парасковья! Нет, не ходи! Беги, Парасковья, беги!» Бывало, ночью вдруг вскочит и говорит сама себе: «Молись!»

Случаев прозорливости блаженной Паши было так много, что они стали некой обыденностью, правилом. Много народа толпилось около ее кельи. Она знала каждую мысль приходящих к ней людей и в большинстве случаев отвечала на самую мысль, а не на вопросы нуждающихся.

Вот как описывает встречу с блаженной известный духовный писатель С. А. Нилус, который после тяжелейшей болезни приехал в Дивеево летом 1902 года. Началось все с разговора с игуменьей.

«— А были вы у блаженной Парасковьи Ивановны? — спросила она.

— Нет, матушка, не был.

— А почему же?

— Боюсь.

— А чего же вы боитесь?

— Того боюсь, дорогая матушка, что вывернет она мою душу наизнанку, да еще при послушницах ваших, и тогда — конец вашему ко мне расположению. Снаружи-то как будто я ничего себе человек, ну а внутреннее мое, быть может, полно такой мерзости и хищения, что и самому мне невдомек, а вам и подавно. А ей, как прозорливице, все это открыто… Боюсь обличения.

— А если я вас о том попрошу, неужели вы мне откажете? Я вас очень прошу: сходите к ней. Уверяю вас, бояться вам нечего.

Решили на том, что я пойду к блаженной на следующий день перед исповедью. Утром мы пошли с моим спутником к обедне. Перед тем как идти в церковь, я сказал послушнице при гостинице:

— Сестрица, сходите в келью к блаженной и узнайте, в духе ли она сегодня. Я слышал, что когда она не в духе, то лучше к ней и на глаза не показываться[6]: побьет и самого губернатора.

К концу службы послушница доложила:

— Блаженная сегодня в духе, пожалуйте.

— Хорошо, — говорю я, — як ней пойду, только не сейчас. Поставьте мне самовар: промочу горло чайком, а тогда и пойду.

Напились мы чаю, пора было идти к блаженной. А на сердце непокойно, жутко. Говорю своему спутнику:

— Пойдемте вместе. Все не так страшно будет!

— Ну уж увольте! Я сейчас нахожусь под таким светлым и святым впечатлением от всего переживаемого в Дивееве, что нарушать его и портить от соприкосновения, простите меня, с юродивой грязью, а может быть бранью, нет охоты: не моей это меры…

Пришлось идти одному. Иду я к блаженной и думаю: надо будет там дать что-то — дам золотой. Тут же я вынул из кармана кошелек и переложил из него пятирублевый золотой в жилетный карман. В сенцах меня встречает келейная блаженной, монахиня Серафима, говорит: «Пожалуйте!»

Направо от входа комната, вся увешанная иконами. Кто-то читает акафист, молящиеся поют припев. Сильно пахнет ладаном, тающим от горящих свеч воском. Прямо от выхода коридорчик, и в конце его открытая дверь. Туда и повела меня Серафима: «Маменька там». Не успел я переступить порога, как слева от меня из-за двери с полу что-то седое, косматое и — показалось мне — страшное как вскочет, да как помчится мимо меня бурею к выходу со словами:

— Меня за пятак не купишь. Ты бы лучше пошел да чаем горло промочил.

То была блаженная. Я был уничтожен. Как я боялся, так оно и вышло: дело для меня без скандала не обошлось. Признаюсь, нехорошее тогда зашевелилось во мне чувство…»

Так описал Нилус свою первую встречу с Пашей Саровской, заметив, что блаженная высказала все тайные мысли. Игуменья, выслушав все, благословила его все же еще раз побывать у нее. Укрепил в том Нилуса и его духовник, священник Дивеевского монастыря, который рассказал, как поначалу совсем не доверял Паше, потому что «имел счастье быть очевидцем святого жития и подвигов предшественницы ее, Пелагеи Ивановны Серебренниковой, получившей благословление на подвиг юродства от самого великого Саровского старца, отца Серафима: та была истинная юродивая, обладавшая высшими дарами Духа Святого — прозорливица и чудотворица. И когда по кончине ее

явилась к нам в Дивеево на смену ее Параскева Ивановна, то я, попросту говоря, невзлюбил ее, считая недостойной занять место ее великой предшественницы».

Но вскоре случилось нечто, что в корне изменило отношение священника к новой юродивой. Однажды она своими иносказаниями предсказала пожар. *Паша подошла к деревянному дому батюшки и на его глазах стала втыкать засохшие ярко-красные цветки комнатных кактусов в щели бревен.*

«Наступил вечер, — рассказал священник Нилусу, — мы поужинали, семейные мои стали укладываться спать. А мне все не спится, боюсь и раздеваться: все мерещатся мне цветы кактуса, огнем выбивающиеся из бревен. Все давно заснули, а я взялся, чтобы забыться, за книгу. Было за полночь. Вдруг двор наш осветился ярким пламенем — внезапно вспыхнули сухие, как порох, соседние строения, и огонь мгновенно перекинулся на наши священнические дома. Засни я вместе с прочими, сгореть бы нам всём заживо — едва-едва успели выскочить в одном нижнем белье, а все имущество наше сгорело дотла вместе с домом, ничего не успели вытащить. И вот, с памятной той ночи, понял я, что такое Параскева Ивановна, и стал на нее смотреть, как на законную и достойную преемницу Пелагеи Ивановны».

Второй раз Нилус был у Паши вместе со священником. «Пока жив, никогда не забуду я того взгляда, которым окинула меня блаженная; истинно небо со всей его небесной красотой и лаской отразилось в этом взгляде чудных голубых очей Дивеевской прозорливицы. Сказала с улыбкой (и что это была за улыбка!):

— А рубашка-то у тебя ноне чистенька!

— Это значит, — шепнул мне в пояснение священник, — что душа ваша сегодня очищена таинствами покаяния и причащения.

Я и сам это так понял (действительно, утром я исповедовался и причастился). Достал из кармана кошелек и говорю блаженной:

— Помолись за меня, Маменька: очень я был болен и до сих пор не поправился, да и жизнь моя тяжела — грехов много.

Блаженная ничего не ответила. Подаю ей золотой пятирублевый. Она взяла, забыв, что «меня за пятак не купишь».

— Давай еще, — говорит.

Я дал. Она взяла кошелек из моих рук и вынула из него, сколько хотела, почти все — рублей тридцать — сорок. Кошелек с оставшейся мелочью отдала мне обратно. Спрятав мои деньги в божницу, блаженная пошла за перегородку, где виднелась ее кровать, пошел и я за ней. На кровати лежали куклы. Одну из них блаженная взяла, как ребенка, а правой рукой потащила меня за борт верхней моей одежды, усаживая рядом с собой на пол, да и говорит:

— Ты что же, богатое-то на себе носишь?

— Я и сам богатого не люблю, — отвечаю.

— Ну ничего, — продолжала она, — *через годок все равно зипун переменишь.*

И подумалось мне: и деньги из кошелька забрала в жертву Богу, и перемену «зипуна» предсказывает, и на пол с собою сажает — смиряет: не миновать, видимо, мне перемены в моей жизни с богатой на бедную… Как бы хотелось, чтобы не так было.

Рядом с нами на полу оказался желтый венский стул. Ободок его под сиденьем был покрыт тонким слоем пыли. Блаженная стала смахивать пыль рукой и говорит мне в глаза:

— *А касимовскую-то пыльцу стереть надобно.*

И что тут с моим сердцем сотворилось! Ведь как раз под городом Касимовом, лет без малого двадцать перед тем назад, я совершил великий грех, нанес кровную обиду близкому мне человеку, грех, не омытый покаянием, не покрытый нравственным удовлетворением обиженного, не заглаженный его прощением. За давностью я забыл его, и вдруг грех этот восстал передо мной во всей своей удручающей совесть неприглядной яркости. А блаженная продолжала:

— *У кого один венец, а у тебя восемь. Ведь ты повар. Повар ведь? Так паси же людей, коли ты повар…*

С этими словами она встала с полу, положила куклу на постель, а я, потрясенный «касимовской пыльцой», вне себя вышел от блаженной…» Добавим, что Нилус из поездки в Дивеево после встречи с блаженной вернулся совершенно здоровым.

Все предсказания Паши Саровской сбылись: Нилус стал «поваром» — своей писательской деятельностью приготовлял здоровую пищу душе православной. Книги его, написанные до революции, были совершенно забыты, однако теперь снова выходят большими тиражами.

Что касается «касимовской пыльцы», то Нилус нашел оскорбленного человека, написал ему письмо и получил ответ, исполненный доброжелательности. «А с «зипуном» вышло так, — писал Нилус. — Шестнадцать лет на моих руках было большое сельское хозяйство, дело, которому я отдавал всю свою душу (до того, как стал писателем. — *Н.* Г.), борясь всеми силами с кризисами, которыми так чревата была жизнь и работа сельского хозяина средней полосы России. Я уже видел, что мне не удержать в моих руках хозяйства. Последняя надежда была возложена на урожай большого посева пшеницы, который в 1902 году обещал быть обильным… Забыв о перемене «зипуна», я был преисполнен радужных надежд на близкий блестящий урожай, и вдруг — страшная туча с юга, с ураганом, ливнями и градом и —

конец всем надеждам. «Через годок» я созвал на совещание всех, с кем вел дела и кому был должен, кто верил моей честности и делу, и объявил, что продолжать своего дела не могу далее, не рискуя запутать и их, запутаться окончательно самому. Так и пришлось мне переменить «зипун» по вещему слову Дивеевской блаженной».

Третий раз Нилус приехал в Дивеево в августе 1903 года — когда «еще не успел остыть след царского посещения». Царская фамилия приезжала в Саров и в Дивеево на открытие мощей и прославление старца Серафима Саровского.

На этот раз Нилус, «едва успев помыться с дороги, бросился бежать прямо к блаженной. Не успел я взойти на крыльцо, как дверь отворилась и из нее вышла блаженная.

— Маменька, — кинулся я к ней. — Как же рад я вновь тебя видеть!

Блаженная направилась в келью, я пошел за нею. В келье она села у стола боком к божнице и большой иконе преподобного Серафима, взяла в руки чулок и стала его вязать. Я сел рядом с ней.

— Маменька, тяжело мне живется, помолись за меня.

— Я вяжу, вяжу, а мне все петли спускают, — ответила она с неудовольствием.

Значит: я молюсь, молюсь, а мне мешают молиться грехи ваши.

— Разве я тебе петли спускаю? — спросил я блаженную.

В ответ на мой вопрос она выбранилась и плюнула. Но потом переменила гнев на милость и что-то ласковое стала шептать, быстро шевеля спицами. Я протянул к ней два серебряных рубля.

— Брать или не брать, — обратилась она с вопросом к иконе преподобного Серафима. — Брать, говоришь? Ну ладно, возьму. Ах Серафим, Серафим! Велик у Бога Серафим, всюду Серафим!

Мне даже жутко стало: так близко ко мне был здесь великий угодник Божий, что с ним говорила блаженная. Она ушла к народу, а в келью вошла келейница Серафима. Пошли расспросы, изъявления радости и главная новость — приезд царя с царицей.

— И к нам с Маменькой, — сказывала мать Серафима, — пожаловали государь с государыней. Наша блаженная-то встретила их по-умному: нарядилась во все чистое, а когда они вошли к нам вдвоем — встала, низенько поклонилась, а затем взглянула на царицу да и говорит ей: *«Я знаю, зачем ты пришла: мальчишка тебе нужен — будет!»* Я затем вышла, а они втроем остались и два часа беседовали…»

В тот раз блаженная подала Нилусу два сырых яйца. *«А сырое яйцо — это залог новой жизни, два яйца сырых — новая жизнь*

вдвоем. Уж не свадьбу ли она вам напророчила? Похоже так», — объяснила Серафима. И это пророчество сбылось. Сам Нилус писал: «У меня и помысла не было о женитьбе: в сорок ли с лишним лет, как мне тогда было, думать о свадьбе? Прошло три года, и в 1906 году я женился. И какую же радость послал мне Господь в лице моей жены и всей последующей затем совместной с ней новой жизни. Истинно — Богодарованная, и как Божий дар — чудная, благословенная жизнь!»

Прозорливость блаженной Паши Саровской оказалась воистину пророческой в отношении русской императорской династии, последнего царя Николая II и судеб России.

Встречу блаженной Паши с царем и царицей описывали многие, например, протоиерей Стефан Ляшевский, духовный сын митрополита Серафима (Чичагова), причисленного в 1997 году к лику святых православной Церкви. «…Государь был осведомлен не только о Дивееве, но и о Паше Саровской. Он со всеми великими князьями и тремя митрополитами проследовали из Сарова в Дивеево. В экипаже они все подъехали к келье блаженной Паши. Матушка-игуменья, конечно, знала об их предполагаемом визите и приказала вынести из кельи все стулья и постелить большой ковер. Их величества, князья и митрополиты едва смогли поместиться в эту келью.

Параскева Ивановна сидела, как почти всегда, на кровати, смотрела на государя, а потом сказала: «Пусть только царь с царицей останутся». Государь извиняюще посмотрел на всех и попросил оставить его и государыню одних, видимо, предстоял какой-то очень серьезный разговор. Все вышли и сели в экипажи, ожидая выхода их величеств. Матушка-игуменья выходила из кельи последняя, но послушница оставалась. И вдруг игуменья слышит, как Параскева Ивановна, обращаясь к царствующим особам, сказала: «Садитесь». Государь оглянулся и, увидев, что сесть негде, — смутился, а блаженная говорит им: «Садитесь на пол».

(Вспомним, что государь был арестован на станции «Дно». Великое смирение — государь и государыня опустились на ковер, иначе бы они не устояли от ужаса, который им говорила Параскева Ивановна.)

Она предсказала им все, что потом исполнилось, то есть гибель России, династии, разгром Церкви и море крови. Беседа продолжалась очень долго. Их величества ужасались. Государыня была близка к обмороку, наконец она сказала: «Я вам не верю, этого не может быть!» Это было за год до рождения наследника, и они очень хотели его иметь. Параскева Ивановна взяла с кровати кусок красной материи и говорит: *«Это твоему сынишке на*

штанишки, и, когда он родится, тогда поверишь тому, о *чем я говорила вам!»*

В 1903 году блаженная предсказала появление на свет цесаревича Алексия, но не на радость, а на скорбь должен был родиться этот царственный мученик. В последние дни жизни Паша Саровская предсказывала надвигающуюся грозу на Россию. Портрет царя, царицы и царской семьи она ставила в передний угол с иконами и молилась на них, взывая: «Святые царственные мученики, молите Бога о нас!»

Блаженная умерла в августе 1915 года и перед смертью все клала земные поклоны перед портретом Николая II. Когда она уже не могла это делать, то ее опускали и поднимали келейницы. Они спрашивали:

— Что ты, мамашенька, так на государя-то молишься?

— Глупые, он выше всех царей будет…

У нее было два портрета царских: вдвоем с государыней и один государь. Блаженная кланялась тому портрету, где он был один, говорила:

— Не знай преподобный, не знай мученик!

Незадолго до своей смерти Прасковья Ивановна сняла портрет Николая II и поцеловала в ножки со словами:

— *Миленький уже при конце.*

Часто говорила: «Я государю целое поле обработала, всю крапиву выжала, полынь выдергала и осот выжала». Все знающие понимали, что блаженная просила особо молиться за царя. Она вообще грозно относилась ко всем нарушителям долга присяги, не имеющим должного уважения к помазаннику Божьему — царю, и, как преподобный Серафим, таковых вообще не принимала и не благословляла. Известно, что Николай II со всеми серьезными вопросами обращался к Паше Саровской, посылая к ней великих князей. После смерти Серафимы у блаженной была новая келейница Евдокия Ивановна. Она рассказывала, что «не успевал один уехать (великий князь. — *Н.* Г.), другой приезжал». По словам той же Евдокии Ивановны, блаженная сказала, чтобы передали царю: *«Государь, сойди с престола сам».*

Паша Саровская за несколько месяцев *предсказала начало Первой мировой войны* своими иносказательными словами и действиями. Ночами она вставала и говорила: *«Солдатики на войну пошли. Маршевали хорошо»,* а после этих слов горько плакала. Когда ее спрашивали о причине этого плача, она отвечала: *«Как не плакать, ведь солдатики горькие, а люди те все горстями лук едят».*

С начала войны блаженная усиленно постилась и молилась. Она до того исхудала, что трудно было ее узнать, была словно

живой скелет. На вопрос, что предстоит в этой войне, отвечала: «Бог нас любит и не оставит. Это дело не мое, есть Бог на небесах, а мое мочки две или три», келейным своим говорила: «Вы бы хоть один пру-точек связали». Всех она просила молиться об успехе наших дел на войне.

Игумен Серафим (Кузнецов) вспоминал: «В 1915 году, в августе, я приезжал с фронта в Москву, а затем в Саров и Дивеево. Помню, как я служил Литургию в праздник Успения Божией Матери в Дивееве, а затем прямо из церкви зашел к старице Прасковье Ивановне, пробыв у нее больше часа, внимательно слушая ее грядущие грозные предсказания, хотя выражаемые притчами, но все мы с ее келейницами хорошо понимали и расшифровывали неясное.

Многое она мне тогда открыла, которое я понимал не так, как нужно было понимать в совершающихся мировых событиях. Она мне еще тогда сказала, что *войну затеяли наши враги с целью свергнуть царя и разорвать Россию на части. За кого сражались и на кого надеялись, те нам изменят и будут радоваться нашему горю,* но *радость их будет недолго, ибо у самих будет то же горе…* Она взяла иконки Умиления Божией Матери, заочно благословила царя и семью, передала их мне и просила переслать. Благословила она иконки: государю, государыне, цесаревичу, великим княжнам — Ольге, Татиане, Марии и Анастасии, великой княгине Елизавете Федоровне и А. А. Вырубовой. Больше никому иконок не благословила, хотя я даже сам просил для некоторых, но мои просьбы не повлияли, ибо она действовала самостоятельно. Иконки были тотчас посланы по принадлежности.

После этого я пробыл в Дивееве еще несколько дней, по желанию старицы ежедневно ходил к ней, поучаясь у нее высокой духовной мудрости и запечатлевая в сердце своем многое, тогда мне непонятное. Только теперь (в 1920 году. — *Н. Г.)* мне представляется более ясным, как Богом было открыто этой праведнице все грядущие грозные испытания уклонившемуся от истины русскому народу. Непонятно мне было тогда, почему она благословила всем иконки не преподобного Серафима, а Умиления Божией Матери, пред которой скончался Серафим Саровский. В настоящее время для меня это ясно: *она знала наперед, что все они кончат жизнь кончиной праведников-мучеников, как кончил жизнь и преподобный Серафим, и наследуют жизнь вечную в обителях рая вместе с ним.* Целуя портреты царя и семьи, прозорливица говорила, что это ее родные, милые, с которыми будет скоро вместе жить. И это предсказание исполнилось. Она через месяц скончалась, перейдя в Вечность,

куда перешли и царственные мученики в 1918 году»[7].

Возвращаясь к военным действиям Первой мировой войны, приведем несколько фактов прозорливости блаженной Паши. Перед взятием Львова она встала ночью на молитву, а потом сказала: *«Государь, садись за стол, станови самовар, пей чай и садись обедать».* Эти слова означали победу. Когда была назначена эвакуация Флорищевой пустыни под Киевом, оттуда пришло письмо от монахини с вопросом к блаженной, нужно ли уезжать. Ответ был такой: *«Сядь да кушай!»* — то есть Паша Саровская предсказала, что никакой опасности нет.

Прозорливость блаженной Паши Саровской охватывала и будущее целого государства, и будущее каждого человека.

Однажды крестьянин соседней с Дивеевом деревни ехал Саровским лесом за монастырской известкой и встретил юродивую Пашу, шедшую, несмотря на мороз, босой и в одной рубашке. Покупая известку, крестьянин взял несколько лишних пудов без денег. Паша встретилась ему, когда он возвращался довольный, с «прибытком». Блаженная поравнялась с ним и говорит: «Аль богаче от этого будешь, что беса-то слушаешь! А ты лучше живи правдой, которой раньше-то жил!»

В селе Аламасове пришла Паша к священнику, у которого в то время по делам был псаломщик церкви. Подошла блаженная к псаломщику и стала ему говорить: «*Господин, прошу тебя, возьми или прищи хорошую кормилицу или няньку такую, потому тебе надо, никак нельзя, уж я тебя прошу, возьми кормилицу-то».* Священник, услышав эти слова, огорчился, вообразив, что его беременная жена умрет во время родов. Прожил он в страхе до тех пор, пока супруга разрешилась ребенком совершенно благополучно. Но спустя какое-то время, несмотря на силы, молодость и здоровье, жена его умерла.

Крестьянская девица Ксения из села Рузина пришла к блаженной Паше просить благословение на поступление в монастырь со словами: «Братья и келью мне поставят». На это блаженная ответила: «Что ты говоришь, девка! Надо прежде в Петербург сходить, да всем господам сперва послужить, тогда даст мне царь денег, я тебе какую поставлю!»

В этот раз Ксения послушала блаженную, зная, что она просто так ничего не скажет. Но вот прошло время, братья девушки стали делиться, Ксения снова начала беспокоиться о своем будущем и пошла к Паше и говорит: «Вот братья делиться хотят, а ты не благословляешь! Как хотите, а уж не послушаю я вас и поставлю келью!» Прасковья Ивановна встала с кровати, тревожно посмотрела на нее и строго сказала: *«Экая ты, дочка, глупая! Ну можно ли? Ведь ты не знаешь, сколько младенец-то*

превыше нас». Сказав это, Паша легла и вытянулась замерев. Ксения ушла, так и не поняв ничего. Но скоро пришла осень, а за ней и смерть — умерла сноха Ксении, у которой осталась маленькая девочка, круглая сирота. Тогда только поняла Ксения все слова и поступки блаженной: взяла девочку на свое попечение и осталась в миру.

Все кончается. Наступили и последние дни юродивой Прасковьи Ивановны. Чудом был уже один только ее возраст — 120 лет жизни, исполненной тяжелейших испытаний и скорбей. С начала сентября 1915 года старица начала слабеть, почти ничего не ела. В середине сентября всем стало ясно, что она готовится к смерти, несколько раз причастилась, лежала тихо, без малейшего стона, хотя было ясно, что она очень страдала. Все время блаженная глядела на образ преподобного Серафима, иногда взглядывала на икону Богоматери и что-то с Ней говорила, могли только разобрать слова: «Папенька, возьми меня домой или ты, Маменька!» Временами лицо ее озарялось необычайно красивой улыбкой, глаза становились светлыми, сияющими. До самой кончины она была в полной памяти. Все сестры обители приходили к ней прощаться. Блаженная милостиво позволяла целовать руку, сама же некоторых гладила по голове, некоторых трепала за волосы, но без слов. Когда сестры во главе с матушкой-игуменьей заплакали и спросили ее:

— Маменька, на кого ты нас оставляешь в такое трудное время?

— На Бога, — ответила она.

Всем стало грустно, у всех ручьем полились слезы. Сестры стали просить ее за них помолиться, она же ответила:

— *За всех, за всех помолюсь, кто меня также не забудет…*

Удивительное дело, но три юродивые, о которых рассказано, перед смертью независимо друг от друга говорили одно и то же.

22 сентября в два часа тридцать минут ночи Паша Саровская три раза тихо вздохнула и тихо, спокойно, без страдания предала дух свой Богу — как бы заснула крепким сладким сном после великих своих трудов. Плач по ней был неутешный.

В эту ночь послушница Анна Харитонова, проживавшая в старом Петергофе, на подворье Серафимо-Дивеевского монастыря, видела сон: в небесном пространстве, над Петергофским подворьем парит Матерь Божия, какой Она изображается на иконе «Умиление»; по правую Ее сторону стоит преподобный Серафим в епитрахиле, с прижатой к груди рукой, а по левую сторону — старица в белой рубашке и белом платочке на голове, из-под которого виднелись седые волосы. Какой-то голос сказал, что это блаженная Параскева Ивановна

(послушница ее никогда не видела). Во сне Харитонова будто от страха убежала на крыльцо и вновь взглянула на небо. Блаженная Параскева Ивановна обернулась к ней, машет рукой и говорит: «Завещаю тебе, чадо мое, никому не говори, что видела в эту ночь, им самим будет возвещено». Послушница в трепетном страхе продолжала смотреть на таинственное видение, пока оно не скрылось в расступившихся облаках. После этого она в великом страхе проснулась и не в силах была умолчать, дабы не рассказать о случившемся сестрам подворья, где еще не было известно о смерти блаженной. Телеграмму с известием получили уже после рассказа послушницы, в семь часов утра.

Первую ночь тело почившей простояло в своей келье, а на следующий день было перенесено в собор. Отпевание блаженной совершали архиереи: епископ Нижегородский и Арзамасский Иоаким и игумен Саровской пустыни вместе с многочисленным духовенством.

Приведем лишь одну выдержку из надгробных речей, чтобы показать, какую память о себе оставила стодвадцатилетняя «сумасшедшая» — юродивая Христа ради Паша Саровская.

«…Редкие из людей пользуются таким почтением, каким пользовалась усопшая старица Парасковия. За последние двенадцать лет более чем столетней жизни ее у нее, может быть, перебывало до сотни тысяч людей всякого звания, состояния, образования. А сколько народа перебывало у нее мысленно из-за невозможности лично побывать в нынешнюю тяжелую годину для России, в эту ужасную войну! Сколько верующих сердец просило ее помолиться о здравии воинов, находящихся на поле брани! Приходили к ней не только за советом и наставлением, а просто так — только взглянуть на нее, только посидеть у нее, поклониться ей, получить от нее благословение…

Чем же она снискала такое почтение? Выросшая в бедности, презираемая неверующими господами своими, перенесшая от них в молодые годы столько горя, скорби, страданий и мучений, прожившая почти половину своей жизни в скитальчестве по разным местам и дремучим, непроходимым в то время лесам вместе с дикими зверями, считавшаяся некоторыми за дурочку, она, по простому разуму человеческому, должна бы быть никем не знаема, никому не ведома.

Но Бог судил иначе. Она стала известна почти всей верующей России. Думаю, конечно, тем, что старица Прасковья Ивановна была человеком большого ума, глубоко смотрела внутрь сердца человеческого, была прозорлива и вела высокоподвижническую жизнь…

…Она пренебрегла всем земным — утешений и радостей

земных она не знала. Впрочем, радостно трепетало ее боголюбивое сердце, появлялась блаженная улыбка на устах от явлений природы, которые возвещали величие и славу Творца, мудрость и благость Божию. Любила она восходящее солнце, радовалась сиянию звезд, утешалась при виде молодых птичек, любовалась яркими цветами, зеленью. Особенно она любила маленьких невинных детей… Забывая себя и свое, она зорко всматривалась во все, внимательно вслушивалась всегда для того только, чтобы другим оказать помощь, поскорее утешить, получше успокоить. Забвение самой себя ради других — вот чем она при своей прозорливости всех к себе располагала, всех верить в себя заставляла…»

Похороны блаженной Паши Саровской были просты. Все скорбели до глубины души. Прижизненные дела ее свидетельствовали о богатырской душе, вместившей невместимое. Известные и неизвестные подвиги христианского деятельного благочестия и любви принадлежали женщине несомненно великой, память о которой в Серафимо-Дивеевском монастыре чтится и поныне и никогда не умрет.

Голосеевская монахиня

Образ жизни современных юродивых мало чем отличается от существования их духовных прародителей. Возможно, у многих на слуху теперь имя слепой юродивой Матронушки, которая до недавнего времени почивала на Дани-ловом кладбище в Москве. Сейчас готовятся материалы к ее канонизации. Она, Бог даст, будет первой прославленной блаженной XX века. Мат-ронушка завещала своим духовным чадам: «Если с тобой что случится, приходи на могилку, наклонись, спроси, что нужно, я дам совет. И всегда ходи на кладбище, когда какая нужда или что… Проси с душой, я помогу. Как принимала людей, так и буду принимать. Так же буду помогать и молиться за вас. Разговаривайте со мной, я буду вас видеть и слышать, что душе вашей скажу, то делайте». И люди стали ходить на могилку Матронушки и пить, и разговаривать с ней, и горько плакать, получая облегчение. На ее могиле были случаи исцелений. Собрана целая книга «откровенных рассказов» о случившихся, по молитвам блаженной Матронушки, чудесах…

Но мы расскажем о другой юродивой XX века, которая незримыми узами связана с великим русским святым прозорливцем Серафимом Саровским и вольно или невольно существенно дополнила одно из его важнейших пророчеств о

конце света.

Монахиня Алипия (в миру Агафья Тихоновна Авдеева) умерла в 1988 году, прожив на свете сто лет. И год смерти ее был знаменательным — праздновали Тысячелетие Крещения Руси, а блаженную Ксению Петербургскую причислили к лику святых.

«Житие свое в безвестности сохранив», Агафья Тихоновна рассказывала о себе скудно и немного. Уже с пяти лет помогала по хозяйству — сидела с хворостинкой на завалинке, смотрела, чтобы цыплята не разбежались. А сама непостижимым образом знала, кто из соседей на базар идет, кто в церковь…

В семь лет осталась она круглой сиротой. После смерти родителей нанималась на поденную работу, воду таскала, дрова рубила, на кирпичном заводе трудилась. Но очень рано бросила все и отправилась странствовать по России — пешком исходила тысячи верст. Не заботилась она ни о пище, ни об одежде, искала царствия Божия и правды его и верила, что все нужное приложится, по слову Спасителя. Ей везде сопутствовала удача. По-видимому, уже в молодости Агафья получила благословение на подвиг юродства. Скиталась бездомно, бесприютно и сподобилась особых благодатных дарований.

Однажды пришла в Чернигов. Отстояла в церкви вечерню, а ночевать ее никто не берет. Увидела, что к старосте домочадцы спешат: дочь на печи угорела. Все побежали, странница — за ними. В избе ребенок без признаков жизни лежит. Агафья помолилась святителю Феодосию Черниговскому, растерла ребенка святой водой, перекрестила — вздохнуло дитя. Странницу приютили. Недолго задержалась в гостеприимном доме — дальше пошла. Заходила во все монастыри, великим старцам кланялась, у всех святынь грехи России замаливала.

После Октябрьского переворота на юге, под Одессой, пришлось пострадать и Агафье. Странницу схватили и бросили в камеру к уголовникам. Она сказала им: «Не подходите!» — и они не посмели приблизиться. Охранник в глазок смотрел и видел: стоит арестантка, крестится, а над головой ее светлый ореол, как на иконах пишут. Дрогнуло у парня сердце: отодвинул засов, вбежал в камеру и голову к платочку ее подставляет, чтобы и на него сияние снизошло.

В застенках томились священники. Их брали на мучение без возврата. Осталось в камере трое: старик протоиерей, его сын и Агафья. «Утром нас не будет в живых, отслужим по себе панихиду». «И обо мне», — попросила странница. «Ты уйдешь», — утешил священник. Так и вышло: как — неизвестно, но в заповеданный час она тайно вышла на виноградник. Он был оцеплен и охранялся. Агафья поползла не вдоль посаженных лоз,

а под плетнями, утром оказалась у моря. Долго плутала меж скал и наконец ушла от погони.

Незадолго до Великой Отечественной войны странница Агафья пришла в Киев. Рассказывают, что во время оккупации она людей из концлагеря выводила. Их с собаками охраняли, а она маленькая, незаметная — как будто только дух ее…

Во время войны Киево-Печерскую лавру вернули православной Церкви, и архимандрит Кронид, ставший настоятелем Лавры, постриг странницу Агафью в малую схиму с именем Алипия, в честь первого русского иконописца Алипия Печерского, который был еще и искусным врачом, исцеляя болящих своими красками. Архимандрит Кронид, не избежавший жестоких гонений за веру, был духовным отцом монахини Алипии, он-то и благословил блаженную подвизаться в дупле огромного дерева, по примеру старых подвижников.

Заветное дерево — огромный дуб, служившее ранее пристанищем блаженного Феофила, — росло посреди Голосеевской чащи, которая сама по себе является святыней. Она расположена в глубоком овраге около входа в Дальние и Ближние пещеры Киево-Печерской лавры. В Голосеевских дебрях несли свой уединенный монашеский подвиг известные подвижники — иеросхимонах Парфений Киевский, блаженный Паисий Лаврский и та самая старец-девица Досифея, благословившая на монашество преподобного Серафима Саровского, когда он молодым приходил из Курска к великим старцам Киева.

В этом-то намоленном месте совершала свой жизненный путь блаженная Алипия, духовная преемница славных столпов Голосеевских.

XX век перевалил за вторую половину, а блаженная жила в дупле, освещаемом слабым огоньком лампадки, претерпевая в древесной пещерке и холод, и голод. Матушка Алипия своего ничего не имела, жила в своем дупле как птичка небесная. Иногда приходил отец Кронид, приносил мантию, полную сухарей. Высыпет у дуба и уйдет — строгий был, поблажек не давал. Если становилось невмоготу, благословлял читать сорок раз девяностый псалом «Живый в помощи Вышнего».

«Как засыпет снегом, холодно, зуб на зуб не попадает, — вспоминала блаженная, — пойдешь к монахам, какой даст хлебца, а какой и выгонит». В сильные морозы ее пускал в свои сенцы схиигумен Агапит. «Согрелась? — спросит спустя время. — Теперь спасайся иди». И она уходила.

Когда архимандрит Кронид скончался, схимонах Дамиан, лаврский старец, благословил ее переселиться поближе к людям. Мать Алипия поселилась в земляной пещерке, жила на подаяние.

Сломала ногу — вылечилась без врачей и гипса. Верно, именно тогда открылся ей секрет изготовления чудесной мази, которой впоследствии блаженная уврачевала столько страждущих…

Конца испытаниям не было. Блаженную вытащили из ее пещерки и посадили в тюрьму на несколько лет. Заточение состарило ее, но духа не сломило. Наказывали за все: запела «Отче наш», да и соузниц научила — карцер, отказалась работать на Пасху — на память остался беззубый рот.

Выпустили из тюрьмы — года в Лавре не прожила, разогнали твердыню Печерскую — во времена хрущевских гонений на Церковь. Когда монахов выселяли, под стенами обители плакала женщина. «Не плачь, сестра, — утешали отцы, — всех нас в одно место свезут, будем там Богу молиться». Думали, всех в тюрьму, а получилось, что пошли они в мир проповедовать, кто Христа ради, кто на приходы.

В 1963 году на Киев обрушилось страшное несчастье: в районе Куреневки прорвало дамбу. Потоки грязи сметали все на своем пути. Дело было ранним утром, полуголые люди взбирались на крыши. Не успевшие проснуться погибли. После катастрофы остался полутораметровый слой глины. Строители долго выгребали ковшами экскаваторов руки, ноги, части тел. Мало кто понял, что это было наказание за разгон Лавры.

Блаженная поселилась на Димеевке недалеко от церкви Вознесения в заброшенном домике. Когда Голосеевский лес пытались освоить под дачи киевские партийные работники, жителей стали выселять, улица опустела. Матушка Алипия уезжать отказалась. К ней придиралась милиция, мол, грязно. «Так девки уберут», — отвечала она. «Кто вас здесь поселил?» — спрашивали. «Всевышний», — отвечала она. И ее не посмели тронуть. Блаженная никогда не имела паспорта. Мальчишки дразнили ее, швыряли камнями, она терпела и молилась.

Обличьем своим матушка Алипия была нерусская, говорила не очень понятно, женщин называла в мужском роде. Ходила она в плюшевой кофточке, детском капоте, на спине таскала мешок с песком, отчего казалась горбатой. На груди всегда висела громадная связка ключей, символизируя грехи духовных чад, которые блаженная брала на себя, вешая в знак очередного принятия греха новый ключик. В последние годы носила вериги, цепи въедались в тело.

В ее домишке была тесная комната с низкой притолокой, диван, бумажные иконки, навесной шкаф с простой алюминиевой посудой, в углу — печка. На выходе — крохотная прихожая, в которой хранились нехитрые съестные припасы. Кровать была завалена чуть не до потолка: горы мешочков, торбочек,

изношенная одежда, все скручено, перевязано в громадные узлы. Блаженная перебирала эти гирлянды ветоши, сосредоточенно шевеля губами: молилась за чьи-то заблудшие души. Разрухой матушкина келья напоминала жилище многих юродивых.

Ночью она никогда не спала, до рассвета полагала бесчисленные поклоны, поминая живых и усопших старцев, духовных чад, приходящих и благодетелей. Любимчиков у нее не было, она никого к себе не приближала, хозяйством, несмотря на самые преклонные годы, занималась сама. Когда при старцах есть кто-то первый, он волей-неволей начинает распоряжаться, командовать. У матушки Алипии все были равны. *До самой Чернобыльской катастрофы, которую она предсказала,* в Голосеевском лесу собирался только узкий круг почитателей. После аварии в келью хлынул народ. На общественное служение блаженная вышла лишь за два года до конца своей столетней жизни.

Одна она никогда не ела и поначалу неделями сидела голодная, ожидая, когда ее придут навестить. В последние годы на улице стояли дощатые столы, ежедневно собиравшие десять — пятнадцать человек. Сваренная каша чудесно умножалась на любое число прибывших…

Перед едой общая молитва. Святые отцы не случайно называли молитву пищей для души. «Когда читаешь молитву, освящается все вокруг, — говорила матушка Алипия. — Не только дом и сердце твое, освящается земля, воздух, животные. Читай молитву лежа, читай сидя, как можешь, только читай!»

Для блаженной было важно, кто принес кушанье, чьи руки прикасались к пище, через чье сердце пришло приношение. Принимала она не у всех. И вот соберутся все за столом, хозяйка избушки опустится на коленки, пропоет своим сильным голосом: «Верую», «Отче наш», «Помилуй мя, Боже», перекрестит стол, скажет: «Кушайте», а сама ложится на скамейку, отдыхает. Порции благословляла огромные, одной семье хватило бы на неделю, а все непременно надо было съесть. *«Сколько осилишь, настолько я смогу тебе помочь»* — так подразумевалось. Так оно и было: люди с тяжелейшими болезнями исцелялись у ее стола.

Своим первым чудом в Кане Галилейской Господь превратил воду в вино, благословил его, указав на целебную силу виноградного вина. Что-то подобное произошло и за матушкиным столом. Незадолго до Чернобыльской катастрофы блаженная стала предлагать к столу кагор с пепси-колой, как бы указывая, в чем искать лекарства от разлитой в воздухе заразы. Знаменитые голосеевские застолья, на которых старица потчевала киевлян церковным питием, стали им защитой от лучевой болезни. Ни

один из матушкиных чад не страдает от лучевой болезни и по сей день.

Блаженная проводила жизнь свою в необычайной простоте, не превращала свою жизнь в загадочный спектакль, сознательно скрывала свои духовные дары, всячески отвергала славу человеческую… Но между тем около нее творились чудеса. Жизнь каждого ей была открыта наперед, как в зеркале, видела она мысли и чувства ближних, замыслы Творца о чадах Своих.

Всех она принимала: блудника, лжеца, разбойника, только лукавых обличала, хитрости не переносила. Ходили к ней духовно неопрятные люди и приторно-слащавые в общении. Это бросало тень на хозяйку дома, потому частенько и юродство ее негативно воспринималось. Но блаженная никого не прогоняла от себя, следуя евангельскому слову о дожде, который изливается и на праведных, и на грешных.

Только молилась за всех, а по дару прозорливости блаженная знала, как с кем поступать. Однажды в Голосеево пришел молодой человек с девушкой. «Какая она грязная», — подумала девушка, увидев старицу. Мать Алипия попросила, чтобы почитали ей «Послание к евреям» апостола Павла. Когда молодой человек дошел до слов: «Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли», матушка остановила: «Достаточно» и внимательно посмотрела на девушку. Та опустила голову, лицо ее горело…

Что касается беспорядка в матушкиной келье, то «тайну» его приоткрывает ее духовная дочь Л. Чередниченко, которая свидетельствует, что блаженная была чистоплотнее всех. «Однажды ранней весной я страстно желала матушке чем-нибудь помочь: откинуть ли снег, принести воды или дров, убрать в келье или постирать белье. Матушка глянула на меня и сказала: «Чистый я, всю зиму не мылся и не стирался, а совсем чистый», подняла юбочку и показала свою белоснежную полотняную рубашечку. А ведь она сама топила печку, вычищала золу, носила дрова, воду, убирала в келье, делала множество грязных работ во дворе»…

Духовная дочь матушки Алипии Е. Бадьянова вспоминала: «Особенно запомнилось время 1983–1984 годов, когда мне угрожало исключение из вуза за стихи, которыми заинтересовался отдел № 1. В трудную минуту, как всегда, пошла к матушке Алипии. Выслушав меня, она спросила с простодушной улыбкой: «А КГБ — это что, ругательство такое? — Помолчав, добавила: — *Нет, не будешь ты в тюрьме».* У меня затрепетала душа. Потом она попросила прочитать «мои молитвы», как она называла стихи. Опустив голову, матушка внимательно слушала.

Beer происходило после обеда в ее садике. *Матушка прилегла возле куста малины на траву и сказала мне: Ложись».* Я легла рядом. Она закрыла глаза, будто спит. Уже и посуду помыли пришедшие к матушке монахини Фроловского монастыря, смотрят на нас удивленно, ждут. Тогда я еще не могла знать, что матушка предсказывает мне долгую болезнь. В результате всех нервных потрясений я несколько месяцев пролежала в больнице, оторванная от близких, родных, от церкви. Лишь потом поняла: матушка надо мной молитву свою дивную творила, которая и уберегла меня от надвигающейся грозы, помогла успешно закончить институт, избежать тюрьмы и выздороветь»…

Изобличая мысли и поступки людей, блаженная говорила притчами, но так, что человек, которому предназначалось вразумление, понимал, о чем идет речь. Оставила, например, ночевать у себя гостя, простыночку дала, а под голову ободранного петуха положила, сказав: «Это его курицы ощипали». Другой женщине сказала: «Тихо, здесь девять цыплят под тряпкой лежат, подохли». Гостья побледнела, чувств лишилась: она делала девять абортов.

Чаще всего люди не подозревали, что облегчение их болезни или участи тяжелым грузом ложится на старицу. Обнимет, поцелует — казалось бы, благословляет, а она чужую хворь на себя берет, даже как-то призналась блаженная: «Вы думаете, мазь варю (ту, целебную, приготовлявшуюся каждый раз заново для конкретного человека. — *Н. Г.)?* Сама за вас распинаюсь». Однажды она дала больной попить освященного ее молитвой кагора и, пока та пила, блаженная упала без чувств.

Одну духовную дочь старица не благословляла ехать в Ленинград, но та не послушалась. Хозяин квартиры, в которой она остановилась, захотел ее изнасиловать. Женщина начала кричать, звать «мамочку» Алипию. Мужчину словно что-то отбросило от жертвы. В ту ночь у старицы опухла рука, раздулась, почернела — так страдала она за непослушное дитя.

Множество удивительных вещей происходило вокруг блаженной. Однажды она, в окружении нескольких хороших знакомых, возвращалась из церкви домой. Был праздник Троицы. Недалеко от избушки блаженной трактора выкорчевывали лес: рев стоял неимоверный. Она остановилась, ударила посошком о землю и, глядя в сторону грохочущей техники, твердо сказала: «Не робите сегодня, не робите!» Кто-то из компании усмехнулся: «Да разве ж они услышат?» Но спустя пару часов, когда матушкины приверженцы возвращались домой по той же дороге, они удивились стоявшей в лесу тишине и увидели, что трактора стояли: кто-то ковырялся в моторе, кто-то просто лежал на траве.

Однажды в жару в избушке нечего было пить: кончился и квас, и компот. Старица помолилась, подошла к бочонку, открыла его: он снова оказался полон до краев. Блаженная обернулась в красный угол, сказала: «Кто налил?» Она всегда на иконы оборачивалась и на все свои вопросы получала прямой ответ. Иногда старица давала странные приказания, но впоследствии оказывалось, что они были спасительными. *Как-то в разгар голосеевского застолья одну монахиню в овраг со свечкой читать Псалтирь послала.* Потом выяснилось: именно в тот час ее брата чуть не убили.

Пришла за советом монахиня, до того бывшая насельницей Горненской Иерусалимской обители, возвращаться ли туда обратно? Матушка не благословила: *«Ты здесь выше будешь».* Сегодня эта монахиня — настоятельница одного из старинных русских монастырей.

Ольга, врач-психиатр, впервые попала к матушке. Хозяйка указала ей, где сесть, сама же вышла. Тут на Ольгу стали кричать, как она посмела сесть на матушкино место. Она испугалась, встала. Вернувшись со двора, старица строго сказала: «*Почему стоишь, садись, где тебе сказано!»* Все поняли, что такова матушкина воля. Когда присутствующие стали расходиться, та женщина, которая больше всех кричала, по дороге все время падала на ровном месте. Сегодня та самая раба Божия Ольга — инокиня в Горненской обители.

Одна женщина собиралась отправиться в армию, где служил ее сын. У него украли автомат, солдату грозил дисбат. Мать пришла к блаженной. *«Он не виноват, — сказала она, — украл автомат Василий».* У военного начальства женщина спросила: «Сколько в части Василиев?» «Трое», — ответили ей. Подошла она к одному, посмотрела в глаза, он не выдержал, опустил их. «Кем служишь?» — спросила. «Каптерщиком». В каптерке и нашли украденное оружие.

Если старица не находила нужным отвечать на вопрос, она просто не отвечала, могла даже отвернуться, давая понять, что разговор не по ее части. Человек мог получить указание лишь относительно самого себя, про третьих лиц старица ничего не сообщала. «Сестра же моя тоже к вам ходит, ну вы же ее знаете», — пытались некоторые настаивать на ответе. Блаженная сердилась: «Никого не знаю».

Однажды, увидев среди гостей знакомого, матушка разволновалась, стала кричать: *«Убьют, убьют!»* Едва успокоили ее. И что же? Тот человек стал без благословения юродствовать, его избили в милиции, и он в муках скончался. Старица ведь его предупреждала по-своему, что нельзя самочинно юродствовать,

это серьезный, опасный шаг, но он не прислушался к ее словам.

Заступническая молитва старицы была чудодейственна. Для нее не нужны были какие-то исключительные условия, она помогала одним своим взглядом. В избушке всегда был народ, наедине поговорить не всегда удавалось, но блаженная уделяла внимание каждому. «Какие были у нее глаза! Конца-краю нет, огромные, я утонула в них! Не голубые, не серые — никакие. Ни рисунка, ни белков в них не было, одна глубина бездонная. Родные, участливые глаза!» — подобным образом высказывались многие из духовных чад блаженной.

Матушка Алипия взошла на такую высоту сочувствия ко всему живому, что понимала язык земли, разговаривала с травами, с птицами, котами, пророчествовала на тварях бессловесных.

Один только пример. У одной женщины сын воевал в Афганистане. От него долго не было никаких известий. Измученная тревогой, мать пришла в голосеевскую избушку, рассказала о своем беспокойстве старице. Та увидала выпавшего из гнезда птенца, завернула его в белую тряпочку и полезла по приставленной к дереву грецкого ореха лестнице наверх. Через некоторое время старица спустилась и сказала: *«Жив птенчик, улетел и тряпочку на спинке унес».* Вскоре и сын той женщины вернулся, живой, но комиссованный, с травмой позвоночника.

В голосеевском доме обитало множество котов. С ними всегда связано нечто таинственное. Очевидно, они пребывали на службе у старицы, деля с ней труды по исцелению ближних. Коты у нее были ученые: кто нуждался в помощи, к тому, как мухи на мед, липли, а от иных, как ошпаренные, отскакивали. Одной женщине, страдавшей радикулитом, матушкин подопечный так впился в спину, что не сразу и отодрали. И от этого «массажа» больная думать забыла о своем радикулите.

Но и доставалось этим же котам. Все они были больные, с гнойничками, с сухими лапками. Блаженная вымаливала людей, животные как бы принимали удар на себя. Курочки тоже были тощие, шелудивые, падали с насестов. «Почему звери у вас такие больные?» — спрашивали старицу. «Люди блудно живут, кровосмешение делают, все отражается на тварях земных». Отгонит, бывало, блаженная беса от человека, тот разозлится и в картошку уйдет. Все грядки стоят зеленые, сочные, а один куст вдруг завянет, сморщится. «Нечистый дохнул», — только и скажет она.

Все пожертвования добрых людей старица тратила на церковное поминовение. Покупала охапками свечи и ставила перед всеми иконами в Дивеевской церкви, набирала множество

хлеба, так что едва доносила до заупокойного столика. Некоторые буханки оставляла для панихиды, прочие, присев на скамеечку, крошила голубям. Они, завидя ее сгорбленную фигурку, слетались целыми стаями.

Птицы небесные — надежные предстатели пред Господом. Во многих случаях, когда надо вымолить грешную душу, старцы благословляют кормить голубей. *Вот и прозорливой матушке Алипии было видно, за кого какую жертву принести: за одних подавала на панихидный стол, других вручала предстательству голубиному…*

Через сто лет после рождения пришел черед и блаженной старицы Алипии. За год до смерти она объявила: «*Все, девки, ухожу от вас».* С этого дня она стала подавать людям. Сама ухаживала за гостями голосеевской трапезы, тем самым указывая предназначение монаха — быть всем слугой, к старице ведь много монахинь Фроловского монастыря ходили; их же она просила читать о себе живой заупокойную Псалтирь.

В воскресенье 30 октября 1988 года в голосеевском домике было особенно много народа. После трапезы старица прилегла. Все разошлись, осталась одна супружеская пара прибраться. Как убрали посуду, взглянули на матушку, а она бездыханная лежит с сияющим лицом. Муж с женой побежали звонить, а когда вернулись — увидели, что на груди у блаженной лежит мертвый, еще теплый котенок, оставшийся последним в голосеевской избушке.

Как-то перед смертью блаженная обронила, что хоронить ее будет Фроловский монастырь, так и случилось. Могила блаженной — на монашеском участке Лесного кладбища. Могила и прижизненный завет, как у всех блаженных: *«Ходите ко мне на могилку, чем больше людей придет, тем больше благодати будет. Кричите, я услышу!»*

ПРОРОЧЕСТВА ЮРОДИВЫХ

Ксении Петербургской вряд ли представлялось, до какой смертельной черты дойдет человеческий разум, который откроет тайну ядерной реакции и воспользуется ею себе во зло. Блаженной XX века матушке Алипии время судило предсказать величайшую катастрофу.

Перед Чернобыльской аварией она несколько дней кричала: *«Отец, не надо огонь, Отец, зачем огонь? Тушите ради животных, ради малых детей!» Поливала водичкой все вокруг: «Девки, земля горит!» Падала на запад и молилась: «Матерь Божия, избавь нас от огня». За два месяца до Чернобыля блаженную видели идущей по Крещатику, хотя никогда в жизни она не выходила из Голосеевского леса с тех пор, как поселилась там…*

Когда случилось непоправимое, вспомнили, тогда-то и поняли, что как крестным ходом обходила пределы Киева прозорливица, молитвенно ограждая его от пагубы. Не она ли была той праведницей, ради которой Бог уберег Киев от радиационного облака, определив ему иное направление?.. Не то ли же делала святая блаженная Ксения, которая, как сказано в акафисте, была «град Петров всенощным бдением от бед ограждавшая и гнев Божий от него многажды отвращавшая».

За Ксенией Петербургской явился на земле великий прозорливец и чудотворец земли русской Серафим Саровский, который благословил на подвиги, сравнимые с его «стоянием в вере», Пелагею Ивановну Серебренникову, прозванную «вторым Серафимом». Блаженная духом провидела и благословила и «третьего Серафима» — Пашу Саровскую, которая жила и пророчествовала в судьбоносные для России времена, когда рушились вековые ее устои, предсказала гибель династии, разгром Церкви и море крови.

Преемственность эта продолжилась дальше. Паша Саровская была пострижена в монахини в Киевско-Печерской лавре, прожила сто двадцать лет. Неведомо откуда судьба привела к этим же святыням Агафью Тихоновну Авдееву после тяжелых испытаний, мучений и искушений. В Киеве Агафью постригли в монахини. На подвиг юродства ее благословили раньше, она, как и Паша Саровская, была блаженной «со стажем».

Порой и старица Алипия возвещала о предметах странных и уму человеческому непостижимых. *«Однажды она нам всю кончину мира описала.*

Около часу говорила, мы внимательно слушали, но все выпало из памяти, лишь две-три фразы остались, как ориентир во

тьме.

Война начнется на апостолов Петра и Павла, сказала матушка. Будете лежать: там рука, там нога… Это будет не война, а казнь народов за их гнилое состояние. Мертвые тела будут лежать горами, никто не возьмется их хоронить. Горы, холмы распадутся, сравняются с землей. Люди будут перебегать с места на место. Появится много бескровных мучеников, которые будут страдать за веру Православную».

Преподобный Серафим пророчествовал о сроках конца света: *«Мню, что восьмая-то тысяча (от сотворения мира. 1998 год от Рождества Христова соответствует 7506 году от С. М.) пройдет. Мню, что пройдет! И вот что скажу еще тебе, батюшка. Все пройдет и кончится!»* Кажется, современнику XX века беспокоиться нечего: святой Серафим отдалил от нас своим пророчеством конец света лет на пятьсот.

А ведь время побежало быстрее. Еще несколько веков назад святой Нил Мироточивый предсказывал: *«День будет вращаться, как час, неделя, как день, месяц, как неделя, и год, как месяц».* Судя по всему, сами стихии будут спешить поскорее закончить восьмую тысячу лет. Блаженная Алипия предсказала, что «*война начнется на Петра и Павла»,* праздник которых празднуется 12 июля по новому стилю. Казалось, драматических событий надо ожидать летом. Но вот за год до своей смерти старица начала жить по одному ей известному летосчислению. Она называла этот календарь Иерусалимским. День Петра и Павла падал в ее календаре на осень, все до единого праздника сместились. Время уплотнилось.

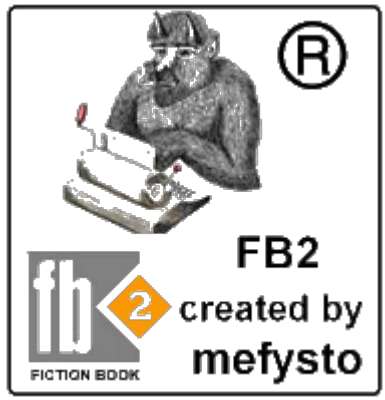
Блаженная Алипия, бывало, показывала полпальчика и говорила: *«Вот сколько времени осталось, а не покаемся, так и этого не будет».*

Будут ли в XXI веке юродивые-блаженные, подобные святой Ксении Петербургской или Паше Саровской?.. Кто знает!

Жизнеописание блаженной Ксении Петербургской, ее чудотворения и пророчества сродни путешествию в неведомую и загадочную страну. Единственная канонизированная юродивая XVIII века, она обрела дар пророчества в одну ночь. "Мнимым безумием мир отвергнувшая", Ксения своими молитвами охраняла град Петров от бед, предсказывала судьбы, помогала людям в их горестях и болезнях. Она предсказала скорую смерть императрицы Елизаветы Петровны и страшную кровавую гибель Иоанна Антоновича, наследника российского престола.

ISBN 5-237-00805-4
9 785237 008050

издательство



notes

Примечания

1

Акафист (греч.) — «неседален», то есть церковное чтение или пение, во время которого не полагается стоять, — в честь Господа Иисуса Христа, Божией Матери и чтимых святых или празднуемого события. В акафисте прославляется подвиг святого, раскрывается значение праздника.

2

Наиболее раннее упоминание об одной из Крапивиных относится к 1778 году: «…Ириной звали ее, в супружестве была за петербургским купцом Василием Крапивиным, от роду имела 34 года, И месяцев, 16 дней. К несказанной же моей и вашей печали разлучилась с вами, оставя мир вам и благословение, 1777 г., марта 30 дня, пополудни в 7 часов». Нередки упоминания в архивных документах и о других Крапивиных — фамилия эта была в городе известной.

3

Царскосельская икона «Знамения» принадлежит к чудотворным иконам, прославленным явными чудесами. Например, она спасла Царское Село от страшной холеры в 1831 и 1848 годах.

4

Смоленская икона — список с древнейшей чудотворной иконы, той, которую, по преданию, написал Евангелист св. Лука при земной жизни Богородицы. Через Смоленскую икону Богоматерь являла. Свою благодатную помощь в защите нашего Отечества от иноземных завоевателей: от татар в XIII веке, от поляков в XV–XVI веках и от французов в 1812 году.

5

Старец Серафим Саровский основал в Дивееве Мельничную общину, куда брал одних только девиц. Этой общине суждено было перерасти в известный на всю Россию Серафимо-Дивеевский монастырь. Насельниц Мельничной общины он называл «дивеевскими сиротами».

6

«Не в духе» Паша бывала обычно в моменты своей борьбы, невидимой миру, с врагом рода человеческого — дьяволом. Тогда она ломала вещи, била посуду, кричала, волновалась, была вне себя.

7

Фрейлина императрицы Александры Федоровны А. А, Вырубова, как известно, не была расстреляна с царской семьей, однако всю жизнь свою была невольной мученицей за царя и царицу, обливаемая потоками грязи и лжи. Чего стоит один подложный «Дневник», фальсифицированный писателями Алексеем Толстым и Щеголевым.